1[67]

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- НОВЫЙ СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ
- ДВУГЛАВЫЙ ПАТРИОТИЗМ
- ЧУЖИЕ САМИМ СЕБЕ
- БЕСОВСКОЕ МЕЧТАНИЕ

ИМПЕРИИ НЕТ. ЕСТЬ СТРАНА

- ДЕЛО О ПРЕСТУПНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
- ПЯТЬ МИЛЛИАРДОВ ЗЕЛЕНЫХ
- ЛЕСНАЯ БАЛЛАДА С ТЕНДЕНЦИЕЙ
- ЕДИНЫЙ БОГ АВРААМА

1992 ЯНВАРЬ·ФЕВРАЛЬ

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал «Страна и мир» издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Эйтана Финкельштейна. Обложка художника Б.Рабиновича. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

Представители журнала:
В Москве – Сергей Лёзов (125167, Ленинградский просп., 45, корп. 4, кв. 367).
В скандинавских странах – Борис Вайль (Det Kongelige Bibliotek, Chr. Brigge 8, 1219 København K, Danmark).

Стоимость годовой подписки в Европе 75 герм. марок, в США, Канаде и Израиле – 60 ам. долл., в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 70 ам. долл. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 12 герм. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию.

СОДЕРЖАНИЕ

Мир без страны 1
В.Цымбурский. Понятие суверенитета и распад Советского Союза 4
На диком Востоке 17
В.Комарек. Шоковая терапия и ее жертвы 21
Г.Киссинджер. За обновление России в новых пределах 23

Политическое обозрение 27
Ганс Кюнг. Два флага над Иерусалимом 34
Э.Орловский. Нюрнбергский процесс 42
«Меры по раздроблению и развалу» 53
К.Д.Хенке, Г.Воллер. Оглянись на дом свой 55

А.Гутьеррес. Мексика. Должник нового типа 61
К.Крук. Маленький мир огромной страны 66

А.Б. Население мира 77
У.Нордхауз. Семь раз отмерь 83
Л.Рудкевич. Страсти по зеленым 89
С.Л. Будущее лесов 108
Архив. Алексей Толстой о Льве Рудкевиче 114

С.Максудов. Этого не может быть, потому что не может быть никогда 115
Письма в редакцию (И.Бирман, Б.Хазанов) 119
Ю.Айхенвальд. Две правды генерала Лукина 121
Е.Барабанов. Русская философия: невроз своеобразия 134
Ю.Буйда. Алхимия самозванства 152
Новая книга 160

Das Land und die Welt e. V.
Schwanthaler Str. 73, D-8000 München, 2, Federal Republic of Germany
Tel. (089) 530514. Telex 5218017 umbt d. Telefax 534603
Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)
Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80) **ISSN 0178-5036**

Девятый год издания

СТРАНА И МИР

МИР БЕЗ СТРАНЫ

На рубеже 1991 и 1992 годов название нашего журнала утратило свой смысл. Подразумевалось, что кроме Большого Мира, где дела идут, может быть, и не лучшим, но естественным путем (этот Мир мы на эмблеме журнала обозначили синим цветом), существует еще Страна, которую история окрасила в красный цвет – цвет крови. Одни полагают, что это кровь борцов за народное дело, другие – что кровь самого народа, пролитая этими борцами, но и те, и другие согласны, что красный цвет – символ коммунизма. Выбирая имя журналу, мы хотели сказать, что стремимся содействовать тому, чтобы это трагическое разделение цветов исчезло и выпавшая из Мира Страна в него вернулась.

После Августовской революции в истории коммунизма была поставлена точка. Под Новый, 1992 год с глобуса исчез и Советский Союз. В этих условиях сохранение «шапки» журнала, кажется, может иметь лишь одно оправдание – то, руководствуясь которым «Комсомольская правда» сохранила и в этом году не только прежнее свое название, но и полный «иконостас» орденов в заголовке. «Комсомолка» перестала быть комсомольской газетой, пожалуй, раньше многих других бывших советских газет с нейтральными названиями, но она ценит «марку фирмы», традицию. Решение спорное, но понятное.

Впрочем, у нас все же есть больше оснований, чем у «Комсомолки», не менять «шапку» журнала. Сменить красный цвет на синий в эмблеме журнала легче, чем в жизни. КПСС запрещена, но ее традиции и идеология живут, подчас незаметно для нас самих, в каждом из нас, даже в тех, кто считает себя убежденным антикоммунистом. Пример грузинской регенерации немарксистского большевизма, о которой предупреждал Мераб Мамардашвили, – лишь самая наглядная, но, увы, далеко не единственная иллюстрация этого. Поэтому оставим пока красный сегмент на нашей эмблеме – как знак опасности.

Но исчезла и сама Страна, и на смену ей пришло целых пятнадцать (пока) стран. Бывшая Страна была Империей, последней на земном шаре, и сейчас ее исчезновение не устают комментировать историки, политологи, журналисты. Действительно, на исторические судьбы Ойкумены это событие окажет не меньшее влияние, чем в свое время падение Римской империи.

Ищут аналогов такому историческому событию, как крах Советского Союза, не только по масштабам, но и по его характеру, – и не находят. Действительно, все мировые империи рушились совсем по-иному. Римская империя распадалась, конечно, в результате ослаблявших ее внутренних процессов, но все же решающее значение имели удары, наносимые ей извне варварами, которым историей было предназначено через полторы тысячи лет заключить Римский договор и создать объединенную Европу.

Точно так же военные поражения – внешний фактор – инициировали или ускорили падение ряда других империй: империи Инков, Австро-Венгерской, Оттоманской. Падение же Империи Советов не было вызвано воздействиями извне. До самого последнего момента эта Империя оставалась военной сверхдержавой, способной за считанные минуты уничтожить Мир.

По-иному кончили свою жизнь империи другого рода, не бывшие монолитными территориальными образованиями, – империи заморских колоний. Испанская и Португальская колониальные империи, собственно говоря, не рушились в одночасье, а медленно, веками отмирали. От них один за другим отпадали то большие, то меньшие куски. Британская и Французская империи прекратили свое существование за исторически очень короткий срок, но это было не крушение империй, а в немалой мере сознательный, почти плановый их демонтаж. Могут сказать – под давлением самих колоний. Да, но к чести метрополий, они своевременно уловили направление исторического хода событий и нашли в себе силы прекратить ему противодействовать. В результате колонии исчезли, и это не привело к потрясениям в метрополиях.

На фоне этого обвальный крах Советской Империи может показаться явлением, не имеющим в мировой истории прецедента. Но это не так – прецедент был: крушение Российской империи, произошедшее за 74 года до этого.

Эту параллель могут оспорить: Российская империя пала на исходе Первой мировой войны. Но, не говоря уже о том, что Россия к началу революции не потерпела военного поражения, сама эта война не была направлена против Российской империи именно как *Империи*. Против внешнего врага Российская империя выступала не только как единое, но и как вполне монолитное целое.

Российская империя рухнула потому, что обнаружилась вызревавшая уже долгое время ее внутренняя слабость. Стало очевидно, что исчез интегратор Империи – великодержавная монархическая идея. Отсутствие этой скрепы, державшей всю страну как целое, стало очевидным для всех, и Империя рухнула.

Империя была вскоре восстановлена, ибо возник новый интегратор – идеи социализма и интернационализма, идея построения коммунистического будущего. Наличие социального интегратора не означает, конечно, что воссоздание империи было мирным и добровольным. Империи – всегда дело недобровольное, но тем же туркам-османам,

кроме военной силы, нужен был и Ислам, ибо без интегратора, без объединяющей идеи империи не создаются.

Для того, чтобы и новые скрепы проржавели, потребовалось всего 74 года – сыграл свою роль безмерно ускорившийся темп исторических событий вообще. Похоже, что это последний развал империи на территории, для обозначения которой не осталось иного термина, кроме унизительного «рублевого пространства». На горизонте не усматривается более никакого нового интегратора, способного привести к новому возрождению имперской традиции.

Вероятнее всего, будет сделана попытка возрождения идеи «великой России» – собственно говоря, такие попытки уже делаются. Но это, очевидно, тупиковый путь. Такие попытки могут еще, конечно, принести народу немало горя, но успешными оказаться не смогут. Это путь назад, к былому (реальному или мифическому) величию. В конце XX века никакая страна, а тем более такая огромная, как Россия, не может себе позволить ориентироваться на прошлое, не рискуя окончательно выпасть из истории.

Сейчас у России появился действительно уникальный шанс стать великой – не присваивая себе этого эпитета, а получив признание от других членов мирового сообщества. Это путь *нормальности*, по которому пошел весь цивилизованный мир. Не пытаясь навязать Миру свою волю и свои идеи, Россия перестанет быть Империей, но наконец-то станет Страной.

Стать Странами предстоит и иным бывшим советским республикам, каждой по-своему, но предстоит. Иным придется осваивать свою новообретенную государственность, другим нужно самим избавляться от комплексов «малых империй», от заразительного имперского духа.

Нам бы хотелось, чтобы каждый читатель, открывая «Страну и мир», мысленно имел в виду под «Страной» его собственную. Поэтому мы сохраним наше традиционное название. Редакция искренне желает всем своим читателям, где бы они ни жили, успеха в трудном деле становления их стран, их государств.

Разумеется, разразившиеся перемены заставляют нас еще и еще раз продумать нашу редакционную политику. Помимо некоторых структурных изменений, которые постепенно будут вводиться уже с нынешнего номера, мы думаем о главном – о необходимости перемещения центра тяжести нашей работы на территорию Страны, в данном случае – России.

●

В. ЦЫМБУРСКИЙ (Москва)

ПОНЯТИЕ СУВЕРЕНИТЕТА И РАСПАД СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Кто помнит, что означало понятие «суверенитета» в советском доперестроечном официозе, тот не может не поражаться его звучанию в политической трагикомедии последних лет, завершившейся коллапсом Союза.

Раскроем 3-е, «брежневское» издание БСЭ. Мы прочтем, что суверенитет есть «верховенство и независимость государственной власти», позволяющие ей «оказывать авторитетное воздействие, а при необходимости и принуждение на все стороны жизни общества, что придает ей всеобъемлющий, суверенный характер». Здесь, «суверенность» оказывается фактически синонимом «тоталитарности». При этом подчеркивается, что именно трактуемый подобным образом «суверенитет государства делает его независимым в международных отношениях». Но если международная независимость определяется способностью «оказывать принуждение на все стороны жизни общества» – мыслима ли власть независимей и суверенней Советской власти, с первых своих лет практиковавшей как раз такое всеобъемлющее принуждение?

Кроме того, примерно до 1987 г. понятие «суверенитета» в советском официозе имело четко «антиимпериалистическую», то есть антизападническую нацеленность. Суверенитет преподносился как право соцстран и государств Третьего мира сопротивляться не только экономическому или информационному империализму, но и любым попыткам Запада распространять свои политические, правовые и гуманитарные нормы на другие регионы мира. Коньком внешнеполитической пропаганды СССР было «попрание суверенитета» третьемирных стран державами – лидерами Запада и транснациональными корпорациями. Если западная политология расценивала отношения самого СССР с малыми соцстранами, особенно в случае Чехословакии 1968 г., как последовательное воплощение концепции «ограниченного суверенитета» (она же «доктрина Брежнева»), то такая оценка может относиться лишь к политической практике СССР, но ни в коей мере не к ее пропагандистскому обеспечению. Официально речь шла отнюдь не об ограничении чьего-то суверенитета, а о классовой солидарности, интернациональном долге или о братской помощи, в том числе особенно часто – о противостоянии посягательствам «империалистических кругов» на чьи-то «суверенные права». Именно так еще в 1987 г. мотивировал М.Горбачев советское присутствие в Афганистане в книге «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». «Суверенитет» для советских идеологов был высокочтимой, но послушной священной коровой, всегда гораздой бодать западных империалистов.

Понятно, что республики, входившие в СССР, законно могли титуловаться «суверенными государствами» – в том числе и в своем противостоянии Западу – и по признаку необязанности внешнему миру никаким отчетом в своих общих внутренних делах. Во имя суверенитета Союза с порога могли отметаться разговоры о правах человека и об инспекциях, проверяющих соблюдение военных договоренностей («легализованный шпионаж»). Культ «суверенитета» был официально чуть ли не краеугольным камнем советской позиции в послевоенном мире.

Любопытно, что и сейчас отождествление «суверенитета» с правом на горделивую закрытость живо в идеологии и практике различных режимов, возникающих на территории прежнего СССР, и лишь очень относительно смягчается их декларативным прозападничеством, особенно проамериканизмом. В этом смысле все равно, рассуждает ли будущий член ГКЧП О.Бакланов о еди-

ном СССР как о «великой державе с суверенным развитием»; протестует ли З.Гамсахурдия против чужого вмешательства во «внутреннее дело» Грузии – юго-осетинскую бойню; вышвыривает ли И.Каримов из суверенного Узбекистана нелояльных корреспондентов; или же литовский политолог А.Бурачас, заклеймив в коллективном труде «50/50. Опыт словаря нового мышления» «имперский механизм» советской власти, тут же с сугубо советским пылом сетует на «достижения в технологии телекоммуникации и создании всемирной сети биржевой электроники», позволяющие «транснациональным корпорациям преследовать глобальные цели, подрывающие национальный суверенитет даже без явного противодействия охраняющей его государственной власти».

И, однако же, при сохранении родовых советских черт в позднеперестроечной и постперестроечной идеологии суверенитета, очевидно, что прагматическое использование этого понятия за последние годы претерпело стремительный переворот. Прежнее официозно-советское клише стало лозунгом, обращенным против имперского централизма, хотя и менявшим за четыре года свое реальное содержание в диапазоне от заявок на республиканский хозрасчет до провозглашения полной государственной независимости. Ранее откровенно охранительное понятие теперь сделалось столь же откровенно разрушительным для только что освящавшейся им системы. Понять эту метаморфозу – значит во многом понять то, что произошло в СССР в эти годы. Но для осмысления этого концептуального поворота, а вместе с тем – и для проникновения в истоки советской трактовки суверенитета (каковая способна производить все новые метастазы на огромных территориях этой «политической Атлантиды») политолог должен отдавать себе ясный отчет во внутренней структуре самой идеи суверенитета, в тех концептуальных парадоксах, которые раскрываются в перипетиях ее истории.

Четыре понимания суверенитета

Используя тот или иной термин, включенный в многовековую ретроспективу политической мысли, идеологи и политики-практики обычно придают ему то из возможных значений, которое отвечает их сегодняшнему пониманию обобщенной, фундаментальной реальности, отложившейся в семантической структуре термина. Они, как правило, однобоко представляют себе значение слов – ибо упрощенно видят, в парадигмах своей эпохи, скрывающиеся за этими словами аспекты политического космоса.

Впервые введший в политологию термин «суверенитет», буквально – «верховенство», французский мыслитель XVI в. Ж.Боден разъяснял его как «высшую власть над гражданами и подданными, свободную от законов»: ведь она творит и отменяет законы – а, значит, сама должна быть выше их, не может быть ими связана, если, конечно, не считать неких наиболее абстрактных, как бы божественных норм-универсалий – необходимость соблюдать договоры, заботы суверена о благе страны и т.д.

Вся огромная традиция, идущая от Бодена, теоретически различает в идее суверенитета два будто бы неразделимых на практике аспекта. Это аспект внутренний – полновластие государства на его территории, и аспект внешнеполитический – его независимость, отсутствие над ним более высокой надзирающей и контролирующей инстанции, возможность для него на свой страх и риск, никому не давая отчета, вырабатывать политику, вести войны и заключать договоры. Если вспомнить цитировавшуюся статью в 3-м издании БСЭ, легко видеть, что советское тоталитаристское использование этого понятия примыкает к вполне респектабельной мировой традиции!

Конечно же, нетрудно обнаружить огромные идеологические сдвиги, происшедшие со времен Бодена в представлениях об источниках и носителях суверенитета. Изначально его основание могли видеть в Божьей воле, учре-

дившей наследственную власть монархов, или же, как Т.Гоббс, в согласии граждан отречься от своеволия в пользу единого властителя и принять его волю как закон, дабы не сгинуть в войне всех против всех. Затем в революциях XVIII–XIX вв. утвердилась идея народного суверенитета, во множестве ее версий – от отождествления народа-суверена с узким кругом цензовых избирателей до большевистской «диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства». К началу XX в. в потрясениях на окраинах трех империй – Российской, Австро-Венгерской и Османской – выкристаллизовалась концепция суверенитета нации, или права наций на самоопределение, практически означающая право крупных и компактно проживающих этносов на создание государств, обслуживающих их интересы.

Кстати, следует помнить, что выражение «национальный суверенитет» имеет еще и другое значение, никак не связанное с идеологией национализма. Ибо во всех европейских языках термин «нация» двусмыслен: помимо крупного этноса, способного создать отдельное государство, он может относиться также к государству, как к таковому, точнее – к населению какого-то государства, как бы взятому вместе с институтами последнего и с правящим режимом. Именно в таком смысле этот термин присутствует в названии Организации Объединенных Наций. В силу этой омонимии, языкового сдвига, оказывается возможным говорить о «национальных интересах» или «национальном суверенитете» применительно к многонациональным (в смысле – полиэтническим) государствам. Поэтому, когда заходит речь о национальном суверенитете, надо стремиться прояснить, что имеет в виду говорящий или пишущий: вообще некое государство с его населением или жаждущий самоопределения этнос. Тем более, что для некоторых публицистов, в частности грузинских и прибалтийских, характерно нарочитое неразличение этих значений, злоупотребление омонимией, вроде отрицания «национальных интересов» за империями.

В европейской истории, таким образом, различимы, представленные развернуто или имплицитно, на уровне словоупотребления, четыре понимания суверенитета: суверенитет монарха, как бы сконцентрировавшего в своих руках средневековые права всего военно-феодального, политического сословия, суверенитет народа-населения, суверенитет нации-этноса и, наконец, суверенитет государства как интегративной политической целостности, независимо от господствующей идеологии и социальной структуры. Каждая из этих концепций выдвигает вперед, соответственно, признак чистой политической и военно-командной власти, или признак хозяйственной и гражданской общности, или критерий культурно-языковой, либо, наконец, чисто технократический критерий управляемости. Знаменательно, что эти видения суверенитета отвечают различению четырех универсальных социальных функций по Т.Парсонсу: политической, экономически-адаптивной, интегративной или, наконец, культурной, обеспечивающей непрерывность существования системы и идеологическое снятие возникающих в ней напряжений. Поэтому возможность четырех пониманий суверенитета, видимо, может рассматриваться как универсалия, которая в том или ином специфическом преломлении способна обнаруживаться и в политической истории других мировых регионов.

Смена и конкуренция идеологий государственного суверенитета заставляла правящие режимы пересматривать и менять политические имиджи, определяя динамику внешне- и внутриполитических стратегий, умножая мифы власти. Так, лишь с утверждением догмы народного суверенитета возник имидж героя-диктатора, ведающего и воплощающего народную волю, – тот имидж, который реализовался в диапазоне от Робеспьера и Бонапарта до Пиночета и Кастро. И тем не менее все эти мутации в рамках очерченной «типологии суверенитетов» нисколько не затрагивают сути самой идеи суверенитета, не углубляя и не изменяя ее понимания: говорим ли мы о России

при Николае II, СССР при Сталине или Ливии при Каддафи, ничто не мешает нам оставаться при той же самой формуле суверенитета – «полновластие плюс независимость». Чтобы заглянуть по ту сторону этой формулы, вглубь семантики суверенитета, надо обратиться к примерам иного рода, иного ряда.

Критики стандартного «боденовского» толкования суверенитета много раз говорили о его схоластичности. Взять, например, любые государства, состоящие в военном союзе. Вступая в него, они во многом утрачивают свободу решений и начинают в важнейших вопросах войны и мира руководствоваться не прямыми, сиюминутными своими интересами, а долгосрочными взаимными обязательствами – вплоть до того, что вступают в войны, не будучи к ним готовы, как Россия в 1914 г., или даже вовсе их не желая, как Англия и Франция в 1939 г. Значит ли это, что они добровольно лишают себя суверенитета? А если да, то зачем они это делают? Лишь мельком напомню давние хрестоматийные споры в связи со статусом доминионов, о том, возможен ли суверенитет внутренний без внешнего. Или о положении в федеративных государствах, где власть делится между федеральным правительством и штатами так, что ни одна инстанция не может нарушить полномочий другой. Кто здесь полновластный суверен? Ясно, что во всех этих разнородных, многократно дискутировавшихся случаях политологи имеют дело с особым проявлением суверенитета – не как независимости, а как фиксированной, обязывающей взаимозависимости субъектов.

Если перейти к повседневной политической речи, то в ней «суверенитет» обычно вовсе не тождествен ни «полновластию», ни «независимости». Например, Э.Шеварднадзе в книге «Мой выбор» вспоминает, как в бытность главой компартии Грузии стремился «к достижению республикой реального суверенитета, хотя бы в рамках существующей системы». Но разве «суверенитет в рамках системы» – это «полновластие и независимость»? Всякий, кто читал мемуары О. фон Бисмарка, знает, что в Германской империи правители мелких княжеств и королевств, уступив имперскому правительству в Берлине важнейшие вопросы политики, юстиции, экономики, продолжали считаться суверенами над своими владениями, хотя уже явно не были ни полновластны, ни независимы. Мы постоянно говорим, что в ходе интеграции европейские государства частично поступаются суверенитетом. Но что такое «частичное полновластие» или «частичная независимость»? Думается, в беседе о политическом процессе на Ближнем Востоке вполне естественно прозвучит вопрос: в какой мере распространяется суверенитет Израиля на отдельные территории, охваченные экспансией с 1948 по 80-е гг.? Но разве же при этом будет иметься в виду независимость Израиля или то полновластие, которым могут быть наделены обычные оккупационные органы?

Как политическая, так и речевая практика бунтует против приравнивания «суверенитета» к «полновластию и независимости». Во всех приведенных примерах мы чувствуем, что «суверенитет» – нечто иное. Но как концептуально определить это иное, с которым мы так легко оперируем на практике? И возможна ли такая «формула суверенитета», из которой, как частные случаи, были бы выводимы и традиционное понимание этой концепции, и глубинные структуры тех ситуаций, когда это понимание явно оказывается неадекватным?

«Факты» и «признание»

Разберем общеизвестный случай, проливающий свет на универсальные механизмы суверенитета. Как известно, в 1990–91 гг. правительства Латвии, Литвы и Эстонии, неоднократно пытались добиться от западных государств признания независимости этих республик, но безуспешно. Невозможность признания в основном мотивировалась тем, что режимы Горбунова, Ландс-

бергиса и Рюйтеля не осуществляют в полной мере власти над своими территориями. Таким образом, на словах признание суверенитета ставилось в зависимость от достижения фактического полновластия. На деле же все знали, что причина отказов – в далеко зашедшем консенсусе между западными правительствами и Горбачевым и в нежелании первых подвергнуть этот консенсус испытаниям. Лишь после августовских событий, когда решения Горбачева оказались под контролем руководства России, признавшего независимость Прибалтики, аналогичное признание со стороны Запада не заставило себя ждать. Получается, что в реальности вовсе не фактическое полновластие прибалтийских режимов стало основанием для их принятия в мировое сообщество. Как раз наоборот, согласие сообщества – той системы, куда им предстояло вступить, – на восстановление этих государств, признание, обретенное данными режимами при определенном состоянии этой системы, дало им средства к фактическому осуществлению их притязаний.

Вспомним факты, казалось бы, совершенно иного рода, а именно: разделы Польши в XVIII в. и Мюнхенское соглашение, разрушившее государственную целостность Чехословакии. В этих случаях причиной уничтожения суверенитета Польши и Чехословакии оказалось согласие, достигнутое лидирующими государствами европейской системы, куда входили эти славянские страны, на ликвидацию полновластия польского и чехословацкого правительств над теми или иными территориями. Как бы различно ни интерпретировались по международно-правовым меркам эти разделы, с одной стороны, и конституирование в 1991 г. прибалтийских государств, с другой, как бы противоположны ни были последствия этих актов – в одних случаях, суверенитет разрушается, в других создается, – глубинные механизмы рассматриваемых событий оказываются тождественными. Мы видим, как согласие системы детерминирует реальные возможности режимов малых государств и тем самым либо создает, либо уничтожает суверенитет последних.

Отсюда мы можем вывести ту общую формулу суверенитета, о которой говорилось выше. Суверенитет – это ситуация, когда некий субъект обладает физической возможностью осуществлять власть, на которую притязает, и вместе с тем политическое сообщество, к коему он принадлежит, признает осуществление этой власти как его право. Причем как такое право, которое он может осуществлять сам по себе, от своего имени, а не от имени другого члена сообщества и даже не от имени системы в целом: например, опека государств над какими-либо территориями по поручению ООН вовсе не означала их суверенитета над этими территориями.

Спорные вопросы, связанные с проблемами суверенитета, намного удобнее обсуждать в терминах «факта» и «признания», нежели в декларативных категориях «полновластия» и «независимости». Так, «суверенитет в рамках системы», о котором пишет Шеварднадзе, значил просто признание Центром за грузинскими властями права окончательно решать некоторые важные для Грузии вопросы. Точно так же и с мелкими правителями в Германской империи: коль скоро, включив их в свою систему, она признала за ними некие «неотъемлемые» и наследственные права, они и внутри нее оставались суверенами, пусть и низшего ранга. Вопрос же о суверенитете Израиля над землями, где сейчас распоряжаются его власти, – это по существу вопрос мирового расклада сил, признающих те или иные права за Израилем, за ООП и т.д. Поэтому на место формулы «полновластие и независимость» мы подставляем другую, более емкую: «фактическая власть вместе с признанием ее со стороны сообщества, системы». Такая формула позволяет рационально анализировать практически все известные на сей день парадоксы суверенитета, с которыми ничего не поделать, если исходить из «полновластия» и «независимости».

Но можно пойти дальше. Между двумя частями получающейся формулы – «фактом» и «признанием» – всегда можно проследить обусловливающую

связь, причем оказывается, что в конкретных условиях может доминировать то одна часть, то другая. Иными словами, в одних случаях «признание» привешено к «факту», а в других, наоборот, – «факт» к «признанию». В первом варианте имеем, так сказать, *суверенитет факта*, когда даже чуждый и враждебный сообществу режим заставляет, благодаря своему могуществу, признать свои претензии. В истории этому несть числа примеров. При этом формула «факт плюс признание» осмысляется предельно близко к традиционной «полновластие плюс независимость», если даже не прямо совпадает с ней. В другом же варианте режим обретает признание, а во многом также и средства, чтобы реализовать признаваемые за ним права, прежде всего, через консенсус системы. Это своего рода *суверенитет согласия*, когда сама независимость парадоксально рождается из зависимости – зависимости от признания, как мы это видели на примере прибалтийских республик.

В конкретных случаях между «признанием» и «фактом» может возникать сложный и неоднозначный баланс. Рассмотрим один случай 70-летней давности, однако выглядящий весьма актуально из-за обстановки, ныне складывающейся в России. Как пишет в своих мемуарах А.И.Деникин, в конце 1919 г., ввиду надвигающейся катастрофы белогвардейских армий Юга России, Антанта, стремясь к сплочению всех антибольшевистских сил, потребовала от него «признания... самостоятельности существующих окраинных правительств (Донского, Кубанского и Терского. – *В.Ц.*) и установления будущих отношений путем договора общерусского правительства с окраинными правительствами». В ответ Деникин заявил о признании «самостоятельного существования фактических окраинных правительств», с многозначительным добавлением: «ведущих борьбу с большевиками». Позднее, опровергая упреки справа в попрании «догмата целокупной русской государственности», Деникин писал: «Мне казалось, что «догмат» отнюдь не поколеблен. Не говоря уже о том, что юридический смысл «признания самостоятельного существования фактических правительств» вовсе не равносилен признанию de jure окраинных государств и что соглашение вовсе не устраняло окончательной санкции всероссийского Учредительного собрания, мне лично представлялось, что сговор между метрополией и окраинами может идти только в пределах хотя бы широчайших прав их на те или другие области управления, но не на раздельное существование».

И решение, принятое Деникиным, и его позднейшие объяснения проникнуты сложнейшей диалектикой «факта» и «признания». Антанта требует, чтобы Главнокомандующий, провозгласив «самостоятельность», то есть независимость окраинных режимов, тем самым конституировал управляемые ими области в качестве отдельных государств, которые смогут в будущем на равных правах вести переговоры с Россией. Согласие Деникина должно было придать факту существования казачьих режимов новый статус, по сути, создать на будущее новый факт государственной обособленности южных территорий. Деникин же отвечает формулой «признания правительств, а не государств», лишь узаконивая факт наличия этих режимов, но ничего к нему не прибавляя, никакого нового факта своим согласием не творя. Симптоматично, что на место «самостоятельности» Деникин упорно ставит «самостоятельное существование», которое может быть осмыслено как суверенитет не очень большого ранга, на уровне достаточно широкой автономии. Правильность такого понимания позднее была подтверждена комментарием в «Очерках русской смуты» насчет «сговора в пределах хотя бы широчайших прав на те или другие области управления, но не на раздельное существование». И наконец, само признание «самостоятельного существования фактических правительств» Деникин обусловливает их борьбой с большевиками. Иными словами, формулировка Деникина направлена на то, чтобы не только не создавать, безусловно и опрометчиво, этим согласием нового факта, но и наличный факт функционирования казачьих правительств объявить условным, завися-

щим от поведения этих режимов, включить их в единую *структуру согласия* с белым командованием.

Точно так же любые проблемы суверенитета сводимы к претензиям отдельных режимов и политических сил, диапазону их реальных возможностей и отношению в сообществе к этим претензиям и возможностям. Причем претензии в механизм суверенитета входят лишь постольку, поскольку подкрепляются либо реальной властью, либо согласием системы. Поэтому и суверенитет может быть разных рангов, в зависимости от объема «неотъемлемых прав», признаваемых за политическими субъектами, и отношения этих прав к правам других субъектов, а также, в определенных случаях, к правам институтов, представляющих сообщество в целом. И здесь уже анализ внутренних механизмов суверенитета переходит в исследование различных – мировых, региональных, блоковых, федеративных – структур согласия, характеризующихся распределением между своими членами различных типов и форм суверенитета. Семантика перетекает в геополитику.

Новый «Священный Союз»

Чтобы верно оценить функционирование идеологемы «суверенитета» в послевоенной советской пропаганде, надо обратить внимание на особенности политической эволюции Запада в этот период, которые суммарно сводятся к смене господствовавшего в европейской политике до Второй мировой войны принципа суверенитета факта, свободной игры интересов и сил опорой на суверенитет согласия и интенсивным развитием воплощающих его структур.

Европа уже видела подобное в 10-х и 20-х годах прошлого века, в эпоху Священного Союза, которую многие политологи охотно сравнивают с ситуацией последних десятилетий (наиболее известна в этом отношении книга Г.Киссинджера «The world restored»). Тогда после гибели паневропейской сверхдержавы Наполеона I, перед угрозой новых революций в Европе, ее ведущие режимы – Россия, Австрия, Англия, Пруссия – попытались стабилизировать миропорядок на основе принципа легитимизма – нерушимости владений и преемственности монархической власти. Союз был четко ориентирован на исключение фактов, взрывающих структуры согласия. Не только революции, посягающие на власть признанных монархов, пресекались спровоцированными ими интервенциями, но даже обсуждался вопрос о допустимости интервенций в случае, если какой-то монарх сам введет у себя конституцию, игнорируя и ослабляя европейский консенсус.

После Второй мировой войны структуры согласия на Западе складывались на иной основе – всеобщем исповедании принципа народного суверенитета. Однако у политического мироустройства были сходные черты с постнаполеоновским временем: конец войны, продемонстрировавшей уязвимость, смертность режимов и целых государств, даже весьма могущественных, в потрясениях, опрокидывающих международный порядок; падение Третьего рейха, впервые за полторы сотни лет возродившего, пусть в чудовищной форме, идею общеевропейской Империи, консолидирующей ресурсы континента; крепнувший коммунистический вызов и отсутствие всякой уверенности в согласии коммунизма ограничиться Ялтинскими рубежами; вставшая перед «свободным миром» двуединая задача возрождения и обороны Западной Европы – при том, что в отличие от дней Священного Союза противник был четко локализуем и этим облегчалась задача сдерживания.

Как известно, Священный Союз погубила борьба держав за сферы влияния в Европе и вне ее. Геополитика восторжествовала над идеологией, принципы суверенитета согласия рухнули вместе с системой Союза, сменившись развитием событий по формуле «каждый за себя». В западном же сообществе эпохи холодной войны, особенно после деколонизации, поставившей крест на соперничестве европейских государств из-за колониальных терри-

торий, наоборот, наблюдается сплочение их интересов, постепенное превращение их позиций в *одну позицию* внутри современного мира. Быть может, самым интересным для будущего историка этих десятилетий окажется переплетение собственно европейских интеграционных процессов в оборонной, экономической, политической, правовой сферах с процессами евратлантическими: выработкой согласованной политики Запада в отношениях с советским блоком и с Третьим миром, в хозяйственной сфере, в ответах на все новые исторические вызовы – топливный, экологический, наконец на вызовы порога 90-х, связанные с последствиями краха марксистских режимов на востоке и попытками создания нового мирового центра силы в лице Ирака.

Сколь бы грандиозной ни выглядела роль США в политике этих лет, эта роль слишком уж сильно была завязана на главную миссию НАТО – оборону новой Европы. А значит, нельзя исключить, что когда-нибудь при оценке исторических процессов «с птичьего полета» эта роль представится хотя и благодарной, но во многом служебной, сводящейся к попытке утвердить в глобальном масштабе порядок, для которого истинным эталоном и ядром стала бы объединенная «Европа отечеств». В частности, пересадкой «европейской модели» в Новый Свет выглядят нынешние первые подступы к созданию общеамериканского рынка.

Уже в начале 60-х гг. Британская энциклопедия в статье «Суверенитет» отразила парадоксы мира, где суверенитет государств над их территориями крепнет с ограничением суверенного права ведения войны; где государства следуют множеству молчаливо принимаемых правил игры, на которые они далеко не всегда давали согласие, но которых им обычно никто и не навязывал силой против их воли; где суверенитет, по сути, делится между государством и институтами, представляющими сообщество в целом. В том же духе Шеварднадзе, рассуждая в «Моем выборе» об «укреплении и развитии национального суверенитета через интеграцию в наднациональных структурах», предлагает дополнить практику инспекций без права отказа «переговорами без права отказа». Но суверенитет без права отказа суверенов от инспекций и от переговоров – явно не тот суверенитет факта, который описывает формула «полновластие плюс независимость». На смену свободным, по силе и интересам, комбинациям враждебных и союзнических отношений между государствами как атомами международной политики приходят более жесткие «молекулярные» структуры, материализующие охранительный консенсус.

При суверенитете факта ясно видна граница между внешней политикой и внутренними делами государств, не касающимися ни одного из их соседей. Как бы негативно ни относились в 30-х гг. западные демократии к антисемитизму гитлеровского режима, это отношение практически не сказывалось на ведении ими дел с Германией. При суверенитете же согласия внутренние дела государства рассматриваются с точки зрения готовности или неготовности режима согласовывать свою политику с оценками, исходящими от системы. Потому внимание системы концентрируется не столько даже на ценностях, декларируемых режимами, сколько на соблюдении эталонных процедур и сценариев, отвечающих стандарту системы, которые могут относиться как к внешне-, так и к внутриполитической сфере. Так в центре системы Священного Союза стоял сугубо «внутренний» институт наследственной монархической власти: суверенитет каждого отдельного монарха как бы обеспечивался суверенитетом европейского монархического консорциума. После Второй мировой войны Запад движется ко все более детализированным «внутренним» и «внешним» критериям легитимности режимов, так что суверенитет отдельного народа оказывается подчинен суверенитету сообщества, принимающего эти критерии.

К настоящему времени мы располагаем двумя авторитетными их изложениями. Во-первых, это пять пунктов, принятые в декабре 1991 г. на заседа-

нии министров иностранных дел стран Европейского сообщества в Брюсселе, как условия дипломатического признания бывших югославских и советских республик, а именно: признание ими уже существующих границ, разрешение спорных вопросов путем переговоров (то есть отказ от революционной внешней политики), соблюдение демократии, прав меньшинств и индивидуальных свобод. Во-вторых, это четыре принципа, провозглашенных Дж.Бушем в сентябрьской речи 1991 г. на Генеральной Ассамблее ООН в качестве рекомендации режимам, возникающим в республиках бывшего СССР: они касаются внутренних вопросов и включают, помимо опять же демократии, личных свобод и прав меньшинств, еще и свободу рынков. Все это не просто гуманистические пожелания, но требования системы, призванные, наряду со «святостью границ», играть такую же стабилизирующую роль, как монархический принцип в Европе Священного Союза. Ибо нетрудно видеть, что успешное осуществление их в посткоммунистических государствах и в Третьем мире влекло бы за собой охват этих регионов прозападными структурами согласия, предотвращая появления режимов типа хусейновского, способных, собрав волю и ресурсы нации в кулак, поставить сообщество перед фактами революционного характера. Само выдвижение подобных критериев как застав на пути новых югославских и экс-советских режимов в большой мир призвано скорректировать революционность их возникновения.

Не зря именно евратлантическая консолидация возвела традиционные для Запада индивидуальные свободы в ранг «суверенитета личности», как бы проведя грань, за которой кончается суверенитет государства и каковую оно не смеет переступать, какие бы цели оно ни преследовало. Потому этот принцип оказывается практически несовместим с суверенитетом факта в большой политике. Поскольку никто не должен быть судьей в своем собственном деле, суверенитет личности требует возможности – институциализированного или нет – третейского суда между государством и его подданными, более того, суда, чей вердикт мог бы оказаться весомее воли режима в собственных его владениях. Потому ограничение полновластия государства в пользу личности – или, то же самое, в пользу нацменьшинства – может быть вполне гарантировано лишь ограничением национального суверенитета в пользу структур, представляющих сообщество в целом и, следовательно, работающих на поддержание и совершенствование нынешнего миропорядка. Эмансипированная личность и нацменьшинство оказываются потенциальными союзниками наднациональных структур космополиса в тылу режима, который бросил бы космополису революционный вызов.

Наконец, «рыночная экономика» и «демократия», отождествляемая с институтом многопартийных выборов, сейчас воспринимаются иначе, чем в начале века, когда в условиях атомарного мироустройства и открытой схватки держав («рыночных» и в большинстве многопартийных) за свои интересы, различение революционных и стабилизирующих сил не имело реального смысла. Сейчас эти институты в посткоммунистических и третьемирных обществах часто выступают *символами* ориентации на сплоченный Запад, пиетета перед его базисными атрибутами, а значит – согласия придерживаться апробированных им правил игры. Не случайно многопартийные выборы начала 90-х гг. в странах, избавляющихся от марксистских властей, повсеместно проходят в присутствии приглашенных западных наблюдателей, фигурирующих не только в роли носителей воспринимаемой политической культуры, но и на правах экспертов, которые должны будут удостоверять легитимность новых властей перед миром. «Признание» сообщества контролирует «факт» волеизъявления народа. Новые режимы притязают не просто на выражение народной воли, но и на то, что выражают ее по принятым на Западе правилам, в чем отдают себя на его суд.

Но если суверенитет как монархов, так и народа-населения исторически мог принимать формы то суверенитета факта, то суверенитета согласия,

сложнее дело обстоит с идеологией политического самоутверждения наций-этносов, вступающей в драматические и, в конечном счете, конфликтные отношения с порядком, утверждающим первенство «признания», «согласия» перед «фактом». Национализм – всегда суд над миром, якобы чего-то недодавшим этносу; национализм как политика – есть политический самосуд над status quo. Самоутверждающийся этнос революционен, и его апологеты – от Н.Данилевского до Л.Гумилева – неизменно подчеркивают и превозносят именно революционность его насильственного вторжения в мир, опрокидывающего прежние балансы сил и интересов. На каждый из принципов сегодняшнего суверенитета согласия у такого этноса есть волюнтаристская антитеза. Суверенитету личности он противопоставляет мобилизацию «верных сынов нации» и исключающее третейский суд гонение на «родоотступников»; многопартийной демократии – «сплочение нации» ради «высокой цели»; защите меньшинств – мифологический суверенитет породненных крови и земли, различение «коренников» и «мигрантов»; вердиктам сообщества – первенство нутряных ценностей над мировыми нормами. Его суверенитет – исключительно суверенитет факта, факта его внутренней силы, перед которым он ставит сообщество, не дожидаясь от того согласия.

Конечно, нынешний мир – это не атомарная Европа конца XIX – начала XX вв. и межвоенного промежутка, составивших «золотой век» Европейского национализма. Сейчас в Западной Европе как эпицентре порядка, базирующегося на суверенитет согласия, самоопределенчество все еще хорошо блокировано НАТО, СБСЕ и «Общим рынком». Но устойчиво ли? – вот вопрос вопросов. Пока волны националистической диссипации всего и вся разбиваются о платформу «Европы отечеств», националисты вынуждены, даже обретая власть за пределами этого очага суверенитета согласия, выбирать между трансформацией или, по меньшей мере, стилизацией в общедемократическом духе и тем тупиком, где их национализм, локальная революционность, нестабильность, «полновластие и независимость» оказываются в своем роде синонимами для винегрета из изоляционизма, проклятий «империалистам», террористической пакостливости и проповедей «богоизбранности на отшибе». Но всплеск этнических погромов в Германии, рост защитных «бело-христианских» настроений в других районах Европы и даже по ту сторону Атлантики (успехи Д.Дьюка), и параллельно беспомощность Запада, столь победно отбросившего Хусейна из Кувейта, перед югославской проблемой в самой Европе – настораживают, предостерегая против «лаодикийской»[1] успокоенности. Сообщество пока определенно не научилось сопротивляться деперсонализированным формам международной опасности, заключенной не столько в субъектах-«носителях зла», сколько в тенденциях и процессах, – в *чем-то*, а не в *ком-то*, грозящей сообществу не лобовой агрессией, а перерождением его самого, сползанием в разгул политической атомарности.

Расщепление суверенитета

Теперь понятно, почему в противостоянии именно *послевоенному* Западу большевистский СССР выступил глашатаем суверенитета в классическом «боденовском» его понимании, с усиленными брутально-тоталитаристскими нюансами, как это ни парадоксально для режима, всегда исходившего из доктрины интернационалистской классовой солидарности. Но тут речь шла о возвеличении суверенитета факта, «революционного» факта – в противовес суверенитету согласия, сплачивающему «империалистическое» сообщество. Отсюда и союзы с «национально-освободительными движениями», и постоянные атаки социалистических идеологов на принцип суверенитета личности

[1] «И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: ...Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 14–15). – *Ред.*

как на явный подкоп космополитического империализма под национальные суверенитеты – оценка, не лишенная справедливости, с поправкой на взгляд «с другой стороны баррикады».

Отношения двух блоков в 70-х и 80-х гг. по типу резко отличались от отношений СССР с Западом при Сталине и даже при Хрущеве. Теперь контрастировали не только две социально-политические системы, но несоизмеримые представления о смысле суверенитета, о связи международного статуса государства с его внутренней политикой. Этот новый уровень несовместимости обнаружился в мировой реакции на выступления Сахарова и Солженицына, в поправке Джексона-Вэника, в значении, которое обрел вопрос о правах человека. Если сталинский «суверенный» террор лишь молчаливо принимался западными демократиями к сведению, то при Брежневе внутренние дела СССР стали с подачи Запада фактором международной жизни только потому, что сам Запад стал иным, выработав за «евратлантические» годы кардинально новые понятия о соотношении между «признанием» и «фактом».

Этим объясняется и то, почему стремление Горбачева опереться на внешнеполитический престиж во внутренних реформах и, значит, постановка перед западными лидерами вопроса о признании советского реформатора на почве неких общих ценностей, независимо от «фактов» коммунистического полновластия и военной мощи СССР, обернулись ревизией всей советской идеологии суверенитета. Переходным и быстро изжитым оказался этап этой ревизии, зафиксированный книгой Горбачева «Перестройка и новое мышление» и сводившийся к формуле: «Вы уважаете наш суверенитет, а мы – ваш; внутренних дел взаимно не касаемся». При решительном различии концепций суверенитета отказ от «классового интернационализма» во внешней политике мог обернуться лишь стратегией «взаимного политического воздержания», типа той, что характеризует сейчас отношения Запада с Китаем. Но такой «китайский» изоляционистский результат не дал бы Горбачеву чаемой внешней опоры против внутренней оппозиции справа и не отвечал бы той роли, которая отводилась Министерству иностранных дел в проекте политико-экономического маневра перестройки. Для наращивания престижа Горбачеву требовался все более высокий уровень согласия со «свободным миром».

В конечном счете, сам возрастающий престиж стал диктовать режиму все новые практические шаги, самодовлеющее «согласие» стало порождать «факты» – в том числе такие, как ликвидация Ялтинского порядка в Европе, объединение Германии и роспуск ОВД, установление насильственной опеки над прежним советским союзником Ираком и т.д., включая изменения внутри советской системы, далеко вырвавшиеся за рамки первоначального замысла перестройки. К сожалению, по мере роста внутренних осложнений суверенитет власти Горбачева все более редуцировался к мировому «признанию», в открытую подменяющему «факт» контроля за положением в стране. Возникла опасность того, что может быть названо паразитированием на структурах согласия – процесс, давший повод советским «ястребам» обвинять Горбачева и Шеварднадзе в «явном преувеличении факторов международного положения при недооценке факторов национальной мощи», а позднее членам ГКЧП предъявить Горбачеву счет за стремление «решать экономические проблемы с помощью внешней политики» (текст допроса Д.Язова. – «Известия», № 242, 11 октября 1991 г.). Парадоксы расщепления двух аспектов суверенитета хорошо известны истории: в монархической Европе, например, неоднократно бывало, что законный и общепризнанный монарх скитался на чужбине, не имея шансов возвратить себе престол, тогда как фактическую власть цепко держал диктатор – Кромвель или Бонапарт. Обычно дело кончалось тем, что европейские короли признавали диктатора своим братом, восстанавливая баланс «согласия» и «факта». Последние год-полгода Горбачев держался почти исключительно мировым «согласием», Атлантом – подпиравшим не только горбачевское президентство, но и само существование сверхдержавы. И

все же «факт» распада восторжествовал, бросив чуть ли не самый серьезный за последние десятилетия вызов миропорядку «согласия».

Прибалтийский фактор

Но все это еще не объясняет, почему идея суверенитета стала своеобразным орудием саморазрушения СССР. Говорю – «саморазрушения», ибо считаю ошибкой видеть в параде независимостей конца августа и начале сентября 1991 г., как и в последующем опыте образования СНГ, взрыв империи выступившими за самоопределение нациями-этносами. Во-первых, в большинстве самоопределившихся республик национальные движения, добившиеся независимости, в то время отнюдь не находились у власти – ни в Средней Азии, ни в Казахстане, ни в Азербайджане, ни в Белоруссии, ни даже на большей части Украины, как показало поражение на президентских выборах В.Черновола. Во-вторых, обсуждая политическое состояние прежнего СССР, до ноябрьского «чеченского» кризиса мало кто из политиков всерьез принимал в расчет образования, самочинно провозгласившие, в том числе и по этническому признаку, свою государственную самостоятельность: будь то Приднестровская или Гагаузская республики или даже Татарстан с его немалым ресурсным потенциалом. К тому же «чеченский» кризис уже относится явно к геополитическим проблемам независимой России, а не к истории крушения СССР.

В оценке последнего события за исходную точку надо принять тот факт, что руководства бывших союзных республик, крупнейших подразделений советской номенклатурно-территориальной иерархии, сами в основном происходящие из этой иерархии, объявили сами себя и признали друг друга подлинными главами суверенных государств, реализовавших свое конституционное право выхода из Союза. Соответственно, тип легитимности, который мы сейчас имеем на большей части земель канувшего в Лету СССР, представляет собой как бы забродившую, набухшую и выплеснувшуюся из своих рамок советскую бюрократическую легитимность. Главный вопрос для аналитика в том, каким образом «сливки» номенклатуры, во многих случаях пребывавшие в сверхнатянутых отношениях со «своими» националистами, смогли в своем сознании перешагнуть разрыв между двумя принципиально различными рангами суверенитета – суверенитетом членов федерации и суверенитетом независимых государств?

Думается, мы все еще не в полной мере оценили роль уже затрагивавшегося «прибалтийского» фактора. В послевоенный период образ СССР «изнутри» резко отличался от того, как это государство рисовалось извне, в глазах Запада. Изнутри, со стандартно-советской точки зрения, он представал федерацией из 15 однотипных образований, наподобие западногерманских земель или американских штатов. Извне же он виделся государством из 12 подобных органических для него штатов, к которым примыкали три аннексированные прибалтийские государства, целиком включенные в его состав на формальных правах таких же территориальных подразделений. Для Запада 20-летняя государственность прибалтов, успевших вписаться в европейские структуры согласия, была явлением качественно иным, чем эфемерная по своей продолжительности государственность закавказских республик в течение 2–3 лет гражданской войны или, тем более, участь Молдовы, представлявшей собой в XX в. не государство, а всего лишь территорию, отходившую то от России к Румынии, то от Румынии – к СССР.

Независимо от вопроса об имперстве СССР и о правах его наций-этносов на самоопределение, Прибалтика в послевоенной «евратлантической» картине мира так же *не была частью СССР*, как ныне юг Ливана не является частью Израиля. «Признание» и «факт» вступили в жесточайший конфликт. Несоизмеримость двух интерпретаций советского территориального устройства обо-

рачивалась несоизмеримостью прогнозов на будущее: для наблюдателя изнутри независимость Прибалтики должна была означать разрушение Союза, между тем, как западные лидеры могли искренне желать свободы прибалтов, столь же искренне не желая, по геостратегическим и иным соображениям, развала СССР.

Становление новых отношений между Западом и режимом Горбачева усугубило двусмысленность: Прибалтика как бы в составе СССР втягивалась в новые структуры согласия, при том, что по евратлантическим меркам ей потенциально отводилось в этих структурах иное место, чем прочим «штатам» Союза. Конечно, в определенном смысле союзные республики были суверенны: автономии, там, где они были, достаточно чувствовали на себе этот суверенитет. Можно вспомнить и о пресловутом «праве выхода», актуализировавшемся у нас на глазах, и о ликвидации Грузией Юго-Осетинской АО по суверенному праву союзной республики, и о специфических республиканских законодательствах, и о номенклатурных субъиерархиях, замыкавшихся на союзно-республиканских столицах. И тем не менее, суверенитет республик в рамках системы СССР был, конечно же, совершенно иного ранга и объема, нежели суверенитет государств Европы. В конце 80-х гг. Прибалтика стала зоной взаимоналожения и пересечения этих двух резко различающихся систем. В результате прибалтийские правительства и парламенты, официально взяв курс на независимость, начинают явочным порядком расширять свои полномочия, подтягиваясь к европейскому уровню суверенитетов.

Ситуация осложнялась, как ни странно, еще и тем, что Запад, приветствуя прогресс прибалтов, но дорожа отношениями с Горбачевым, избегал ускоряющего вмешательства в прибалтийские процессы. Горбачев же официально трактовал Латвию, Литву и Эстонию как обычные республики-«штаты», подчиняющиеся общесоветскому конституционному порядку, однако же, ввиду отношений с Западом, не пресекал непрестанного повышения уровня прибалтийских суверенитетов, тем самым молчаливо его *узаконивая*. Топливная блокада Литвы в 1990 г. и эксцессы в Вильнюсе и Риге в январе 1991 г. своим исходом только уверили прибалтов и мир в неготовности и нежелании Москвы ставить западное общество перед по-настоящему неприемлемыми для него фактами, по крайней мере постольку, поскольку само оно уклонялось от шагов, травматических для горбачевского Центра. Курьезным образом прибалтийские режимы наращивали свой суверенитет, как бы не выпадая из союзной системы. А тем самым для верхушки прочих республик внутри все той же системы явственно подымалась планка позволительных «суверенных» притязаний – по прибалтийскому эталону.

Последствия такого положения вещей мы видели, когда республики, возглавляемые той же, что при Брежневе, коммунистической номенклатурой, с полной уверенностью в своем праве шли в параде суверенитетов за вольнолюбивыми прибалтами, принимая законы о языках, объявляя верховенство своих законов над союзными, ограничивая вывоз путем установления пограничных таможен, переходя в отношениях между собой на систему двусторонних договоров и взаимопризнаний, включаясь в дележку союзного имущества, – и все это вовсе без намерения, до поры до времени, взрывать союзное пространство, с желанием лишь поудобнее в нем устроиться. Гонка суверенизации, начавшаяся весной 1990 г. вслед за «прибалтийским прорывом», могла увлечь эти руководства именно потому, что в результате политики Центра прибалтийские режимы изнутри СССР по-прежнему воспринимались в союзном контексте. На их образец можно было ориентироваться, приобретая все больше престижа и материального «навара» и вместе с тем формально не выпадая из номенклатурных советских структур согласия.

Союзная и европейская, а шире – мировая, системы выглядели как два водоема с резким перепадом уровня воды, соединенные шлюзом – Прибалтикой, приоткрывшимися, с одной, европейской стороны, и незакрытым, с дру-

гой, внутрисоюзной. В конце августа 1991 г. европейский и прибалтийский уровни сравнялись. Но в этот час сообщество, приветствующее независимость Прибалтики, с ошеломлением увидело, что «нижнего» водоема больше не существует, у восточных границ Европы как наводнение раскинулась масса квазигосударств, требующих «суверенитета по высшему разряду» и, без согласия Запада, ставящих его перед беспокойным фактом своего существования – и евразийскими геополитическими наваждениями.

Происшедшее может морально интерпретироваться по-разному. Кто-то в нем увидит возмездие за советскую оккупацию Прибалтики; другой – скорее за большевистское национально-территориальное госстроительство, при котором прибалтийские государства и не могли быть аннексированы иначе, нежели с объявлением их союзными республиками, то есть опять-таки «суверенными государствами», но уже внутри СССР, да еще и с «правом выхода» из него; еще кто-нибудь – за то соотношение внешней и внутренней политики, «факта» и «признания», которое создал курс Горбачева. Но как же улыбнулась наша история! СССР, десятки лет отстаивавший грубейший суверенитет факта против западного суверенитета согласия, суверенитета признания, кончал свои дни как образование, скорее признанное миром и нужное ему, чем как фактически существующее. Для него это, может быть, не худший из концов.●

НА ДИКОМ ВОСТОКЕ

Взрыв произошел в России 2 января, когда большая часть цен была освобождена. В тот же день российское правительство приступило к выполнению своей грандиозной программы распродажи государственных предприятий. Если все пойдет по плану (чего, конечно, не произойдет), то к концу 1992 г. около 60% розничной торговли и пищевой промышленности и 70% строительной и легкой промышленности должно быть приватизировано. На руинах государственного планирования должен вскоре возникнуть большой частный сектор.

Кто-то может сказать, что это уже произошло. Взгляните на суету частных торговцев на московской «показательной» улице, Арбате, или на субботней толкучке в Измайлове. Оцените несоветское качество пищи и сервиса в одном из новых частных ресторанов, не говоря уже о гигантском Макдоналдс в центре Москвы. Обратите внимание на чванливость новых богатеев, орудующих на товарных биржах, торгующих акциями или предметами искусства.

Даже по данным официальной статистики частный сектор в бывшем Советском Союзе уже удивительно велик: 15% валового национального продукта (и это без учета буйного черного рынка!) по сравнению практически с нулем в начале 80-х гг. Сергей Егоров, президент Ассоциации российских банков, утверждает, что в несельскохозяйственном частном секторе бывшего Союза занято 20 миллионов человек.

Но в России использование термина «частный сектор» может ввести в заблуждение. Обычно он применяется для всего, что не принадлежит на 100% центральным или местным властям. Следовательно, в него включаются многие предприятия, которые на Западе были бы отнесены к государственным.

Возьмите Камаз, крупнейший в мире завод, производящий грузовики, объем производства которого равен объему производства всей американской продукции грузовых автомобилей. Он рассматривается как предприятие, частично относящееся к «частному сектору», потому что более 40% его акций принадлежат не центральному или республиканскому правительствам,

а другим организациям. Но большинство этих организаций сами на 100% принадлежат государству.

Кроме того, приглядитесь внимательнее и вы заметите, что официальный частный сектор сосредоточен в основном только в пяти областях: кооперативы, оптовая торговля, совместные предприятия, банковское дело и фермерство. Первые три представляют собой карикатуру на капитализм. Банки не имеют ясной юридической базы. Только фермерство обнаруживает черты настоящего предпринимательства.

И расцвет частного предпринимательства, и его искажения являются результатом тех странных условий, в которых оно развивается. В течение многих лет частный бизнес был нелегальным. Он существовал только на криминализированном черном рынке.

До сих пор сохраняются подозрения, что российские предприниматели – все до одного жулики. И это не только в умах обывателей. Из полдюжины известных российских бизнесменов один попал в тюрьму, другой жаловался на преследования со стороны КГБ, третий в 1991 г. покинул страну.

Человек, покинувший свою страну, – это Артем Тарасов, первый советский гражданин, заявивший о себе как о миллионере. Человек, утверждавший, что КГБ пытался заманить его в ловушку, – это президент Российской товарно-сырьевой биржи Константин Боровой. А человек, выпущенный из тюрьмы на поруки (сейчас дело против него прекращено. – *Ред.*), – это президент Московской центральной фондовой биржи Эдуард Теняков, арестованный во время августовского путча якобы за получение 150-тысячной взятки (как заметил Теняков, только аппаратчик может считать это деньгами, сам он может заработать такую сумму за десять минут). Основатель Клуба молодых миллионеров, 25-летний ловкач Герман Стерлигов отправил свою семью в более надежное место – в Манхеттен.

Это вовсе не значит, что эти люди преступники. Но сочетание частного бизнеса с преступностью неизбежно – и не только как следствие 70 лет коммунистической пропаганды. Система центрального планирования рухнула, и на ее месте еще не появились ни правовая инфраструктура, ни конкуренция рыночной экономики. Практичный предприниматель может воспользоваться изобилием юридических лазеек и всеобщим дефицитом.

От коммунизма ведет много путей

Возрождение частного бизнеса началось с кооперативов. В 1987 г. Михаил Горбачев ввел послабления в законы о собственности, позволив группам лиц создавать «кооперативные» предприятия (что звучало еще вполне по-социалистически). Кооперативы расплодились как грибы. В 1987 г. их оборот составлял около 330 миллионов рублей, а в 1988 – уже около 6 миллиардов. В 1990 г. имелось более 200 тысяч кооперативов, в которых работало 5 миллионов человек. Полный оборот их составлял более 40 миллиардов рублей. Западные визитеры в больших городах заполняли кооперативные рестораны, где можно было съесть приличное мясо, и благословляли этот новый вид экономической деятельности.

Но в большинстве своем дело обстояло по-другому. Рестораны составляли лишь крошечную часть кооперативного бизнеса. Более 80% кооперативов были «связаны» с государственными предприятиями (то есть ими контролировались). Государственное предприятие превращало часть своих производственных мощностей в кооперативные, производило те же самые товары при помощи той же рабочей силы и распространяло их через те же государственные каналы. Цены, однако, были выше, и правительству отдавалась меньшая часть прибыли.

Это была не столько новая форма деловой активности, сколько способ увеличить доходы старой. Нужда в этом возникла потому, что на предприятиях существовал контроль над ценами, а в то же время правительство тре-

бовало увеличения размеров зарплаты. Кооперативы обеспечивали в этих условиях удобную отдушину. Но по мере того как правительственный контроль над предприятиями ослабевал, нужда в отдушине исчезла. В 1991 г. число кооперативов упало до 150 тысяч.

Многие совместные предприятия были, подобно кооперативам, созданы государственными предприятиями вовсе не для новой деловой активности, а как уловка для увеличения своих доходов – на этот раз в долларах. Министерства и государственные фирмы образовывали «независимые компании», затем создавали совместное предприятие с иностранным партнером и брали долларами за товары и услуги, которые обычно продавались за рубли. Это помогло совместным предприятиям выживать и размножаться. Документы КПСС, ставшие доступными после путча, показывают, что огромная наличность, накопленная советскими партнерами, была припрятана аппаратчиками «на черный день» на счетах иностранных банков. Совместные предприятия, которые одна сторона использует лишь как удобную лазейку, – это не способ построения рыночной экономики.

Третий этап в развитии частного бизнеса состоял в возникновении товарных бирж. Они начали появляться летом 1990 г. Крупнейшей из них – Российской товарно-сырьевой бирже всего год от роду. По сведениям Константина Затулина, одного из наиболее выдающихся новых российских предпринимателей (в прошлом – комсомольского деятеля), в 1991 г. на 400 фондовых биржах, в большинстве в России, появилось 5–6 тысяч брокерских фирм.

Товарные биржи – это базары, на которых можно купить все, от кроссовок до компьютеров и тяжелых грузовиков. Этот бизнес процветает. В декабре 1990 г. Российская товарно-сырьевая биржа продала товаров на 200 тысяч рублей, а в декабре 1991 г. ее оборот составил уже около 4 миллиардов. Ее главный соперник, Московская товарная биржа, достиг оборота в полмиллиарда рублей за первые три месяца. На следующий миллиард потребовался уже только месяц. Сейчас оборот биржи составляет миллиард за неделю.

У товарных бирж много достоинств. Они обеспечивают возможность прямой конкуренции с государственной системой поставок, которая некогда монополизировала распределение. По мере того как они расширяются, биржи начинают напоминать западные, специализирующиеся на контрактах определенного вида, включая сделки с ценными бумагами. Они позволяют России приобрести первый опыт в области заключения и осуществления торговых контрактов.

Но успех бирж имеет искусственный характер. В условиях пораженной дефицитом экономики эти маргинальные свободные рынки оперируют громадными наценками. Большинство членов российского Клуба миллионеров – это товарные брокеры. Поскольку цены на товарных биржах часто раз в десять выше, чем установленные государством, производители испытывают большое искушение не отдавать товары в государственную систему распределения, а продавать их через товарные биржи. Теперь, когда цены освобождены, легкие прибыли товарных бирж должны прийти к концу.

Новые финансисты, зажиточные крестьяне

Банки имели еще больший успех, чем товарные биржи. В 1987 г. банковская система была всего лишь финансовым партнером центральной плановой системы. Предприятия не брали ссуд в банке для инвестиций; на это отводилась часть правительственного бюджета. Личные сделки осуществлялись в основном наличными, так что личные и деловые сделки были четко разделены. Сейчас практически весь банковский сектор стал «коммерческим» – он должен зарабатывать деньги для последующей выдачи займов путем привлечения депозитов и получения прибылей от займов. В 1987 г. было только шесть банков (кроме Центрального). Сейчас их около 1500.

Но число новых коммерческих банков – не показатель их здоровья. Половина их создана предприятиями одной отрасли (или местными отделениями госбанка, которые обычно специализируются в этой отрасли) для выдачи займов самим себе. Так что кредитный портфель этих банков сильно специализирован и не защищен от перемен в ходе дел у их основателей.

Банк «Возрождение», например, был основан при помощи активов Агропромбанка, государственного банка, созданного в 1987 г. для финансирования фермерского хозяйства. Крупнейший держатель его акций – большой подмосковный колхоз. 40% кредитов, предоставляемых банком, идут на сельское хозяйство. Если колхоз начнет терять деньги, он сможет оказать на банк сильное давление, чтобы тот выручил его, выдав ссуду под низкие проценты. Если банк уступит и сам окажется под угрозой, Центральный банк окажется перед выбором: выручить его или принудить колхоз, банк и возможно других его клиентов к банкротству.

Сельское хозяйство, однако, – область, где частный бизнес процветает, не столько благодаря трудностям общественного сектора, сколько вопреки им. Это является лучшим доказательством того, что предприниматели могут освободиться от центрального планирования на пользу всей экономике.

Согласно официальной статистике, в бывшем Советском Союзе имеется 38 миллионов фермеров-частников. Это число включает индивидуальные участки колхозников и рабочих совхозов, но даже с учетом этого представляется внушительным: оно составляет около трети рабочей силы в сельском хозяйстве. После двух десятилетий, когда это число уменьшалось, сейчас оно резко возросло. Из этого числа около 30 тысяч «настоящих» частных ферм, то есть таких, которые для семей, работающих на них, являются главным и единственным источником дохода.

Это, без сомнения, наиболее производительная часть земледельцев в бывшем Советском Союзе. На трех процентах обрабатываемой земли они выращивают 25% общего сельскохозяйственного производства. Урожаи на частных фермах почти в десять раз выше, чем в колхозах и совхозах.

Расширение приватизации должно дать большой импульс российскому сельскому хозяйству. Но было бы ошибкой думать, что это само по себе привело бы к десятикратному увеличению урожайности. Индивидуальные фермеры необычно производительны в частности потому, что они сосредоточиваются на высокоценных видах сельскохозяйственной продукции, например, выращивают овощи или скот. Частное фермерство производит на территории бывшего Советского Союза 33% мяса, 35% птицы и 60% картофеля.

Фермеры могут выращивать картофель и скот лишь при помощи своего личного тяжелого труда. Но в бескрайних российских степях необходима механизация, а российские заводы сельскохозяйственного оборудования неспособны производить ничего, кроме тракторов размером в танк. Пока они не станут производить машины, необходимые для индивидуального фермерства, или пока фермеры не смогут импортировать то, что им потребно, российское сельское хозяйство, вероятно, будет продолжать представлять собой смесь частного огородничества и огромных общественных хозяйств.

Ничто из сказанного выше не означает, что капитализм не может привиться в России. Отнюдь! Управляющие государственными промышленными предприятиями доказали свою замечательную гибкость, умение изобретать новые способы вести дело, дабы увеличить свои прибыли даже в условиях правительственного контроля. Но это показывает, что без соответствующей правовой инфраструктуры и действующей системы ценообразования частный сектор приобретает уродливые очертания. Нужны разумные законы и цены – и это то, что Борис Ельцин ныне старается обеспечить.

● *«Экономист»* (Лондон)

Валтр КОМАРЕК (Прага)

ШОКОВАЯ ТЕРАПИЯ И ЕЕ ЖЕРТВЫ

Тяжелая ошибка делается в Восточной Европе, а теперь и в бывшем Советском Союзе, ошибка, которая будет иметь огромные и ужасающие последствия для миллионов людей. Я имею в виду подход к экономическим преобразованиям, известный под названием «шоковой терапии», грубо говоря, соответствующий программе, осуществление которой началось в первых числах января в России.

Шоковая терапия, по определению, разработанному несколькими десятками западных кабинетных экономистов, предусматривает полный переход от командной к рыночной экономике за относительно короткое время, примерно за 2–3 года. Этот ускоренный процесс включает преобразование валюты в конвертируемую, прекращение субсидий, освобождение цен, приватизацию промышленности и снятие ограничений на импорт. Считается, что эти шаги, после короткого периода приспособления, заложат основу для будущего экономического роста и обновления, основанных на здоровых рыночных принципах.

К сожалению, шоковая терапия не имеет ничего общего с реальностью. Она игнорирует воздействие подобного подхода на высокообразованные, квалифицированные слои трудящихся в Восточной Европе. В Чехо-Словакии, где радикальные реформы проводятся уже в течение года, результатом было то, что в 1991 г. промышленное производство сократилось на 22%, уровень безработицы вырос с 2,5% до 8,5%, инфляция составила 58%, внутренний спрос упал на 33%, а валовый внутренний продукт снизился на 14%. Хотя эти тенденции являются следствием 40 лет коммунистического правления, их внезапное ускорение вызвано применением шоковой терапии.

Более того, нет никаких свидетельств, статистических или анекдотических, в пользу того, что эти негативные тенденции обратимы. Можно убедительно показать, что они продолжают нарастать и в большей степени являются результатом шоковой терапии, чем структурных пороков экономики в целом. Польша, которая приступила к шоковой терапии на 6 месяцев раньше Чехо-Словакии, страдает от еще большего упадка экономики.

Дело не в поставленной цели, а в сроках. Восточноевропейские экономисты согласны с необходимостью введения рыночной экономики. Вопрос лишь в том, должно ли это быть сделано за два года или за 10 лет.

Чтобы поставить вопрос в нужную перспективу, напомню, что Великобритании потребовалось более 12 лет для перехода от своей разновидности «социализма» к капитализму, даже под вдохновенным руководством Маргарет Тэтчер. Приватизация, начатая в 1978 г., еще не вполне достигла желанной цели: крупнейшие британские общественные компании, включая British Telecom, еще не полностью приватизированы.

Можно ли ожидать, что восточноевропейские демократии смогут осуществить этот переход быстрее? Можно ли надеяться, что общественные предприятия в этих странах смогут противостоять безжалостной международной конкуренции без той же степени подготовки, которую имели западноевропейские институты?

Более того, шоковая терапия игнорирует основную концепцию разделения труда в промышленно развитых странах. Большинство людей в Чехо-Словакии, Польше и России посвятили свою жизнь приобретению высокоспециализированной профессии для тяжелой индустрии. Сейчас от огромного количества этих людей требуют забросить свои навыки и опыт и, без необходимой

Автор — бывший заместитель премьер-министра ЧСФР.

фазы подготовки, принять участие в деятельности аморфного «рынка», строящегося на голом месте.

В Венгрии этот бросок был не столь болезненным, как в других странах бывшего советского блока, потому что ее экономика была более ориентирована на сельское хозяйство и торговлю. Но в Чехо-Словакии, экономика которой ориентирована на тяжелую промышленность, пришлось начать полностью заново, без таких опор, как основной вещественный капитал и сталь, стабилизирующих всю современную экономику. Результаты оказались разрушительными для общественной ткани страны.

Чтобы войти в мировую экономику, восточноевропейцам нужно направить свои усилия в ключевые промышленные секторы, такие как точное приборостроение в Чехо-Словакии. Основные виды промышленности, например, электроника – пока они с западной технической помощью не будут подготовлены к конкуренции – нуждаются в защите. Правительства должны позаботиться о том, чтобы их граждане не были брошены на произвол судьбы.

Такой подход дал бы промышленности время стабилизироваться. Она получила бы передышку, необходимую для создания банковской системы, способной направить внутренние сбережения на поддержку акционерных компаний, базирующихся на рыночных принципах. Налоговые поступления могли бы быть направлены на развитие инфраструктуры, дабы создать благоприятные условия для иностранных и внутренних капиталовложений. Это создаст рабочие места и будет оживлять внутренний спрос таким же образом, каким общественные работы, наподобие строительства шоссе или отправки человека на Луну, делают это на Западе.

Несмотря на гигантскую неэффективность коммунизма, внутренний спрос в Чехо-Словакии был достаточным, чтобы обеспечить минимальное экономическое благосостояние в 1989 г. Почему он стал для этого недостаточным в 1991 г.? Виной тому, в основном, избыточный и ненужный урон, нанесенный шоковой терапией.

Вследствие того, что покупательная способность снизилась, по мере того как освобожденные цены росли, а стоимость денег падала, внутренний спрос в реальном выражении за последние два года упал почти на 50%. Кроме того, чехословацкой торговле, ориентированной на своих бывших партнеров по советскому блоку, не было дано времени, чтобы переориентироваться на Запад. Наконец, существовавшие механизмы капиталовложений, в основном через различные государственные министерства, были ликвидированы, в результате чего инвестиции сократились более чем на треть.

Не все элементы шоковой терапии были ошибочными. Например, безусловно решающим ранним шагом было разрешение валюте свободно «плавать» относительно западных валют, как это предписывает Международный валютный фонд. Но в целом радикальный переход в одночасье ликвидирует всякую роль правительства в экономике. Я не знаю такой страны, которая могла бы выдержать такой шок.

Самюэль Джонсон сказал: «Главные различия между людьми состоят в средствах, которые они избирают, а не в целях». Шоковая терапия не была испробована нигде, кроме экономических лабораторий в Кембридже, штат Массачусетс. Их концепция рынка не была полностью реализована в этом столетии ни в одной стране мира, включая Соединенные Штаты. Это средство, которое может привести к ужасным результатам, особенно если речь идет о его приложении к современной России и бывшим советским республикам, где ситуация много сложнее и серьезнее, нежели в Восточной Европе. Здесь социальные последствия могут обрести геополитические и даже военные обертоны.

Настало время вновь обдумать вопрос о шоковой терапии. Нужно расширить дискуссии, ведущиеся сейчас на Востоке и на Западе, включив в рассмотрение возможные долговременные социальные последствия.●

Генри КИССИНДЖЕР (США)

ЗА ОБНОВЛЕНИЕ РОССИИ В НОВЫХ ПРЕДЕЛАХ

Государственный секретарь Джеймс Бейкер выдвинул четыре критерия для допуска новых республик, образовавшихся на территории бывшего Советского Союза, в сообщество демократических наций: признание демократических ценностей и демократическая практика; соблюдение прав человека и прав меньшинств; уважение границ и признание возможности их изменения лишь мирным путем; выполнение своих международных обязательств.

Никто в Америке не может оспорить эти принципы. Однако, учитывая исторический опыт и напряженность, существующую между различными республиками, приходится признать, что поставленные цели не могут быть достигнуты еще в течение долгих лет, если вообще когда-либо будут достигнуты. Если Америка поставит свою политику в зависимость от выполнения этих условий, она рискует в двух отношениях.

Америка может начать наделять демократическими достоинствами таких лидеров, демократическая риторика которых служит достижению совсем иных политических целей. В этом случае политика США лишится чувства реальности, перестанет соответствовать существующему положению дел.

Либо же, обнаружив, что американские надежды остаются неосуществленными, руководство может сменить политику «конструктивной вовлеченности» на политику «отстранения». В этом случае США вскоре обнаружат, что территория бывшего Советского Союза имеет слишком большое значение для поддержания мира во всем мире, чтобы Америка могла по какой бы то ни было причине взять курс на отстранение.

Развитие нового Содружества не может не быть долгим и болезненным и, возможно, будет сопровождаться насилием. Различные республики были насильственно соединены друг с другом в течение более чем четырех столетий под эгидой того, что ныне является Российской Федерацией, которая удушала местную инициативу и заполняла ключевые правительственные посты русскими. С неизбежностью мотивы, по которым создается новое Содружество, представляют собой весьма причудливую смесь.

Большинство российских руководителей рассматривают его как способ сохранить то, что еще может быть спасено от традиционного Союза и, возможно, исторического российского господства. Крупные республики, такие, как Украина, Беларусь и Казахстан рассматривают Содружество как вынужденную остановку на пути к полной независимости.

Расплывчатость декларации об основании Содружества отражает эти противоречивые тенденции. Ни компетенция, ни состав министерских комитетов, которые должны «координировать» деятельность республиканских органов, не разъяснены. Совет глав государств должен принимать решения путем консенсуса, что, по-видимому, совершенно нереально. Украина отказалась даже обсуждать вопрос о конституции Содружества.

Даже соглашения по военным вопросам, по сравнению с другими изложенные наиболее четко, остаются противоречивыми. Беларусь и Украина объявили, что они отдадут тактическое ядерное оружие, размещенное на их территориях, только для того, чтобы содействовать его уничтожению. Предполагается, что тактическое ядерное оружие будет перемещено с этой целью на территорию Российской Федерации до 1 июля 1992 г. Однако механизмы и перемещения, и уничтожения пока не разъяснены.

Какова должна быть позиция Америки перед лицом столь угрожающих противоречий? Принципы, изложенные госсекретарем Бейкером, относятся прежде всего к

процедуре разрешения споров или к внутреннему развитию различных республик. Они не касаются американских интересов в отношении структуры, возникающей на всей территории бывшего Советского Союза.

Однако из всех европейских стран Российская империя, будь то при царе или при большевиках, всегда была наиболее беспокойной. Она ввязывалась в большее число войн, чем какая-либо другая европейская страна, расширялась во всех направлениях и постоянно ощущала себя под угрозой. Чем более многонациональной становилась империя, тем более уязвимой она себя ощущала. Чтобы поддержать свою власть, она обращалась к призраку внешней опасности, которая-де сильнее внутренних трений между собственными народами. Временами она сама накликала на себя выполнение этих пророчеств.

С одной стороны, царская и советская империи стали постоянной угрозой балансу сил по всей их обширной периферии, как в Европе, так и в Азии. С другой стороны, эти империи дважды спасли независимость европейских наций, ибо без их вклада Наполеон и Гитлер одержали бы победу. Так что в американских интересах – возникновение конфедерации, достаточно сильной, чтобы обеспечить безопасность своих народов, но не слишком сплоченной, чтобы начать агрессию.

Если таковы будут очертания нового Содружества, весь строй мировой политики изменится. Впервые за два столетия Восточная Европа, Балтика и Балканы будут изолированы от российского военного давления. Русские, в свою очередь, получат «пояс безопасности» против вторжения из Европы и, в качестве дополнительной страховки, сохранят свой огромный ядерный арсенал, равно как и население, большее, чем у какого-либо иного европейского государства.

В рыхлой конфедерации огромные ресурсы, прежде расходовавшиеся на авантюры за рубежом, можно будет направить на благосостояние своего собственного населения. Прогресс во внутреннем развитии народов Содружества можно будет согласовать с прогрессом остальных народов Европы, возможно, в ассоциации с Европейским экономическим сообществом.

В то же время заявления российских руководителей наводят на мысль, что склонность к господству, проявлявшаяся в течение более 300 лет, еще не изжита полностью. Уже были произнесены предостережения, что отделяющиеся республики не могут «забрать» с собою свое русское население, – намек на потенциальные этнические столкновения наподобие югославских. Есть зловещая односторонность экономической политики, когда Россия использует свой контроль над такими ресурсами, как нефть, чтобы заставить другие республики следовать своему курсу или принять на себя всю тяжесть возможных последствий отказа.

Заявления о нерушимости границ весьма неопределенны. Первоначально Россия ставила неизменность границ других республик в зависимость от сохранения центральных институтов. С тех пор она хранит в этом вопросе молчание.

Я отношусь с величайшим уважением к Ельцину за его храбрость в противостоянии коммунистическому истеблишменту и за его энергию и мастерство в формировании Содружества. Уже давно я призывал к тому, чтобы его не принимали на Западе столь отчужденно. Но все же не уйти от того факта, что раздражающий русский национализм долгое время был постоянно действующей силой.

Нельзя выводить долговременную политику России из того обстоятельства, что в период крайней зависимости от внешнего мира она проявляла гибкость. По мере того как завершатся расчеты с эрой Горбачева, национализм весьма вероятно возродится в качестве соблазнительной объединяющей силы на предстоящий период суровой экономии и ограничений.

Перед Соединенными Штатами стоят две задачи, которые могут показаться противоречивыми, но на самом деле являются взаимодополняющими. На международной арене США должны тесно сотрудничать с Россией, ибо неэкспансионистская Россия не будет иметь никакого конфликта интересов с Америкой. Россия, впервые концентрирующая свои безмерные таланты на благосостоянии собственного населения, должна получить от Америки ободрение и поддержку в деле преодоления своего коммунистического прошлого.

Но перспективы тесного сотрудничества на международной арене не должны вовлечь Америку в невольную поддержку российского господства над другими народами бывшего СССР.

Устойчивый мир требует тесного сотрудничества между Вашингтоном и Москвой, столицей ядерной державы, простирающейся на 11 часовых зон. Но это будет возможно только, если будет признано существование других независимых государств на территории Советского Союза. Ибо попытки вновь подчинить огромную территорию центральному контролю потребуют методов, политики и оправданий, которые с необходимостью возродят напряженность, напоминающую о временах холодной войны.

Американское руководство рискует непреднамеренно внести свой вклад в опасное возрождение централизма, если оно не поймет, что американский сакраментальный язык может иметь совсем иное значение в контексте советской и русской истории.

Когда американские официальные лица награждают титулом «демократический» каких-либо руководителей, они часто делают это из любезности, и слово это выражает скорее надежду, чем реальную оценку. Почти все лидеры новых республик достигли своих высоких постов в качестве ведущих деятелей коммунистической партии. То же самое верно и для большинства руководителей промышленности. Их приспособляемость к националистическим лозунгам и демократической риторике есть результат их отточенного мастерства выживания. Было бы ошибкой рассматривать их антисталинизм как принципиальное обращение в демократию.

Все группировки в бывшем Советском Союзе сражаются во имя демократии. Знаем ли мы достаточно об игроках, чтобы делать ставки в тех политических играх, которые в настоящее время разворачиваются в далеких республиках? Сколь много гражданских конфликтов были разожжены извне сторонниками старорежимной централизации? Мы должны относиться с крайней осторожностью к попыткам вновь централизовать бывший Советский Союз под прикрытием произвольной и цинично применяемой демократической риторики.

Равным образом, каждый, кто был воспитан в американских традициях, будет поддерживать принцип защиты меньшинств. Но в советском контексте вопрос о меньшинствах сливается с территориальными притязаниями: на территории к востоку от Днепра и на Крым в случае Украины, на восточную часть Беларуси, на важные районы Латвии и Эстонии. Нужно принять все меры предосторожности, чтобы драгоценный американский конституционный принцип не легитимировал насильственный захват спорных территорий по югославскому образцу.

Возможности для поддержки плюрализма могут оказаться весьма быстропреходящими. В дополнение к развитию отношений с Российской Федерацией, Вашингтон должен ускорить установление дипломатических, экономических и культурных контактов по крайней мере с крупнейшими из новых республик.

Слишком часто Соединенные Штаты проявляют к новым республикам то же настороженное отношение, которое они проявляли к Ельцину в его соперничестве с Михаилом Горбачевым. Вашингтон был куда более многословен в выдвижении условий для признания новых республик – кроме России, чем в определении возможностей для сотрудничества.

Некоторые американские заявления, по-видимому, имеют своей целью утвердить Российскую Федерацию как прямого наследника царской и коммунистической центральной власти. Это не служит ничьим интересам, ибо приносит в жертву широкие возможности для установления поистине нового мирового порядка и ведет к непредсказуемым гражданским конфликтам и возможно – к гражданской войне.

Соединенные Штаты должны вести дела с республиками нового Содружества точно так же, как они ведут дела с европейскими странами, а к институтам Содружества относиться так же, как они относятся к институтам Европейского сообщества. Соединенные Штаты педантично соблюдают принцип непризнания какой-либо европейской страны в качестве господствующей. Российская Федерация, как наиболее сильная из стран-наследниц, всегда будет играть выдающуюся международную

роль, занимать важное место в американской внешней политике и лидирующее положение в Содружестве. Но стимулы к этому должны исходить изнутри, из пределов ее собственных границ, в соответствии с духом институтов, созданию которых она содействовала.

Само собой разумеется, что способствование установлению равенства внутри Содружества должно быть таким, чтобы не создать впечатления, что Америка разжигает соперничество между республиками.

Иногда утверждают, что обладание Россией огромным стратегическим ядерным потенциалом создает необходимость особого, наиболее благоприятствующего отношения к ней. Если бы это было верно, то это значило бы, что страны побуждаются к распространению ядерного оружия с целью получения входного билета в клуб государств, обладающих особыми отношениями с Соединенными Штатами. И было бы абсурдно превратить чувствительный вопрос о ядерном оружии в инструмент в руках тех, кто стремится восстановить центральную власть. Я не могу заставить себя испытывать ностальгию по тем временам, когда десятки тысяч ядерных головок были нацелены на Соединенные Штаты с центрального тоталитарного командного поста, сколь бы ни была строгой его контрольная система.

В проблеме ядерного контроля есть три аспекта: техническая безопасность; вопрос о том, чей палец лежит на кнопке; международный политический контекст, в котором может быть принято решение о применении ядерного оружия.

При всем уважении к мерам технической безопасности каждый согласится, что было бы желательным уничтожить тактическое ядерное оружие в согласованных местах. Пока не определено, каким образом это будет сделано.

Вопрос о том, чей палец будет находиться на кнопке, был разрешен в Содружестве, по крайней мере временно, передачей этого права российскому президенту при условии согласия на то глав других ядерных республик. Это условие имеет, однако, смысл только в том случае, если существуют технические средства, при помощи которых нерусские президенты могут эффективно осуществить свое вето. Если этого нет, мы возвращаемся к прежнему состоянию одностороннего центрального контроля.

Было предложено американское техническое сотрудничество в этом вопросе, и это может сыграть важную роль. Но надо позаботиться о том, чтобы настойчивые призывы к установлению единого командования и контроля не были использованы как предлог для силового восстановления централизации. Ибо в результате этого возрожденная высокоцентрализованная империя будет представлять для мира во всем мире куда большую опасность.

Величайшая историческая возможность для мира заключается в установлении плюрализма среди республик бывшего Советского Союза, наряду с тесными и доверительными отношениями между США и Российской Федерацией, которая впервые в своей истории перестала быть экспансионистской. Такое устройство откроет беспрецедентные перспективы для всех народов Земли и особенно для столь долго страдавшего населения бывшего Советского Союза.●

Вторая балканизация

Игры Большого Бонна

Под аккомпанемент интифады

ПРОЩАЙ БАЛКАНЫ, УХОДИМ В ЕВРОПУ

Эти и схожие лозунги над головами многотысячных толп, слезы ликования, колокольный звон со всех уцелевших церквей, объятия изнемогающих от счастья людей, парады фольклорных ансамблей, хлопанье пробок из-под шампанского, автоматные очереди в воздух, – все это картинки Хорватии и Словении 15 января 1992 года, в день международного признания бывших югославских республик в качестве независимых государств. В этот день для словенцев и хорватов завершился (по крайней мере формально) последний этап чуть ли не вековой борьбы за государственную независимость – этап, который начался референдумом о независимости в декабре 90-го года, принятием Декларации о независимости 25 июня прошлого года и завершился войной за независимость, которая для Словении длилась неделю, а для Хорватии продолжается уже полгода.

Принципиальное решение о признании двух республик было принято Европейским сообществом 14 января после того, как на рассмотрение Совета министров ЕС был представлен доклад французского судьи Робера Бадентера, содержащий основательный анализ положения дел на местах. Согласно доклада Бадентера, обе республики скрупулезно выполняют условия, которыми Сообщество еще в декабре минувшего года оговорило их возможное дипломатическое признание. (Кстати, эти условия, среди которых центральное место занимает соблюдение прав национальных меньшинств, фактически были восприняты международным сообществом как нормативные для аналогичных ситуаций.) Так что 15 января в полдень министр иностранных дел Бельгии Марк Эйскенс с сияющим видом сообщил собравшимся в Брюсселе журналистам о том, что все 12 членов ЕС отныне признают независимость Хорватии и Словении. К вечеру того же дня аналогичные заявления сделали десятки других государств: вся Скандинавия, Восточная и Центральная Европа, включая Австрию и Швейцарию, а из неевропейских стран – Канада и Австралия.

В жизни Старого Света произошло событие весьма неординарное: был сочтен изжившим себя порядок, сложившийся даже не после Второй, но еще после Первой мировой войны. Именно тогда, в результате распада Австро-Венгерской, Германской, Российской и Оттоманской империй сложилась нынешняя топонимика политической карты Европы со множеством новых включений, от Финляндии до Албании. Тогда же возникло и славянское новообразование на Балканах – Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС), принявшее позже, в 1929 году, название Югославия. Но ни в Великосербской державе Карагеоргиевичей, ни в коммунистической семье Йосипа Броз Тито хорваты и словенцы не чувствовали себя дома. Им всегда хотелось чего-то своего. У хорватов в глубокой древности была своя государственность – князь Томислав был помазан на царство Папой римским в 925 году, но не прошло и двух веков, как они были лишены ее динамичными венграми. О короткой жизни марионеточного правительства Анте Павелича, союзника гитлеровской Германии, хорваты, если они, конечно, не убежденные усташи, предпочитают вслух не вспоминать. У словенцев же национальные дерзания никогда в прошлом не заходили дальше мечты о территориально-культурной автономии в пределах

Австрии. Но на этот раз они не хотели слышать ни о чем другом, кроме полной независимости.

Кроме этих двух именинников, еще у одного государства были все основания праздновать победу – у Германии. Германская общественность давно уверилась в нежизнеспособности югославской федерации и острее других переживала ужас кровопролитной войны в центре процветающей Европы. Эта повышенная чуткость немцев к балканской трагедии объяснялась не только тем фактом, что здесь живут 600 тысяч югославов хорватского происхождения, не только широким знанием югославской действительности, приобретенным в результате массового туризма, но и тем обстоятельством, что немцы – народ, в большинстве своем помнящий о собственной вине перед другими европейцами и поэтому плохо воспринимающий великодержавную логику «большой пятерки», лидеры которой нередко отмахиваются от национальных чаяний малых народов как от чего-то докучливого и малосущественного. Германская общественность оказывала давление на политических руководителей в Бонне, вынуждая их, в свою очередь, влиять на партнеров. В своем требовании скорейшего признания Хорватии и Словении Германия была хотя и не совсем одинока в Европейском сообществе, но, безусловно, в меньшинстве. Ей противостояла англо-американская коалиция, которая утверждала, что плохой порядок лучше хорошей неопределенности! Французы же были верны своему старому принципу выжидания. За всем этим стоял страх великих держав перед экономической мощью новой Германии, подкрепленной теперь еще и политическими успехами на востоке Европы, перед вечным немецким «порывом к Востоку» («Дранг нах Остен»), осуществляемый в данном случае мирными средствами. Остановить Германию можно было, только опередив ее, но никак не плывя против течения.

Одно из возражений против позиции Германии в югославском вопросе было особенно коварным: сербохорватский конфликт, дескать, есть последняя битва Второй мировой войны, в которой Сербия сражалась на стороне антигитлеровской коалиции, а Хорватия была союзницей нацистов; сербы правы, не доверяя потомкам усташей, а прохорватская позиция Германии – не что иное, как восстановление старой линии фронта. Эта извращенная логика, игнорировала изменившуюся реальность. Следуя подобной логике, можно было объяснить, скажем, симпатии Германии к Венгрии в ходе народного восстания 56-го года: ведь Венгрия – военная союзница фашистской Германии, в то время, как советские войска, подавлявшие восстание, имеют безупречно антифашистское прошлое. Но политическая жизнь динамична и изменчива; плюсы в ней порой меняются на минусы, и наоборот. Нынешнее посткоммунистическое руководство Сербии не отказалось от тоталитаризма, и ее армия и сегодня воюет под красной звездой. Зато в Хорватии ориентированная на фашистское прошлое партия разогнана, ее лидер Доброслав Парага сидит за решеткой, пропаганда фашизма запрещена. Демократически избранный президент республики Франьо Туджман в годы Второй мировой войны воевал в партизанской армии Тито с войсками марионеточного хорватского режима, потом стал самым молодым генералом ЮНА, части которой нынче разоряют его родину. В 70-е годы, разжалованный в рядовые и исключенный из партии, он дважды отбывал срок за демократические и национальные идеалы. В нынешней Югославии все не так просто, чтобы можно было применить к ней старые трафареты.

Другой аргумент противников Германии выглядел более солидно: поспешное признание отделившихся республик загонит сербов в угол, они лишь усилят боевые действия, а то и перенесут их на территорию Боснии и Герцоговины. «Раненого зверя лучше не дразнить!» – говорили сторонники этой линии, подразумевая, что хорваты вскоре устанут от войны и согласятся с какой-то международно оговоренной формой капитуляции. Германские политики убеждали всех и каждого, что такой подход лишает международное сообщество последних рычагов давления на Белград. Доказать правоту той или иной позиции могла только сама жизнь.

В середине декабря прошлого года Германия убедила Европейское сообщество сформулировать условия признания новых государств и по истечении месяца окончательно определиться в этом вопросе – сама же она еще 19 декабря объявила о полном признании Хорватии и Словении, отложив на месяц лишь установление дипломатических отношений. И что же? Началась эскалация военных действий? Ничуть не бывало! Скорее наоборот, именно после этого активность сербской армии пошла на убыль, зато возросла активность антивоенных движений в Белграде. Последнее, 15 по счету, перемирие, заключенное при посредничестве специального посланника генерального секретаря ООН,

американского дипломата Сайруса Венса, вопреки опасениям, сработало и продолжает работать. Угроза его срыва заметно потеряла остроту после того, как в Загреб и Белград прибыло 50 наблюдателей ООН. И если руководитель этой группы, австралийский полковник Джон Вильсон даст благоприятный отзыв о ситуации генеральному секретарю ООН Бутросу Гали, то в районы боевых действий в ближайшие дни начнут прибывать первые контингенты 10-тысячного миротворческого корпуса. Согласно договоренностям, секторы, контролируемые «голубыми касками», должны будут покинуть подразделения ЮНА. Таким образом шансы на прочный мир в распавшейся Югославии велики, как никогда.

Вместе с тем, уже сегодня очевидно, что ни широкие признания, ни высокие государственные визиты (обе адриатические республики уже посетили президент Италии Коссига и министр иностранных дел Австрии Мок) сами по себе не могут полностью решить «югославский вопрос». Наоборот, какие-то его аспекты в результате всего этого оказались вконец запутанными.

Как быть, к примеру, с той частью Югославии, которая остается за вычетом двух независимых ныне республик? Если признать ее некой «остаточной» Югославией, то это равнозначно признанию позиции Белграда, заключающейся в том, что Хорватия и Словения просто «откололись» от государства, сохраняющего свою жизнеспособность. Однако вся нынешняя линия ЕС зиждется на представлении о том, что «Югославия как государство распалось». По идее, дипломатические представительства государств ЕС в Белграде более не могут считаться аккредитованными при правительстве Югославии. Однако они продолжают считаться таковыми, и даже когда сербский генерал Андрей Рашета приветствовал в Белграде группу наблюдателей ООН от имени «Президиума СФРЮ», формального протеста не последовало. Решить неразрешимую проблему можно было бы, только признав Сербию и Черногорию в качестве независимых государств. Но сделать это невозможно: во-первых, эти республики не обращались в Брюссель с запросом о признании, а во-вторых, ситуация там никак не соответствует условиям ЕС: в частности, там отказывают «своим» нацменьшинствам в самых элементарных правах. Так Сообщество, не желая того, загнало себя в тупик правовой казуистики.

Чрезвычайно важно то положение комиссии Бадентера, по которому бывшие внутренние границы республик становятся в момент признания международными границами новых государств, изменить которые можно только по взаимному согласию сторон. Сербия уже сейчас без обиняков заявила, что новый статус Хорватии распространяется лишь на ту территорию, которую она реально контролирует. Следовательно, на одну треть территории республики, занятую федеральной армией и сербскими ополченцами, хорватский суверенитет не распространяется. Это значит, что она может быть включена в великосербское государство, формальное провозглашение которого ожидается где-то в апреле этого года. Хорватия, однако, если верить ее президенту Туджману, намерена, если придется, отбивать свои земли вооруженной силой. Если такое произойдет, международное сообщество вынуждено будет поддержать военные усилия Хорватии по восстановлению международно признанных границ.

Вместе с Хорватией и Словенией признания добивались, но по разным причинам пока не добились, Македония и Босния-Герцеговина (первую, правда, признала Болгария). Признание Македонии заблокировала в ЕС Греция, опасаясь того, что новое государство может позариться со временем на одноименную греческую провинцию. Греция выставила свое условие признания Македонии – сменить названия страны, аргументируя это тем, что нынешнее название является культурным наследием Древней Греции и принадлежат ее правопреемникам. Вообще, Македония, по мысли греков, является лишь историческим ландшафтом, населенным самыми разными народами, а посему негоже называть страну по имени лишь одного из населяющих ее народов. Македония, которая, кстати, тщательно выполнила все предварительные условия Сообщества (в частности, оговорила в конституции права национальных меньшинств и торжественно отказалась от каких-либо территориальных притязаний к соседям), сменить имя решительно отказывается – оно ей якобы дорого как память.

Применительно к Боснии и Герцеговине комиссия Бадентера рекомендовала проведение «референдума о независимости» – и эта рекомендация хорошо демонстрирует оторванность формально-правовых представлений западноевропейцев от балканских реалий. Ведь в соответствии с международной нормой референдум считается действительным, если на его вопрос положительно ответило большинство в две трети избирателей. Но в республике Босния и Герцеговина нет национальных

меньшинств, а есть три «государственные нации»: сербы, хорваты и мусульмане (исламизированные славяне считаются в Югославии самостоятельным народом). Все три народа обладают пропорциональным представительством во всех государственных органах. Требование международного признания было поддержано именно хорватско-мусульманским большинством в две трети населения. Сербы же ни в каких референдумах о независимости принципиально принимать участия не станут. Они уже объявили о создании «сербской республики» в Боснии, которая в перспективе намерена, как и сербская самозванная автономия Краина в Хорватии, войти в состав Великосербской державы. В такой деликатной ситуации международное признание Боснии привело бы к немедленному распаду или к взрыву национальных страстей, по сравнению с которым, как утверждают сами босняки, хорватская война показалась бы маленьким недоразумением.●

Ефим Фиштейн (Мюнхен)

БОЛЬШАЯ ГЕРМАНИЯ – БОЛЬШИЕ ПРОБЛЕМЫ

Можно было заранее ожидать, что гросс-республика Германия задаст миру и самой себе больше загадок, поставит больше проблем, чем могло представить себе самое смелое воображение.

Вершители немецкой политики были, к примеру, не очень обрадованы, когда Центральный банковский совет, высший орган германского Федерального (государственного) банка семью голосами против шести принял решение повысить процентные ставки на кредиты, выдаваемые всем остальным банкам (и, следовательно, заставить банки в свою очередь повысить кредитные ставки), хотя всем было известно, что и прежний, и нынешний президенты Федерального банка понимали необходимость этого повышения и лишь из дипломатических соображений не афишировали свое мнение.

Хранители марки – «ведущей европейской валюты» во Франкфурте – хотели дать несведущим в финансах простакам на совещании лидеров Экономического сообщества в Маастрихте – Колю, Геншеру и Вайгелю (нашему министру финансов) недвусмысленный сигнал. Пожалуй, это удалось бы им гораздо лучше, если бы президент Федерального банка Шлезингер и его заместитель Титмайер согласовали свое решение с правительством. То, что это не случилось, само по себе сигнализировало об угрозе девальвации марки. Как бы то ни было, Федеральный банк дал понять, что он неколебимо стоит на страже стабильности немецкой валюты, вопреки амбициям политиков.

Но есть другая область, где ни с того ни с сего развернулась наша новая великодержавная политика, в то время как именно немцам надо бы вести себя в этом отношении осторожней и сдержанней: это Югославия, где сербы и хорваты ожесточенно перемалывают друг друга.

Очень может быть, что канцлер Коль – возможно, в отличие от своего министра иностранных дел Геншера – вообще не разобрался в ситуации; во всяком случае, оба они оказались во власти эмоций, подогреваемых в первую очередь консервативной газетой «Франкфуртер альгемайне» и немецким телевидением. Перес де Куэльяр, покуда он еще был Генеральным секретарем ООН, и посредник ООН в Югославии Сайрус Венс, американцы и некоторые европейские страны были против того, чтобы Германия лезла вперед в вопросе о признании отложившихся от Белграда республик. Но как и всякий раз, когда берутся аккорды на разбитом рояле французского величия, Париж подхватил немецкую инициативу – само собой разумеется, не из чистого бескорыстия.

Таким образом, едва утвердившись на обеих ногах, новая большая Германия увлекает за собою в беспочвенную политику и другие страны. Никто не может эффективно – то есть в первую очередь военными средствами – помочь хорватам, так же как никто не в состоянии остановить сербов. Спрашивается, что же заставляет многоопытного немецкого министра иностранных дел тянуть своего канцлера и всех нас в эту ловушку? Ведь это же в самом деле ловушка.

Правильно пишет во «Франкфуртер альгемайне» защитник интересов Хорватии Йоганн Георг Райсмюллер: «Германии придется столкнуться не просто с недружелюбием союзных правительств, но и с их гневом». Нужно ли нам это, нужно ли это именно сейчас?

Неужели у Федеративной республики нет других забот, как заставлять, потрясая мошной, набитой марками, другие государства Европейского сообщества во что бы то ни стало принять сторону хорватов против сербов? Неужто сложные взаимоотношения Хорватии и Сербии сводятся всего лишь к воинственной агрессивности сербов? Или мы в самом деле воображаем, что доросли до роли арбитра на Балканах?

Зачем нам бросаться очертя голову в ловушку, которую мы сами себе поставили?

Можно спорить о скороспелом, здорово живешь, признании Словении. Но поддержка хорватов на словах, в то время как у нас нет реальных возможностей вмешаться, нет военной силы, за вычетом разве лишь сверхординарных средств, – граничит с манией величия. Враги германского единства именно так и представляли себе будущую амбициозную политику немцев.

Было ясно, что позиция Германии еще долгое время будет оцениваться двояко. В зависимости от интересов конкретной страны нас будут упрекать то в великодержавии, то в провинциальности. Все это будет продолжаться и впредь.

Но зачем же разыгрывать из себя ведущую силу на Балканах, когда мы сами этого меньше всего хотим? Социал-демократическая оппозиция протестует только ради того, чтобы скрыть свои внутрипартийные неурядицы. Почитайте, что пишет в «Зюддойче цайтунг» главный редактор Дитер Шрёдер: «Что еще представляет собой это стремление Бонна обскакать всех, как не пустой номер, примитивный внешнеполитический рефлекс на внутриполитическое давление и попытку пустить всем пыль в глаза?»

Да, именно так и обстоят дела: мы провоцировали сербов, и мы же разочаруем хорватов. Почему же именно мы, – когда нам следовало бы стоять в самом конце очереди, если речь идет о Балканах, о так называемом восстановлении мира на этом злосчастном полуострове?

Бонну не пристало просто так отмахиваться от воспоминаний о том, что при режиме гитлеровского сатрапа в Хорватии Анте Павелича там было убито около 700 тысяч сербов. Мы толкуем о совести, о том, что прошлое не должно быть забыто, – и мы же хотим навязать короткую память Белграду!

Что и говорить, безрассудно взваливать на одну Германию финансовые «обязательства», пытаться сделать Германию главным казначеем Европы, который платит за всех. Но еще безрассудней навязывать Германии руководящую роль в Европейском сообществе, так что, например, федеральное правительство чуть ли не готово «свысока игнорировать принятую в ЕС процедуру», как пишет Кр.Бертрам в еженедельнике «Цайт».

А ведь именно это и произошло в случае со Словенией и Хорватией, состряпано в задних комнатах боннской кухни, за спиной нашего парламента, хотя и с молчаливого одобрения социал-демократической партии.

Сошлемся еще раз на Й.Г.Райсмюллера, который призывает «Запад» покончить раз и навсегда с «антиевропейским сербским государством» и добавляет: «Рождество в этом году было грустным для хорватов. Было о чем скорбеть: о погибших защитниках, о замученных пленниках, о разрушенных, опустошенных и надолго утраченных областях. Но и в глубоком унынии хорваты все еще доверяют западному миру, хотя Запад этого не заслуживает».

Стала ли Турция – член НАТО – более «европейской» после того, как она жестоко расправилась с курдами? Не хватало еще, чтобы мы добивались доверия титовских последышей, развязавших гражданскую войну. ●

Рудольф Аугштейн,
редактор-издатель журнала
«Der Spiegel» (Гамбург)

А ВДРУГ ПОЛУЧИТСЯ?

Еще несколько лет назад можно было с уверенностью сказать, что прямые арабо-израильские переговоры невозможны. Почему? Да потому хотя бы, что Израиль никогда не сядет за один стол с палестинцами, представляющими Организацию освобождения Палестины; палестинцы никогда не захотят выступать в составе чужой (например, иорданской) делегации; наконец, Сирия никогда не согласится вступить в контакты с «сионистским врагом».

Все правильно. И тем не менее переговоры ведутся и в них участвуют все непосредственные соседи Израиля, до сир находящиеся с ним в состоянии войны: Сирия, Ливан и Иордания. При этом последняя выступает как бы в двух ипостасях, представляя одновременно Иорданию и палестинцев.

Да, положение в регионе изменилось – это ясно. Не так уж трудно назвать и те основные факторы, которые способствовали этим переменам. Первый и главный – выход из игры Советского Союза.

Можно долго спорить о том, насколько политика СССР в ближневосточном регионе отвечала подлинным интересам страны. Однако в четкости и последовательности этой политике не откажешь. На протяжении сорока с лишним лет советские руководители делали все, чтобы держать Ближний Восток (и весь мир) в состоянии крайнего напряжения, на грани войны. Войны региональной, но способной в любой момент перерасти в мировую, ибо

арабская нация боролась не просто с Израилем, а с «двуглавой сионистско-империалистической гидрой». Оказывая арабам помощь, Советский Союз действовал почти бескорыстно. Ему нужна была даже не ближневосточная нефть, а всего лишь контроль над ней, возможность, если понадобится, перекрыть ее поступление на Запад.

Успех в этом направлении сулил такие перспективы, что в высших сферах власти, там, где вырабатывалась стратегия «последнего и решительного», не жалели средств, чтобы постоянно поддерживать напряжение в регионе. Мало того, что Советский Союз продавал арабским государствам оружие на самых льготных условиях, он всегда готов был предоставить его бесплатно, подкрепив инструкторами, советниками, даже солдатами. Надо ли удивляться, что после крушения советской империи такие союзники СССР, как Сирия, ООП, Ливия, Ирак, почувствовали себя одинокими. Без неограниченных поставок оружия, гарантированной дипломатической поддержки, а главное – без угрозы прямого советского вмешательства у арабских стран было мало шансов достичь своих целей силой оружия.

Вторым фактором, изменившим обстановку в регионе, стала молниеносная победа Соединенных Штатов в войне с Ираком. Советский Союз, связанный с Ираком договором о дружбе и взаимопомощи, мало того, что не поддержал Саддама Хусейна, но еще и поддакивал «империалистическому агрессору». Ну, а без советской помощи война превратилась для Ирака в сплошной конфуз, подозрительно напоминая события другой несчастной войны, 1967 года.

Наконец, третий фактор – влияние Египта. Как известно, встав на путь мирных переговоров с Израилем, покойный президент Египта Анвар Садат вернул своей стране все территории (включая Синай). Однако соперники Садата в арабском лагере обвинили его в предательстве общеарабского дела. В результате Египет был изолирован и надолго исключен из борьбы за лидерство в арабском мире.

Конечно, прямые обвинения против Египта давно сняты, но ясно, что претендовать на роль лидера эта страна сможет лишь в том случае, если докажет правильность избранного ею мирного пути. Собственно, все последние годы египетские руководители были только тем и заняты, что пытались доказать свою правоту арабским вождям – и прежде всего, президенту Сирии Хафезу Асаду.

До недавнего времени их доводы не очень-то действовали, поскольку президента Сирии больше устраивало именно военное решение. Однако последние события в мире и на Ближнем Востоке, видимо, убедили Асада, что силой он едва ли чего добьется. Напротив, согласившись на переговоры, он может выиграть в глазах Соединенных Штатов и всего мира. Тем более, что у него вовсе не было уверенности, что в новых условиях Соединенные Штаты будут непременно поддерживать Израиль. В конце концов у Америки есть свои интересы, отличные от израильских, и свои представления – тоже иные – о том, что справедливо, а что несправедливо на Ближнем Востоке.

Сложнее разобраться в мотивах Израиля. Сложнее уже потому, что в стране нет единого мнения по поводу и ведущихся переговоров, и арабо-израильских отношений в целом. Диапазон расхождений безмерно широк. От крайне левых, чья позиция в сущности делает переговоры ненужными, ибо левые готовы заранее принять все условия арабов, до крайне правых, отрицающих всякие переговоры, ибо они могут поставить под сомнение целостность Израиля в его древних, исторических границах. И это отнюдь не курьезы израильской политической сцены, а реальность, с которой следует считаться, поскольку ни одно правительство в Израиле не может обойтись без союзников – слева или справа.

И все-таки не это главное. Главное в том, что на переговорах Израилю в сущности нечего предложить оппонентам. Приняв требования ООП о создании на оккупированной территории палестинского государства, Израиль получит – всего в нескольких километрах от своих жизненно важных центров – соседа, чья будущая политика непредсказуема. На что же может рассчитывать Израиль? Самое большее – на обещания. На обещания палестинцев придерживаться условий мирного договора, на обещания США гарантировать соблюдение договора, на обещание других арабских стран признать факт существования Израиля.

Еще нагляднее отношения с Сирией. Понятно, что на переговорах речь должна была идти прежде всего о возвращении Сирии важнейшего стратегического рубежа – Голанских высот; тех самых высот, что всегда использовались этой страной для нападений на Израиль. В обмен? В обмен Израиль мог бы рассчитывать на еще одну порцию обещаний...

Короче, переговоры не сулили Израилю ничего хорошего. Однако руководители страны не могли не учитывать новую позицию США и изменившийся климат в мире. Но что еще важнее, многие в Израи-

ле начали понимать, что арабо-израильское противостояние не может продолжаться вечно, что даже не самое удачное решение несравненно лучше, чем отсутствие такового.

В действительности сюжет переговоров на каждом из четырех направлений (палестинцы, Сирия, Иордания, Ливан) был совершенно различен. Главным из этих направлений было, конечно, палестинское. И именно здесь, вопреки предсказаниям, было предложено приемлемое для обеих сторон промежуточное решение – автономия. Израиль заявил, что готов сразу же предоставить палестинцам полное самоуправление на территориях, сохранив за собой лишь иностранные дела и оборону. В дальнейшем (через три или пять лет) предлагается провести референдум, после которого вопрос о судьбе территорий должен быть решен окончательно.

За этой внешней схемой ясно просматривается внутренняя логика. В Израиле считают, что несколько лет «промежуточного» состояния помогут ответить на вопрос, возможно ли мирное сосуществование евреев и палестинских арабов. Если возможно, то найти для него приемлемую форму будет не так уж трудно, поскольку основная забота Израиля – безопасность. Если нет... Но о подобном развитии событий израильтяне (и «правые», и «левые») предпочитают не думать.

Цель палестинцев – и этого они никогда не скрывают – создание собственного государства. Автономия устраивает их только в одном плане – как промежуточная стадия на пути к главной цели. Естественно, что основные усилия палестинцев на переговорах направлены на то, чтобы утвердить во всеобщем представлении их право на создание своего государства. Именно поэтому палестинцы в составе иордано-палестинской делегации всячески подчеркивали свою независимость от Иордании и полную зависимость от ООП; требовали – в качестве условия продолжения переговоров – отказа Израиля от строительства поселений на территориях, немедленного ввода туда войск Объединенных наций и т.п.

Фабула израильско-сирийских переговоров была предельно проста. Сирийские представители с завидным постоянством повторяли одно: Израиль должен безоговорочно вернуть Голанские высоты. Со своей стороны Израиль требовал, чтобы Сирия – тоже без всяких условий – признала его право на существование. С монологов на эти темы стороны начали переговоры в Мадриде; этими же монологами они кончили в Вашингтоне. Диалог не получился.

В особом положении находятся Иордания и Ливан. У Иордании и Израиля в сущности нет предмета для спора, их интересы во многом близки, так что эти переговоры могли бы окончиться в считанные часы, если бы... Если бы король Хусейн и другие руководители Иордании не боялись обвинений в предательстве арабских интересов, в сговоре с сионистским врагом и пр. В арабском мире такие обвинения караются смертью.

Столь же просто было бы договорить о мире с Ливаном. Единственное, чего добивается Ливан – вывода израильских войск из южной части страны; единственное требование Израиля – гарантия того, что многочисленные террористические группы, разместившиеся в Ливане, будут лишены возможности использовать его территорию для нападения на Израиль. Казалось бы, о чем тут спорить?

Спорить действительно не о чем. Тонкость, однако, в том, что возможности ливанского правительства контролировать свою территорию целиком зависят от Сирии. А Сирия, как легко понять, позволит Ливану договориться с Израилем никак не раньше, чем договорится с ним сама. А пока... Пока за неимением других занятий стороны ведут философский спор на тему о курице и яйце. Израиль требует, чтобы Ливан заранее, до вывода израильских войск с его северных границ, гарантировал безопасность Израиля. Ливан – чтобы Израиль сначала вывел войска...

Будущее вроде бы сулит мало хорошего: слишком велики расхождения в позициях главных оппонентов. В то же время участники явно не хотят срыва переговоров, и дело тут, видимо, не только в инерции, которая, как замечено, присуща самому процессу переговоров, но и в общем ощущении, что дальше так продолжаться не может. Именно этот момент – постепенное осознание сторонами патового характера ситуации – дает основания для сдержанного оптимизма. Особую роль в дальнейшем развитии сюжета может сыграть автономия – как первая попытка перейти от добровольной вражды к вынужденному сотрудничеству.

А вдруг получится?..

Р.Шапиро (Иерусалим)

●

Ганс КЮНГ (Тюбинген)

ДВА ФЛАГА НАД ИЕРУСАЛИМОМ?

Человечество XX века не может обойтись без общих ценностей, задач, идеалов, представлений, – ему необходимо чувство ответственности за судьбу всего мира, основанного на всеобщем этосе. Еще год назад никто не мог представить себе, насколько насущной станет эта необходимость для международной политики. Сегодня мы вновь сталкиваемся с последствиями войны, более чем когда бы то ни было разрушительной в военном, финансовом, экологическом, социальном и нравственном смысле.

Всемирный этос и защита мира требуют также, чтобы главные религии взяли на себя определенные обязательства. Я уже спрашивал однажды: если бы представители главных мировых религий перестали раздувать пламя в очагах войны и выступили за примирение враждующих сторон и мир между народами, – что могло бы это значить для сотен миллионов людей? И вот – снова война, на этот раз в Персидском заливе. Война, которая вызвала неисчислимые потери: гибель людей, материальный ущерб, потоки беженцев, экологическую катастрофу. Война, которая стала социальным бедствием для народов региона. На этот раз общество осознает свою ответственность за эту войну позже, чем когда-либо. Такое осознание – нравственный долг каждого, кто участвовал прямо (в военных действиях) или косвенно (оказывая финансовую поддержку) в этой войне.

Трудные вопросы

Следует задать несколько вопросов участникам европейских и американских движений за мир. Можно ли сомневаться в том, кто начал эту войну? Это сделал не американский президент 17 января 1991 г., а багдадский диктатор и демагог 2 августа 1990 г. Это сделал человек, который уже давно проводит политику кровавого террора в своей собственной стране, который десять лет ведет войну с соседним Ираном (стоившую почти миллиона жертв), берет заложников, применяет отравляющие вещества и умышленно разливает нефть, который угрожал другому государству, Израилю, что полностью его уничтожит, применив «неконвенционное» оружие. Конечно, это преступная война, но несмотря на это, она принесла Саддаму Хусейну популярность в мусульманской среде за его намерение решить израильский вопрос и призыв к активному сопротивлению Америке и Западу, за его требования освободить мусульманские святыни и уравнять в социальном отношении богатые и бедные арабские народы. Все эти требования, имеющие социальный и религиозный подтекст, исходят от человека, который, как известно всем, – несмотря на всю его пропаганду, – весьма далек от религии.

И все же пацифисты с их лозунгом «Не проливайте кровь ради нефти!» не учли того, что нельзя разрешить сумасшедшему с манией величия и убийце, уничтожившему массу людей, овладеть ситуацией в таком жизненно важном для всего мира регионе. Действия Сталина в Финляндии и Гитлера во всей Европе показали, что абсолютный пацифизм невозможен, желание добиться мира любой ценой невыполнимо и безответственно. Некоторым «борцам за

мир» нужно напомнить, что лишь нравственный этос, без учета разумного начала, может привести к катастрофическим последствиям.

Но, конечно, верно и обратное: эффективная политика, не принимающая во внимание нравственность, обычно ведет к преступлениям. Разве, указав пальцем на Саддама Хусейна, мы определим всех, кто несет ответственность за эту войну? Нет, необходимо более глубокое ее осмысление с точки зрения нравственности. В этих событиях нельзя видеть только черное и только белое, нельзя четко разграничивать негодяев и невиновных, Добро и Зло, Бога и Сатану. Если мы назовем противоположную сторону Дьяволом, то этим мы лишь постараемся оправдать самих себя. Кто снабжал Ирак деньгами и техникой и консультировал его? Советский Союз, конечно, но также и прежде всего Запад с милостивого разрешения США: в особенности Франция, Англия, Италия и, к несчастью, Германия.

К несчастью, и Германия, которая только несколько месяцев назад праздновала свое воссоединение – и, что очень важно, праздновала это историческое событие с достоинством, без националистических излишеств. Но теперь настроение изменилось, и огромное число немцев тяжело переносит существенное ухудшение репутации объединенной Германии во всем мире (особенно в Израиле), вызванное деятельностью беспринципных предпринимателей и спекулянтов при попустительстве ряда правительств. Ради своей выгоды они беззастенчиво нарушали законы (или обходили их), чтобы строить бункеры-бомбоубежища, увеличивать радиус действия советских ракет и производить отравляющие вещества по приказу поджигателя войны из Ирака. С циничным безразличием они готовы были согласиться с тем, чтобы такое ужасное оружие было применено против Израиля, и это после убийства миллионов евреев при нацизме!

Теперь, конечно, каждый призывает тверже соблюдать законы и быстрее наказать преступников, а правосудие часто действует удивительно медленно. Но ни принятые дополнения к законам (сколь бы они ни были важны), ни борьба против нарушений конституции сами по себе недостаточны. Что нам действительно необходимо – это подлинное нравственное осмысление своих собственных действий и более этичное самоограничение со стороны предпринимателей и всех тех, на ком лежит политическая ответственность. На карту поставлены самые важные этические вопросы.

Соединенные Штаты тоже следует кое о чем спросить. Президент Буш всегда подчеркивает, что между войной в Персидском заливе и палестинской проблемой нет никакой связи. Даже если США не хотят видеть этой связи, ее видит весь арабский мир. И его мнение следует принимать во внимание. Во многих арабских странах американской политике уже совсем не верят, потому что резолюции ООН, касающиеся ситуации в Персидском заливе, выполнялись с пугающей быстротой и агрессивностью, в то время как другие резолюции ООН, касающиеся палестинской проблемы, уже давно повисли в воздухе. Таким образом Соединенные Штаты со своей недальновидной политикой частично ответственны за то, что конфликт с Ираком угрожал также и Израилю: ведь ахиллесовой пятой Израиля остаются оккупированные палестинские территории. То, что диктатор из Ирака смог шантажировать Израиль, – следствие, в частности, долгой и неверной политики.

Нельзя не задать некоторые вопросы и самому Израилю. Мы целиком сочувствуем этой стране, ставшей после Катастрофы родиной для евреев всего мира, особенно сочувствуем ей ввиду той угрозы, которая исходила от Ирака. Израиль имеет – исторически, политически и морально – право на существование и достоин в конце концов дипломатического признания со стороны всех арабских государств и «вечно опаздывающего» Ватикана. Граждане Израиля должны, наконец, – ведь очень многие из них только этого и хотят, – получить возможность жить обычной жизнью как нормальные люди, а не как «раса Господа», властвующая над почти двумя миллионами людей другой национальности.

Несмотря на вводящую в заблуждение политику средств массовой информации, многие израильтяне сами понимают, что начиная с Шестидневной войны 1967 г. их страна попала в тяжелое положение, которое становится со временем еще сложнее: Израиль играет роль оккупационной власти, приведшей к гибели сотен палестинцев. Разве в действительности Израиль – единственная жертва? Разве палестинцы – не такие же жертвы? Премьер-министр Ицхак Шамир надеется, что воздержавшись от вступления в конфликт по требованию Америки, Израиль обеспечит себе новые денежные поступления после войны, и он уже потребовал у США миллиарды долларов. Неужели он на самом деле верит, что основываясь на авторитете Библии, он сможет удержать арабские территории, оккупированные вот уже 23 года с вопиющим нарушением международных законов? Что все это делается, так сказать, во имя Бога? Придется ли всему миру жить еще 40 лет под постоянной угрозой вооруженных конфликтов между Израилем и двадцатью арабскими государствами?

Если теперешнее израильское правительство не хочет вести двусторонние переговоры с палестинцами, то для решения палестинской проблемы совершенно необходимо становится мирная конференция, за созыв которой выступают США, СССР, ЕЭС и американские еврейские организации, а также многие израильтяне и евреи во всем мире. Конечно, ООН, чьи разнообразные резолюции об освобождении оккупированных территорий Израиль безнаказанно игнорирует уже два десятилетия, не может самостоятельно решить этот вопрос. Израильтяне оставили Синай (что позволило, наконец, заключить мир с Египтом) только под давлением Америки, получив ее гарантии. И только под давлением США и с гарантиями США Израиль может освободить оккупированные территории, а значит, и заключить, наконец, мир с арабами.

После этой катастрофической войны большее число израильтян, чем когда-либо раньше, одобрит лозунг «земли – за мир».

Но вопросы следует задать и арабским государствам. Разве между ними нет невыносимых социальных различий – между богатейшими странами-производителями нефти и бедными странами, такими, как Египет и Иордания? Не это ли обстоятельство использовал преуспевающий и богатый нефтью Ирак, когда запоздало и лицемерно пытался оправдать свое вторжение в маленькую, но чрезвычайно богатую соседнюю страну, оправдать вторжение, которое произошло после того, как долги Саддама Хусейна стали уже слишком велики, – ведь он вооружился до зубов и вел бессмысленную войну с Ираном? Разве не смогла бы этически мотивированная социальная политика давно уменьшить социальный антагонизм и напряженность между арабскими государствами и предотвратить многие кризисы с самого начала? Не станут ли после этой войны демократизация (по крайней мере, введение конституционной демократии в Кувейте) и более полное осуществление прав человека во многих арабских странах более необходимыми, чем когда бы то ни было?

Сколько бы мы ни пытались ответить на эти вопросы, нам не удастся уйти от главного, становящегося все более насущным: что делать? Какую после этой войны (гибельной не только с политической, но и с религиозной точки зрения) следует проводить политику? И какая ответственность за все это лежит на религиях? Каков мог бы быть их конкретный вклад в решение этих проблем?

Роль религии

Одно обстоятельство следует прояснить с самого начала: война в Персидском заливе не была войной между христианами и мусульманами, пусть даже подобные мысли и приходили в голову многим арабам и многим христианам. Не существует и вечной вражды между евреями и мусульманами: вплоть до XX века они часто жили вместе, не испытывая особых затруднений. Нет, справедливое возмущение действиями Саддама Хусейна ни в коем случае не должно приводить к безоговорочному осуждению ислама как якобы агрессивной, воинственной религии, не уважающей человеческой жизни. И еще одно очевидно: в любых международных конфликтах определенную роль играют и религиозные вопросы, но они могут иметь и противоположное действие: они могут спровоцировать войну и мешать ее окончанию, но также положить конец войне или даже предотвратить ее.

Мирные революции в Польше, Восточной Германии, Чехо-Словакии, Южной Африке и на Филиппинах показали, что религия может способствовать установлению и сохранению мира. Поэтому возникает вопрос: обманчива ли вера в то, что этой войны можно было бы избежать, если бы, наконец, к палестинской проблеме подошли со всей серьезностью (ведь этот вопрос уже несколько десятилетий отравляет отношения между арабским миром и Западом), если бы экуменический диалог между христианами, евреями и мусульманами о мире между народами, касающийся в том числе палестинской проблемы, был более искренним?

Я хочу сказать со всей определенностью: нельзя игнорировать религиозную, социальную и нравственную сторону этого конфликта, принимая во внимание лишь его стратегические, экономические и политические аспекты. Недоразумения между США и Ираком парализовали с самого начала все дипломатические усилия и сделали невозможным достижение понимания. Многие согласятся с тем, что некоторые политики, дипломаты и военные потерпели фиаско во время этого конфликта потому, что они не имели никакого представления о культуре, складе ума и религии народов Ближнего Востока. В противном случае они бы, конечно, понимали, что требование «безусловной капитуляции» приведет к безусловному сопротивлению, что

арабский лидер, поставленный перед выбором, стать ли ему предателем или мучеником, предпочтет мученичество. Они бы понимали, что повсюду в мусульманских странах израильский вопрос – главный (и, кроме того, религиозный) вопрос, что любая западная военная акция, сопровождаемая воззваниями к Богу, разбередит рану крестовых походов и что с точки зрения мусульман эта война – самый тяжелый со времен западного империализма и колониализма удар по достоинству мусульманских народов, самое глубокое выражение презрения к их религии.

Все страны, участвующие в этом конфликте, – прежде всего Соединенные Штаты и Великобритания, затем Израиль и арабские государства – представляют, каждая по-своему, одну из основных мировых религий: христианство, иудаизм и ислам. Но должны ли эти религии обязательно быть враждебны друг к другу? У них, как у религий обетования, есть много общего. Все три религии восточно-семитского происхождения, все они по своему характеру профетические, и все они считают своим основателем праотца Авраама. Если бы они смогли осознать свое общее происхождение, то, возможно, сумели бы внести существенный вклад в улучшение международной ситуации. Но сейчас им в первую очередь нужно уладить недоразумения, разрушить стереотипный и обезличенный «образ врага» (который имеется у каждой стороны), ослабить взаимную ненависть и обдумать все то общее, что есть у этих трех религий.

Очевидно, что между тремя профетическими религиями есть и существенные различия. Учение иудаизма построено на идее избранного народа и земли Бога, христианство говорит в основном о Сыне Бога, Мессии, а ислам – о слове Бога и книге Бога. Эти различия невозможно и не следует преуменьшать или игнорировать.

Не нужно пытаться объединить основные религии. Единая мировая религия – это иллюзия. Но мир между религиями необходим после этой войны более чем когда-либо. Сколько можно повторять простую истину: не может быть мира на всей Земле, пока нет религиозного мира. Не может быть мира между народами, пока враждуют религии. А мира между религиями не будет, пока они не начнут свой диалог.

Все профетические религии возвещают о вере в одного и того же Бога. Это общее в них должно больше влиять и на политику. Во всех этих религиях продолжает жить пророческое наследие, то наследие, которое, к счастью, и сегодня служит общим основанием для иудаизма, христианства и ислама.

Евреи, христиане и мусульмане верят в единого Бога, который не позволяет поклоняться никаким другим богам, властям, правителям или деятелям. Этот Бог – не кумир какого-нибудь отдельного народа, но Бог всех людей, не национальное божество, но Господь всего мира и желает добра всем народам.

Евреи, христиане и мусульмане признают основной пророческий этос: общечеловеческие заповеди о справедливости, честности, верности, о мире и любви, которые, как они считают, исходят от Самого Бога.

Для иудаизма, христианства и ислама характерна пророческая критика тех несправедливых и бесчеловечных отношений, в которые втянуты и вынуждены жить униженные, порабощенные, эксплуатируемые люди. Нельзя поклоняться Богу и не служить другим людям, и не защищать права человека.

Очевидно, что подлинная основа для экуменического согласия всех трех религий, которые вместе образуют этически ориентированный монотеистический мир, реально существует. Такое экуменическое движение, благодаря общему основателю этих религий, можно было бы назвать экуменическим движением Авраама. Я убежден, что мира на Ближнем Востоке не будет до тех пор, пока экуменическое движение Авраама не станет серьезной политической силой, имеющей влияние во всем мире. Как в противном случае можно успешно сопротивляться религиозным фанатикам всех трех лагерей? Вот каковы мои предложения:

Евреи и христиане должны вместе, основываясь на Еврейской Библии и Новом Завете, утверждать и защищать достоинство арабских и мусульманских народов, которые не хотят, чтобы их страны играли роль последних на земле колоний.

Мусульмане и христиане должны вместе, основываясь на Коране и Новом Завете, утверждать и поддерживать право на существование еврейского народа, того народа, на долю которого выпало больше страданий за последние 2000 лет, чем на долю всех других народов, народа, который был почти уничтожен.

Евреи и мусульмане должны вместе, исходя из Еврейской Библии и Корана, утверждать и поддерживать полноправное существование христианских общин во всех странах Ближнего Востока.

В соответствии с этим общие обязательства всех трех религий – защита мира, справедливости и свободы, человеческого достоинства и прав человека – должны, конечно, осуществляться в сотрудничестве с народами, принадлежащими к индийской, китайской и японской традициям.

Не прояснив среди евреев, христиан и мусульман некоторых религиозных вопросов, нельзя найти устойчивого политического решения. Достаточно вспомнить о проблеме границ Израиля или о вопросе применения силы в исламе, или о веротерпимости в христианстве. Что можно конкретно сделать сейчас, когда война в Персидском заливе уже позади? Политический мир, полностью концентрируясь на непосредственных задачах, рискует упустить из виду долгосрочные перспективы. Я позволю себе высказать несколько общих предложений, исходя не из политических интересов в первую очередь, а из представления о необходимой для всех трех профетических религий ответственности за экуменическое сотрудничество.

Мирное сотрудничество

Нельзя навязывать региону новый способ мирного урегулирования, этого не должны делать даже США. Для примирения требуется соучастие всех действующих в регионе сил. Два аспекта кажутся мне чрезвычайно важными для решения проблемы мира на Ближнем Востоке. Я бы хотел сначала кратко рассмотреть непосредственно политические вопросы.

При решении ближневосточной проблемы нельзя изобрести ничего совершенно нового, но можно в нескольких жизненно важных точках перестроить уже существующее сообщество государств. После ужасов шахского режима в Иране и режима Саддама Хусейна в Ираке Запад просто не может допустить, чтобы еще какая-то страна – будь то Турция, Сирия или Израиль – играла роль доминирующей военной державы, призванной установить «порядок» во всем регионе. Нельзя достичь стабильности, безопасности и мира на Ближнем Востоке с помощью авторитарной «стабилизирующей силы», имеющей опасный военный потенциал. Скорее это можно сделать путем большего развития демократии, законности и уважения к правам человека. Необходимо равновесие межнациональных сил внутри региона, постепенное разоружение и экономическое сотрудничество. Общий арабский «план Маршалла» справедливого распределения огромных нефтяных богатств мог бы так же помочь арабским «бедным странам», как американский план Маршалла помог Европе после Второй мировой войны. И еще кое о чем не следует забывать: многие из угнетаемых народов (например, курды) имеют право хотя бы на внутреннюю автономию. Это тоже входит в число важнейших моральных требований, для выполнения которых многое могут сделать все три религии.

Центральным вопросом для любой попытки разрешения ближневосточного конфликта всегда была и будет палестинская проблема. Этот вопрос, который неоднократно ставил под угрозу мир во всем регионе, должен быть в конце концов решен. Необходимо, чтобы возникла возможность примирения

Израиля не только с Египтом, но и со всеми другими соседями. Всем трем религиям следует обдумать свой план действий, для которого очень важным будет слово «мир». Это слово звучит как «шалом» в Еврейской Библии, «салям» в Коране и «эйрэнэ» в Новом Завете.

Предвидение мира должно вытеснить ужасные предчувствия войны и уничтожения. А для осуществления этого нет другого пути, кроме создания палестинского государства. Если смотреть реалистически, это возможно при трех условиях: во-первых, при условии безопасности границ Израиля, во-вторых, при гарантиях ООН или сильных держав (как это было в случае с Египтом) и, в-третьих, если будет образована конфедерация, в которую войдут Израиль, новое палестинское государство и Иордания (аналогично конфедерации стран Бенилюкса) на взаимовыгодных условиях.

При этом государство Израиль можно было бы преобразовать из военного лагеря, бряцающего оружием, в мирную страну, готовую помочь соседям, а его народ, – из вооруженного отряда в мирных людей. Вы только представьте себе, что могло бы значить для всего Ближнего Востока, для Египта, Сирии, Иордании, Ирака и Саудовской Аравии, для всех граничащих с ними стран, если бы такая высокоразвитая страна, как Израиль приняла на себя обязательства мирного сотрудничества!

Иерусалим

И все же самый трудный вопрос – как разрешить споры вокруг Иерусалима. Этот город, конечно, за свою 3000-летнюю историю видел очень много разных правителей и правительств. Это город, священный и для евреев, и для мусульман, и для христиан, и вопрос о его статусе остается небезразличным даже для секуляризованных евреев и мусульман.

В самом деле, историческая судьба Иерусалима уникальна. Это священный город сразу для трех религий Авраама, потому что они происходят от общего основателя. Кроме того, каждая религия имеет и свои особые священные связи с этим городом: евреи считают Иерусалим городом Давида, христиане – городом Иисуса, а мусульмане – городом пророка Мухаммеда.

Некоторые думают, что необходима интернационализация Иерусалима. Столицей Израиля мог бы быть Тель-Авив, а столицей палестинского государства Рамалла. Но возможно и другое решение. Останется или нет руководителем палестинцев Ясир Арафат (который еще раз, кажется, поставил не на ту лошадь), они тоже стремятся к политическому самоопределению, хотят обрести чувство национального достоинства, иметь свой государственный флаг. Один религиозный символ вовсе не обязательно исключает другой. Почему не могли бы в грядущую эпоху мирного сосуществования над Иерусалимом развеваться сразу два флага: израильский флаг со звездой Давида и палестинский флаг с полумесяцем?

С этого можно было бы начать решение всего комплекса политических и религиозных проблем Иерусалима. Почему бы не сделать так, чтобы богатый символикой Старый город стал одновременно столицей и Израиля, и палестинского государства? Ведь новое его деление абсурдно с экономической, социальной и религиозной точки зрения. Почему бы этому городу не стать столицей, которая вместо того, чтобы разделять народы, объединила бы их для общего блага? Было бы это таким уж неслыханным случаем в истории? Бывает ли так, чтобы город был столицей сразу двух государств? А разве не развеваются сегодня над бывшим некогда предметом долгих споров Римом флаги Италии и Ватикана?

Второе соображение, которое можно было бы положить в основу будущего статуса Иерусалима, – очень важное разграничение: вовсе не обязательно, чтобы столица страны и резиденция ее правительства находились в одном и том же месте. Шла долгая дискуссия по поводу того, должен ли Берлин

стать и столицей, и резиденцией правительства объединенной Германии. В любом случае ничто не запрещает им находиться в разных местах. Почему же не может символичный Старый город Иерусалима (только Старый город) быть столицей (и нейтральной территорией) и Израиля, и Палестины? Израильский правительственный центр мог бы остаться в еврейской части Нового Иерусалима, а Палестинский правительственный центр мог бы расположиться в арабской части Нового Иерусалима – так обе резиденции находились бы каждая на своей территории, но не были бы отделены от Старого города. Можно было бы договориться о практических условиях такого решения. Там, где есть этическое стремление – в нашем случае желание добиться мира, – почти всегда находится и политический путь.

Но каким образом можно в центре Израиля привести к мирному разрешению вопросы, касающиеся Старой Храмовой горы, Аль-Гарам аш-Шариф?[1] Всем трем религиям Авраама нужна общая религиозная святыня, нужен общий религиозный символ, напоминающий о том, что все эти религии чтут единого Бога Авраама, нужен великий знак, говорящий об общих основаниях, которые могли бы помочь преодолеть любые разногласия и любую враждебность друг к другу. В действительности такое святилище единого Бога Авраама уже существует. Это и есть то самое уникальное святое место на Старой Храмовой горе в Иерусалиме, «Храм скалы» («Куббат ас-Сахра» по-арабски), которое часто неверно называют мечетью Омара (хотя на самом деле это не мечеть). Согласно как еврейской, так и мусульманской традиции, эта святыня напоминает не только о вручении Аврааму его сына Исаака, но также о Сотворении мира и о Страшном Суде.

Поэтому будет ли таким уж абсурдом вера в то, что после разрешения политических и религиозных конфликтов между израильтянами и палестинцами, евреями и арабами-мусульманами, христианами и евреями они смогут молиться в этом святилище единого Бога Авраама? Тогда Храм Скалы мог бы стать Собором Примирения для этих трех религий, считающих Авраама своим основателем.

Иллюзорно ли такое предвидение? Конечно, добиться мира будет труднее, чем выиграть войну. На поверхность вышли сильные, агрессивные эмоции – как во время Второй мировой войны. Однако постепенно все участники конфликта успокоятся, как это было и после той войны. Человечество, как и любой отдельный человек, похоже, способно учиться только на собственном опыте, и опыт этот, как правило, мучителен. Достаточно ли мы обдумали свои ошибки, чтобы теперь, после катастрофической войны в Персидском заливе, создать новое распределение сил на Ближнем Востоке и добиться мира (как это было сделано в Европе после Второй мировой войны)? Три мировые религии и их предстоятели, которые раньше были очень пассивны, теперь должны начать действовать и вместе с политиками принять участие в поисках средств для достижения устойчивого мира. В каждой церкви, синагоге и мечети нужно решительно выступать в защиту мира, а не только молиться за него. Чтобы добиться этого, всем нам необходимо общее представление о происходящем, общий подход, мужество. Всем нам нужно активно и неутомимо действовать, выполняя свои обязательства.

---

[1] Аль-Гарам аш-Шариф – «Священный двор», где расположена так называемая мечеть Омара, построенная, по преданию, над священной горой Мориа и на месте храма Соломона.

Эрнст ОРЛОВСКИЙ (СПб)

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

К 45-летию его окончания

45 лет назад завершился процесс по делу главных германских военных преступников перед Международным военным трибуналом в Нюрнберге. Первого октября 1946 г. закончилось оглашение приговора, 16 октября были повешены подсудимые, приговоренные к смертной казни.

О Нюрнбергском процессе написано очень много. Широко известны доказанные на процессе преступления против человечности, совершенные гитлеровским режимом. Преданы гласности все подробности того, как готовилась агрессия. Гораздо менее известны юридические основания деятельности Нюрнбергского трибунала. Между тем при ссылках на Нюрнбергский процесс как на прецедент знание юридических аспектов не менее (если не более) важно, чем сведения о конкретных преступлениях подсудимых.

Цель настоящей статьи – конспективно изложить основы деятельности Нюрнбергского трибунала. При этом особое внимание я уделю суду над преступными организациями, поскольку именно этот вопрос ныне особенно актуален и вместе с тем именно здесь публицисты допускают больше всего путаницы. В полемике по поводу возможного суда над КПСС обе стороны ссылаются на опыт Нюрнбергского процесса. Одни заявляют, что Нюрнбергский трибунал признал гитлеровскую партию преступной, другие это опровергают, но ни те, ни другие, похоже, не знают точных фактов.

Кого судили в Нюрнберге?

«Международный военный трибунал для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников европейских стран Оси» (именно так этот трибунал назван в ст. 1 его Устава) был учрежден Соглашением между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции от 8 августа 1945 г. Неотъемлемой частью Соглашения является приложенный к нему Устав Международного военного трибунала (в дальнейшем я буду писать просто «Трибунал»). Соглашение и Устав вступили в силу в день их подписания. Впоследствии к Соглашению и Уставу присоединились правительства еще 19 стран. Таким образом, можно считать, что нормы, заложенные в Уставе Трибунала, получили довольно широкое международное признание, хотя надо сказать, представляется весьма необычным, что столь важный документ, вводящий новые международные правовые нормы, не подлежал ратификации и не обсуждался законодательными органами стран-участниц.

Устав Нюрнбергского трибунала в значительной степени послужил образцом для Устава «Международного военного трибунала для Дальнего Востока», утвержденного 19 января 1946 г. (в окончательной редакции – 26 апреля 1946 г.) американским генералом Дугласом Макартуром, действовавшим на основании договоренности между союзниками в качестве Главнокомандующего Союзных Держав. Этот трибунал (обычно именуемый Токийским трибуналом) состоял из представителей 11 государств. Процесс по делу № 1 (оказавшемуся единственным) главных японских военных преступников проходил в Токио с мая 1946 г. по ноябрь 1948 г., приговор в отношении подсудимых, приговоренных к повешению, был исполнен 23 декабря 1948 г. Других международных уголовных судов пока не было.

Вернусь к Нюрнбергскому трибуналу. Постоянным местонахождением Трибунала был определен Берлин (а не Нюрнберг). Именно там в октябре

1945 г. состоялись первые организационные заседания Трибунала. Уставом Трибунала было определено, что первый процесс состоится в Нюрнберге, а последующие – в местах, определенных самим Трибуналом. Процесс по «делу № 1» проходил в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Поскольку этот процесс оказался единственным процессом, проведенным четырехсторонним Международным военным трибуналом, этот трибунал вошел в историю как «Нюрнбергский».

В состав Международного военного трибунала входили по одному члену от каждой из четырех стран (СССР, США, Великобритании, Франции) и по одному его заместителю. На четырехсторонней основе строилась и работа Комитета обвинителей. Членом Трибунала от СССР был Иона Никитченко, до того в качестве члена Военной коллегии Верховного Суда СССР штамповавший приговоры «врагам народа» по указке Сталина–Ежова–Берии. Подсудимые имели защитников, и им были обеспечены широкие процессуальные гарантии, в основном соответствующие правилам англо-американского судопроизводства и не меньшие, чем во французском и советском судопроизводстве.

Список обвиняемых был составлен так, чтобы он охватывал наиболее видных лиц в разных областях деятельности гитлеровской партии и государства. Гитлера, Гиммлера и Геббельса уже не было в живых. Заместитель Гитлера по партии Борман так и не был разыскан, и его судили заочно. Руководитель «Германского рабочего фронта», заменившего профсоюзы, Роберт Лей покончил с собой после получения обвинительного заключения. Руководитель концерна «Крупп» и ряда органов, участвовавших в управлении промышленностью всей страны, Густав Крупп оказался тяжело больным, дело в отношении его было приостановлено и не возобновлялось.

Была наспех сделана попытка включить дополнительно в список обвиняемых сына Густава Круппа Альфреда, также принадлежавшего к числу высших руководителей концерна. Американский обвинитель заявил: «...Крупные промышленники Германии виновны в преступлениях, изложенных в обвинительном заключении, в той же мере, что и ее политические деятели, дипломаты и военные». Он добавил, что если ни один промышленник не войдет в число тех, кто признан главными германскими военными преступниками, то «одна из главных целей Соединенных Штатов будет уничтожена». Однако попытка обвинителей была явно запоздалой и не привела к успеху. Согласно Уставу Трибунала, для предъявления обвинения достаточно требований двух, то есть для обвинения Альфреда Круппа было достаточно, чтобы к требованию американского обвинителя присоединился советский, но он (как и двое остальных) категорически отклонил требование американского обвинителя.

Таким образом, на скамье посудимых в Нюрнберге сидел 21 человек: высшие руководители партии и государства Геринг, Гесс, Розенберг, Риббентроп, один из руководителей гестапо Кальтенбруннер, высшие руководители вооруженных сил Кейтель и Йодль, адмиралы Редер и Дёниц, дипломаты Нейрат и Папен, руководители экономики страны Шпеер, Функ и Шахт, руководители администрации на оккупированных территориях Польши, Нидерландов, Чехословакии – Франк, Зейс-Инкварт и Фрик, руководитель германского радио Фриче, уполномоченный по использованию рабочей силы (то есть по распределению работников, принудительно угнанных в Германию) Заукель, руководитель «Гитлерюгенд» и имперский руководитель молодежи Ширах. Последним обвиняемым был Юлиус Штрейхер, занимавший до 1940 г. партийный пост на уровне нашего секретаря обкома, а после 1940 г. вообще не находившийся ни на партийных, ни на государственных постах, но известный тем, что с начала 20-х годов издавал и редактировал газету под названием «Der Stürmer» («Штурмовик»), целиком посвященную «разоблачению евреев».

Трибунал приговорил 12 обвиняемых к смертной казни. Из них Борман так и не был разыскан, Геринг покончил самоубийством за несколько часов до

казни, а остальные – Риббентроп, Розенберг, Кальтенбруннер, Кейтель, Йодль, Франк, Фрик, Заукель и Штрейхер – были повешены.

Восемь подсудимых были приговорены к лишению свободы, в том числе трое – к пожизненному заключению (Гесс, Редер и Функ), трое (Зейсс-Инкварт, Шпеер и Ширах) – к 20 годам. Нейрат – к 15 годам и Дёниц – к 10 годам. Функ, Редер и Нейрат в 1954–55 гг. были освобождены из заключения по болезни, остальные отбыли наказание.

Из числа осужденных подсудимых несколько были оправданы по некоторым из предъявленных обвинений. Так, Гесс был призван невиновным в массовых зверствах, поскольку они происходили в основном после того, как Гесс в мае 1941 г. покинул Германию. Шпеер и Заукель признаны невиновными в подготовке агрессивной войны, поскольку они заняли свои посты тогда, когда война уже велась полным ходом.

Трое подсудимых – Шахт, Папен и Фриче – были Трибуналом оправданы полностью. Фриче Трибунал счел слишком мелким чиновником. В отношении Шахта была принята во внимание его отставка в конце 1937 – начале 1939 г. со всех влиятельных постов и арест в 1944 г. Что касается Папена, то суд расценил многие его действия на постах посланника в Австрии и посла в Турции как аморальные, но не преступные, поскольку не доказано, что эти действия были как-то связаны с подготовкой агрессии или массовых убийств и т.п. Тем не менее оправданные Трибуналом подсудимые были привлечены к ответственности перед западногерманскими судами по денацификации.

Нюрнбергские принципы

В Уставе Трибунала перечислены те деяния, которые рассматриваются в качестве преступлений и подлежат юрисдикции Трибунала. Здесь сформулирован также ряд принципов, определяющих условия и порядок привлечения к ответственности за эти преступления.

Генеральная Ассамблея ООН в единогласно принятой 11 декабря 1946 г. резолюции № 95(I) решила: «Генеральная Ассамблея... *подтверждает* принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедшие выражение в приговоре Трибунала». Таким образом, высокоавторитетным международным документом (хотя и не имеющим обязательной юридической силы) было признано, что эти принципы применимы не только к гражданам стран, потерпевших поражение во Второй мировой войне. Однако в этой резолюции не было точной формулировки «Нюрнбергских принципов». Ссылка на Устав Трибунала недостаточна, во-первых, потому, что остается неясным, какие именно положения Устава относятся к числу подтвержденных Ассамблеей принципов. Во-вторых, не случайно в резолюции сделана ссылка не только на Устав Трибунала, но и на его приговор: ведь при вынесении приговора Трибунал определенным образом истолковывал Устав, и это высокоавторитетное толкование должно учитываться при ссылке на заложенные в Уставе принципы. Но приговор – весьма обширный документ, и найти, как истолкован в нем тот или иной принцип, не очень легко.

Поэтому Генеральная Ассамблея ООН резолюцией № 177(II) от 21 ноября 1947 г. поручила Комиссии международного права сформулировать эти принципы, а затем подготовить проект Кодекса правонарушений против мира и безопасности человечества. Комиссия международного права сформулировала семь принципов, которые, по мнению Комиссии, признаны в Уставе и приговоре Нюрнбергского трибунала. Резолюцией № 488(V) от 12 декабря 1950 г. Генеральная Ассамблея пригласила правительства всех государств-членов представить свои замечания об этой формулировке и просила Комиссию международного права при дальнейшей работе над упомянутым Кодексом принять во внимание те замечания, которые могут поступить. Такой кодекс, к сожалению, до сих пор не подготовлен. Формулировка, представленная в

1950 г. Комиссией международного права, остается, по-видимому, наиболее авторитетным изложением «Нюрнбергских принципов». Советские авторы тщательно избегают даже упоминания о наличии этого документа. Это дает основание предположить, что советское правительство не считало эту формулировку удовлетворительной.

Конечно, ныне при ссылке на «Нюрнбергские принципы» следует учитывать развитие международного права за последующие десятилетия. Тем не менее я полагаю, что они не потеряли своей актуальности. Приведу с некоторыми сокращениями текст «Нюрнбергских принципов».

Принцип 1. Каждое лицо, совершившее деяние, представляющее собой преступление по международному праву, ответственно за это и должно понести наказание.

Принцип II. Тот факт, что международным правом не определена мера наказания за деяние, являющееся преступлением по международному праву, не освобождает лицо, совершившее это деяние, от ответственности по международному праву. (Принципы I и II неявно следуют из Устава Трибунала, а в явной форме содержатся в Приговоре.)

Принцип III в основном повторяет ст. 7 Устава Трибунала и устанавливает, что тот факт, что лицо действовало «в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства, не освобождает его от ответственности по международному праву». (В Уставе к этому было добавлено: и не является основанием для смягчения наказания.)

Принцип IV. Тот факт, что лицо действовало по приказу своего правительства или вышестоящего должностного лица, не освобождает его от ответственности по международному праву, если для него был фактически возможен нравственный выбор. (Этот принцип в основном следует статье 8 Устава, но условия насчет возможности нравственного выбора в Уставе нет, оно заимствовано из приговора; с другой стороны, в Уставе было еще добавлено, что факт действия по приказу «может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия».)

Принцип V (заимствован из приговора). Любое лицо, обвиненное в преступлении по международному праву, имеет право на справедливый процесс как в отношении установления фактов, так и в отношении их юридической оценки.

Принцип VI (в основном воспроизводит часть 2 статьи VI Устава). Перечисленные ниже деяния подлежат наказанию в качестве преступлений по международному праву:

а) преступления против мира: 1. планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений и заверений; 2. участие в общем плане или заговоре, направленном на осуществление любого из деяний, перечисленных в подпункте 1;

б) военные преступления: нарушения законов и обычаев войны, включая (но не ограничиваясь этим) убийства, истязания или депортацию на рабский труд или для любой другой цели гражданского населения оккупированных территорий..., убийства или истязания военнопленных..., убийства заложников, разграбление государственной или частной собственности, бесмысленное разрушение городов и деревень, не оправданное военной необходимостью опустошение;

в) преступления против человечности: убийства, истребление, порабощение и другие бесчеловечные действия против любого гражданского населения, либо преследования по *политическим* (выделено мною. – *Э.О.*), расовым или религиозным основаниям, когда эти деяния совершались или такие преследования осуществлялись с целью осуществления или в связи с любым преступлением против мира или любым военным преступлением.

Принцип VII определяет, что соучастие в преступлениях, перечисленных в принципе VI, является преступлением по международному праву. (Этот принцип опирается на часть 3 статьи VI Устава, но значительно отличается от текста Устава, который предусматривал, что «руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или осуществлении общего плана или заговора, направленного на совершение любых преступлений против мира, любых военных преступлений или преступлений против человечности, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана».)

Отмечу, что деяния, перечисленные в пункте «преступления против человечности», в отличие от военных преступлений, рассматриваются как преступления по международному праву не только если они совершены на оккупированной территории, но и тогда, когда они совершены на собственной территории государства-нарушителя. Правда, имеется существенная оговорка: если такие действия не связаны с преступлениями против мира или с военными преступлениями, они не могут считаться преступлениями по международному праву. Однако представляется, что эта оговорка должна считаться утратившей силу полностью или в значительной степени. Если учесть положения документов Хельсинкского процесса, Всеобщую декларацию о правах человека, Конвенции о наказании за геноцид и апартеид и другие международно-правовые документы, защищающие права человека, можно сделать вывод, что преследования даже собственных граждан и даже вне связи с подготовкой или осуществлением агрессии являются не внутренним делом соответствующей страны, а преступлением по международному праву.

Важно подчеркнуть, что, как отметил Трибунал в приговоре, односторонний закон или указ страны-завоевателя о включении той или иной области в состав собственной территории не является основанием для лишения этой территории международно-правового статуса оккупированной территории, и все действия, которые считались бы военными преступлениями в случае их совершения на оккупированной территории, остаются военными преступлениями и в случае их совершения на такой аннексированной территории. Это означает, что, скажем, в случае суда над Саддамом Хусейном не будут приняты во внимание возможные его ссылки на то, что те или иные действия, совершенные в Кувейте, совершены на собственной территории Ирака. Что касается территорий, присоединенных к Советскому Союзу, они могут рассматриваться в международно-правовом отношении как собственная территория Советского Союза лишь после того, как эти присоединения были признаны международным сообществом и/или сопредельными государствами (независимо от того, был ли издан советский закон о присоединении соответствующей территории – как, например, в случае Западной Украины или Северной Буковины – или такого закона вовсе не было – как в случае Курильских островов). По моему мнению, любые массовые репрессии, депортации и т.п., осуществлявшиеся, скажем, на Западной Украине до вступления в силу советско-польского договора о границе или в Северной Буковине до вступления в силу мирного договора с Румынией, должны рассматриваться как военные преступления, подпадающие под действие Устава Нюрнбергского трибунала. То же относится к депортации японцев с Южного Сахалина и Курильских островов.

Какую организацию считать преступной?

Беспрецедентным новшеством как с точки зрения уголовного, так и с точки зрения международного права было содержащееся в Уставе Трибунала положение о возможности признания некоторой организации преступной. Конкретнее, Устав предусматривает (ст. 9 ч. 1 и ст. 10): «При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибу-

нал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией... Если трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавших Сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию». Таким образом, преступность тех организаций, которые Нюрнбергским трибуналом признаны преступными, считается бесспорно доказанной по меньшей мере в 23 странах (4 подписавших Устав и 19 присоединившихся к нему).

В связи с проблемой возможного суда над преступными (точнее, подозреваемыми в том, что они являются преступными) организациями в нашей стране, такими, как РСДРП/б/–РКП/б/–ВКП/б/–КПСС, ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ, следует отметить, что опыт Нюрнбергского трибунала не может быть использован в современных условиях без очень существенных изменений. Сейчас речь не идет о международном суде, а это ставит серьезные проблемы при подборе судей и обвинителей, которые сами не были бы, пусть в прошлом, подвержены тоталитарной идеологии.

Нюрнбергский трибунал обсуждал вопрос о преступности той или иной организации лишь в связи с вопросом об уголовной ответственности конкретных подсудимых – членов этой организации. Трибунал оценивал преступность организаций исходя только из действий, совершенных во время войны и притом в связи с войной. Единственным правовым последствием признания организации преступной явилась возможность привлечения к уголовной ответственности за одну лишь принадлежность к такой организации и недопустимость оспаривания преступного характера организации при рассмотрении уголовных дел в судах (запрет этих организаций был осуществлен ранее без всякого суда четырехсторонним документом от 20 сентября 1945 г., озаглавленным «Некоторые дополнительные требования к Германии и германскому народу. Обращение № 2»).

Ныне, когда заходит речь об объявлении той или иной организации преступной, часто имеют в виду создание правовых оснований для конфискации имущества этой организации. Однако и в этом отношении нюрнбергский прецедент мало чем может помочь: Устав Трибунала не предусматривал конфискации имущества преступных организаций, предусматривалась лишь (ст. 38) возможность вынесения решения о конфискации имущества осужденных, но Трибунал этой возможностью не воспользовался.

Очень непростым является вопрос о точном определении круга тех лиц, которые будут считаться членами преступной организации в случае, если какая-то организация будет признана преступной. Вот пример. Если такой суд состоится в нашей стране, то трудно сомневаться в том, что МГБ позднесталинского (1948–1952 гг.) периода и его предшественник, НКВД ежовского периода (1936–1938 гг.), будут признаны преступными организациями. Я назвал лишь периоды наиболее массовых незаконных репрессий, когда деятельность этих органов была столь одиозна, что, я полагаю, найдется очень мало людей, которые стали бы оспаривать преступный характер деятельности этих органов в названные периоды. Отсюда, казалось бы, следует вывод: все те, кто работал в органах в эти периоды, принадлежали к преступным организациям. Но так ли это? Оказывается, что кроме контрразведки, конвойных войск, лагерной охраны и т.п. в состав названных органов входили и другие, иногда довольно неожиданные подразделения. Так, в состав ежовского НКВД входили, например, органы по контролю за мерами и измерительными приборами; и, скажем, знаменитый ВНИИ метрологии им.Менделеева в Санкт-Петербурге, выросший из Главной палаты мер и весов, получил свое наименование и структуру, близкую к современной, по приказу,

подписанному Ежовым. А в состав МГБ начала 50-х гг. входила не только милиция, но и ЗАГС.

Казалось бы, в этом нет большой сложности: взять да исключить сотрудников этих подразделений из круга лиц, признанных членами преступной организации. Да, наверное, суд так и поступил бы. Но все это не так просто. Пожарную охрану, скажем, тоже исключить? И погранвойска? Но вот лагерная охрана: с одной стороны, я полагаю, очень многие охранники замешаны в преступлениях, с другой же стороны, на эту службу часто попадали не по доброй воле, а по призыву.

Если вернуться к метрологам и сотрудникам ЗАГСов, то исключить их из числа членов преступной организации можно лишь после тщательной проверки того, зачем понадобилось Ежову и Берия включить эти органы в состав «советской разведки» (как в торжественных случаях называли тогда НКВД–МГБ). Зачем, скажем, должностные лица архивных органов стали кадровыми сотрудниками госбезопасности и получили офицерские звания? Какое воздействие на функции этих безобидных учреждений оказало пребывание в составе репрессивных «органов»? А в том, что такое воздействие было, трудно сомневаться. Даже уже после смерти Сталина ЗАГСы занимались таким, мягко говоря, неблаговидным делом, как «исправление» книг регистрации рождений 20-х – 30-х гг., не только без согласия, но и без ведома заинтересованных лиц, которые узнавали об этом годы спустя и оказывались в трудном положении. По существу, это была массовая подделка документов. Указания по проведению этой операции были строжайше засекречены, и даже конкретные решения об исправлении той или иной записи тоже считались секретными. Вопреки цивилизованным правилам исправления ошибок, первоначальный текст заливался тушью так, чтобы его невозможно было прочесть.

Сказанное не означает, что я полностью исключаю возможность судебного рассмотрения вопроса о преступности тех или иных организаций в наших условиях. Для этого нужно было бы разработать новые юридические основы, отличающиеся от нюрнбергских, но с обязательным учетом опыта Нюрнберга.

Тем не менее – или именно поэтому – остается актуальным и весьма поучительным знакомство с фактами, относящимися к рассмотрению Нюрнбергским трибуналом вопроса о преступных организациях.

Осужденные и оправданные

Устав предусматривал, что сразу по получении обвинительного заключения, в котором ставится вопрос о признании той или иной организации преступной, Трибунал обязан как можно шире оповестить общественность, с тем чтобы каждый член такой организации мог обратиться в Трибунал с просьбой заслушать его показания о фактах, которые необходимо учесть при решении вопроса о преступности этой организации. Так и было сделано. Особое внимание было уделено тому, чтобы довести эту информацию до сведения военнопленных и арестованных. Поступили десятки тысяч таких просьб. Естественно, на заседаниях самого Трибунала могла быть заслушана лишь небольшая их доля; остальные обратившиеся были допрошены адвокатами вместе с представителями обвинителей на заседаниях назначенной Трибуналом четырехсторонней комиссии уполномоченных. Трибуналу были представлены доклады, резюмирующие эти показания. Каждая преступная организация, как и каждый подсудимый, имела одного или нескольких защитников. Защитники имели право отбирать нужные, по их мнению, для защиты документы и представлять их Трибуналу.

Законом № 10 Контрольного Совета в Германии был определен порядок создания в отдельных оккупационных зонах военных трибуналов для суда над военными преступниками. Этим законом определен перечень деяний,

рассматриваемых как преступные: преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности (эти последние определены шире, чем в Уставе Нюрнбергского трибунала), а также, в качестве самостоятельного преступления, принадлежность к организации или группе, признанной преступной решением Международного военного трибунала. В законе перечислены и возможные меры наказания: от смертной казни до штрафа; предусмотрена также конфискация имущества.

Какие же организации обвинение просило признать преступными в Нюрнберге? Какие из них Трибунал признал преступными, а какие не признал, и почему?

Были признаны преступными три организации:

1. Руководящий состав нацистской партии.
2. Гестапо и СД.
3. СС.

В отношении трех организаций Трибунал не согласился с требованием обвинителей и отказался признать их преступными организациями. Это:

1. Штурмовики (СА).
2. Имперское правительство.
3. Генштаб и верховное командование вооруженных сил (ОКВ).

Член Трибунала от СССР в своем «Особом мнении» выразил протест против отказа в признании преступными организациями имперского правительства, а также генштаба и ОКВ. Что касается отказа в признании штурмовиков преступной организацией, то вопреки нередким утверждениям советской печати, протестов по этому поводу с советской стороны – и ни с какой другой – не было.

Сначала более подробно об «оправданных» организациях.

1. Штурмовики (СА), то есть «Штурмовые отряды Германской национально-социалистической рабочей партии»[1] (по-немецки: «Sturmabteilungen», SA). Эти отряды, созданные в 1921 г., представляли собой, если выражаться по-современному, «военное крыло» нацистской партии. Это были вооруженные банды, убивавшие политических противников и пролагавшие Гитлеру путь к власти.[2]

После расправы Гитлера 30 июня 1934 г. с руководителями штурмовиков (которые вроде бы были недовольны тем, что Гитлер не торопится выполнять многие из обещаний, заложенных в программе партии), политическое влияние организации резко уменьшилось, а численность сократилась с четырех с половиной до полутора миллионов членов. После этого штурмовики занимались военной подготовкой населения (выполняя функции, аналогичные нашему Осоавиахиму или ДОСААФ), а также использовались в качестве вспомогательных полицейских и охранных войск на оккупированных территориях.

Трибунал признал, что злодеяния, совершавшиеся штурмовиками до 1934 г., невозможно связать с конкретными планами агрессивной войны, и потому они не подпадают под юрисдикцию Трибунала. Во время войны многие части СА совершали преступления, но, по мнению Трибунала, нельзя ска-

---

1 Официальный (согласно БСЭ) советский перевод названия партии (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei) – Национал-социалистская рабочая партия Германии. Очевидно стремление по мере возможности избежать законных ассоциаций с социализмом. – *Ред.*

2 В 30-е годы аббревиатура «СА» часто встречалась в советской печати как обозначение едва ли не самой одиозной организации, и потому я (полагаю, и многие) испытал некоторый шок в 1946 г., когда эта же аббревиатура стала использоваться для обозначения Советской Армии, а позже появилась и на погонах солдат. Аналогичный случай произошел незадолго до войны, когда был издан указ, согласно которому на обороте медали «Золотая Звезда» Героев Советского Союза было предписано делать надпись «Герой СС»; не знаю уж, был ли это недосмотр или сознательный жест в сторону Гитлера, но только в указ была внесена поправка, и надпись была изменена. А вот аббревиатура «СА» на погонах сохраняется до сих пор. Неясно, изменят ли ее с образованием СНГ. – *Авт.*

зать, что в общей массе члены СА участвовали в преступлениях или хотя бы знали о них.

2. Имперское правительство. Обвинители отнесли к этой организации всех лиц, которые после 30 января 1933 г. (когда Гитлер был назначен рейхсканцлером, то есть главой правительства) были членами хотя бы одного из трех органов: кабинета министров, совета министров по обороне империи, тайного совета. Эти три органа рассматривались совместно, так как их состав в очень значительной мере совпадал, а функции не были четко разграничены. Роль членов правительства в совершении преступлений очевидна. Однако Трибунал признал, что ни один из этих органов практически не существовал как организация: кабинет министров не собирался ни разу с 1937 г., а тайный совет вообще не собирался никогда. Гитлер обсуждал свои преступные планы с отдельными членами правительства, но никогда выработкой этих планов не занималось правительство как таковое. Кроме того, в приговоре Трибунала отмечено, что смысл объявления организации преступной в том, чтобы упростить и ускорить привлечение к уголовной ответственности членов этой организации. Членами же правительства (всех трех органов) были в 1933–45 гг. всего 48 человек, из которых восьми уже нет в живых, а 17 являются подсудимыми по настоящему делу (кстати, двое из них – Шахт и фон Папен – оправданы). Остальные 23 человека, даже если все они виновны, нетрудно судить в индивидуальном порядке.

3. Генеральный штаб и верховное командование вооруженных сил. Таково официальное наименование этой группы в обвинительном заключении и в приговоре. Но оно, пожалуй, вводит в заблуждение, ибо генеральный штаб тут ни при чем. К «генеральному штабу» обвинители отнесли командующих армиями, армейскими группами (соответствуют фронтам в наших вооруженных силах) и флотами, главнокомандующих тремя видами вооруженных сил (армией, военно-воздушными силами, военно-морским флотом), начальников штабов этих трех видов вооруженных сил, а также трех человек в верховном командовании вооруженных сил (ОКВ: Oberkommando der Wehrmacht, OKW) – его руководителя Кейтеля, начальника оперативного отдела Йодля и его заместителя Варлимонта (ОКВ выполняло роль штаба при верховном главнокомандующем – Гитлере). Все эти должности занимали в 1938–45 гг. 130 человек, из которых многих к тому времени уже не было в живых. Их также, по мнению Трибунала, без труда можно было судить в индивидуальном порядке. Еще важнее – отмечается в приговоре – то, что эти люди вообще не составляли ни организацию, ни группу. Если командира корпуса назначали командующим армией, то он понимал, что получил повышение по службе, но никак не считал, что вступает тем самым в некую организацию или группу. Отказав в признании «генштаба и ОКВ» преступной «группой или организацией», Трибунал вместе с тем указал в приговоре, что эти люди опозорили профессию воина и те из них, кто совершил преступление, должны быть преданы суду и понести наказание.

Перехожу к организациям, признанным преступными.

1. Руководящий состав Германской национально-социалистической рабочей партии (чаще именовавшийся на процессе «корпусом политических руководителей»). Отмечу, что нацистская партия в целом в Нюрнберге не обвинялась.

Защита пыталась доказать, что многие руководящие партработники не знали о совершавшихся преступлениях, верили заявлениям Гитлера о стремлении к миру, о хороших условиях в концлагерях и т.п., а те из партработников, кто лично совершал преступления, делал это либо в индивидуальном порядке, либо в качестве лица, занимающего тот или иной государственный пост, но не в качестве именно партработника. Однако Трибунал не счел эти доводы убедительными. Существовали специальные закрытые периодические издания, доступные только руководящим партработникам, в которых, хотя и не с полной откровенностью, но все же гораздо откровеннее, чем в открытой

печати, рассказывалось о преступных целях и преступных методах партии. Именно через партийный аппарат «спускались» указания о проведении таких явно преступных действий, как еврейские погромы, линчевание летчиков с вражеских самолетов, спасшихся на парашютах, выявление тех, кто голосовал «против» при тайном голосовании, распределение подневольной рабочей силы и др. Причем в большинстве случаев схема была такая: письменный секретный приказ спускался только до Gau (области) или иногда до Kreis (района), нижестоящим партработникам о приказе сообщалось устно, показывать его запрещалось. В разговоре с рядовыми членами партии и с населением о подобных приказах категорически запрещалось даже упоминать, а надо было говорить примерно так: ребята, если вы люди сознательные, то должны понимать – как же можно сдерживать справедливый гнев народа и т.д. Во время войны территориальные партийные руководители получили полномочия приказывать государственным органам в качестве имперских комиссаров обороны (нечто аналогичное нашем председателям Комитетов обороны) или имперских наместников (Reichsstatthalter) и повсеместно организовывали и руководили такими действиями, которые Трибунал признал преступными.

Поэтому Трибунал согласился с требованием обвинителей и признал руководящий состав нацистской партии преступной организацией. К числу членов этой преступной организации Трибунал отнес: фюрера (вождя), то есть Гитлера; рейхслейтеров (Reichsleiter – этот высший партийный ранг был чем-то средним между нашим членом политбюро и секретарем ЦК); гаулейтеров (Gauleiter – примерно соответствует нашему первому секретарю обкома; в партии был 41 гаулейтер – эта цифра, как и приводимые ниже, относится к 1939 г.); крейслейтеры (Kreisleiter – примерно соответствует нашему первому секретарю райкома; их было в Германии 808); гауптамтслейтеры (Hauptamtsleiter) и амтслейтеры (Amtsleiter) в аппарате рейхслейтунга (Reichsleitung) и крейслейтунгов (Kreisleitung) примерно соответствуют заведующим управлениями и отделами ЦК, обкомов и райкомов.

Все названные партработники были штатными работниками партаппарата и получали от партии зарплату. Нижние ступени партийной иерархии часто занимали люди, работавшие «на общественных началах». Тем не менее Трибунал отнес к членам преступной организации также ортсгруппенлейтеров (Ortsgruppenleiter – руководитель низовой территориальной парторганизации; их было 28376), целленлейтеров (Zellenleiter) и блоклейтеров (Blockleiter) – они примерно соответствуют нашим партгруппоргам. Целленлейтеров было около 89 тысяч, каждому подчинялось от 4 до 8 блоклейтеров, а блоклейтеров было 463 тысячи, каждый курировал от 40 до 60 семей. Обвинение сняло свое первоначальное предложение о включении в состав членов преступной организации также помощников блоклейтеров и целленлейтеров и сотрудников аппарата ортсгруппенлейтеров. Общая численность организации, признанной преступной, – около 600 тыс. человек. Поскольку, как сказано выше, Трибунал признал себя компетентным рассматривать лишь те преступления, которые связаны с войной, он постановил, что не будет считаться членом преступной организации тот, кто не занимал руководящих партийных постов после 1 сентября 1939 г.

К числу специальных подразделений партии относились штурмовики (СА), СС, СД. Вопрос о них рассматривался отдельно. Под руководством партии действовали организация: «Гитлеровская молодежь» (Hitler-Jugend – гитлерюгенд), национально-социалистические организации студентов, женщин, врачей, преподавателей и многие другие. Вопрос о преступности этих организаций или хотя бы их руководящего состава в Нюрнберге не поднимался.

2. Государственная тайная полиция (Geheime Staatspolizei – общепринятое сокращение: гестапо) и Служба безопасности рейхсфюрера СС (Sicherheitsdienst, SD). Хотя гестапо – это государственная организация, а СД – партийная, с июня 1936 г. они имели общего начальника (Гейдриха), а с сентября

1939 г. были объединены в одно административное целое – главное имперское управление безопасности, Reichssicherheitshauptamt (РСХА), куда, однако, была, кроме того, включена также и уголовная полиция.

Трибунал признал преступной организацию «гестапо и СД» и пояснил, что он относит к сотрудникам гестапо всех оперативных и административных работников IV управления РСХА (управления гестапо) и тех, кто занимался вопросами, связанными с гестапо, из числа сотрудников I и II (административных) управлений РСХА, а также всех сотрудников местных органов гестапо в Германии и за ее пределами. К числу членов этой преступной организации Трибунал отнес и сотрудников подчиненной гестапо пограничной полиции. Членами преступной организации СД Трибунал признал сотрудников III, VI и VII управлений РСХА (соответственно: СД внутри Германии, СД вне Германии, идеологические вопросы).

Сотрудники IV управления РСХА (уголовная полиция), по приговору Трибунала, не считаются членами преступной организации. Не считаются также членами преступной организации и те, кто выполнял в гестапо лишь рутинную канцелярскую, стенографическую или хозяйственную работу. В отличие от пограничной полиции, не считаются членами преступной организации сотрудники пограничной таможенной охраны (Grenzzollschutz), входившей в состав гестапо с лета 1944 г. до начала 1945 г. Тайную полевую полицию (Geheime Feldpolizei, GFP), то есть военную контрразведку, которую в советской художественной и публицистической литературе постоянно отождествляют с гестапо, Трибунал, после тщательного изучения доказательств, не признал частью гестапо и не включил ее сотрудников в число членов преступной организации. По причинам, изложенным выше, Трибунал исключил из числа членов преступной организации тех, кто не занимал постов ни в одном из упомянутых учреждений после 1 сентября 1939 г. Трибунал оговорил также, что не должен считаться членом преступной организации тот, кто до самого конца своей работы там не знал, что она используется для совершения преступлений.

3. Охранные отряды Германской национально-социалистической рабочей партии – СС (Schutzstaffeln, SS). Трибунал отнес к членам этой преступной организации всех, кто был официально принят в члены СС, включая «общие СС» (Allgemeine SS), войска СС (Waffen-SS), соединения СС «Мертвая голова» (SS-Totenkopfverbände), а также тех сотрудников любых полицейских органов, которые являлись членами СС. «Служба безопасности рейхсфюрера СС» (SD) отнесена Трибуналом к другой преступной организации – гестапо. Не отнесены, согласно приговору Трибунала, к членам преступной организации те, кто состоял в конноспортивных соединениях СС (иногда именуемых кавалерийскими), согласившись с доводами защиты, что эти соединения или союзы были включены в состав СА и СС без ведома их членов, причем какие союзы вошли в СА, а какие – в СС, зависело от породы лошадей; отказ от перехода в СА или СС (такие случаи были единичными) влек за собою исключение из союза и запрещение участвовать в официальных соревнованиях. Трибунал признал также, что эти конноспортивные соединения не участвовали в деятельности остальных ветвей СС и не получали почти никакой информации о ней.

Поскольку, начиная с 1940 г., все чаще бывали случаи направления для прохождения службы в войска СС призывников, набранных по мобилизации (к концу войны около одной трети всех солдат войск СС составляли те, кто попал туда по мобилизации), Трибунал разъяснил, что он не относит к числу членов преступной организации тех, кто был призван в войска СС государственными органами, причем так, что у них не было права выбора.

Трибунал исключил также из числа членов преступной организации тех, кто не состоял в перечисленных выше организациях после 1 сентября 1939 г.

* * *

Моя цель была показать, как сложно выделить в запутанных (порой, похоже, умышленно запутанных) и в значительной степени засекреченных структурах «национально-социалистического» государства те органы и организации, которые заведомо являются преступными, и отделить их от непреступных. Я допускаю даже, что несмотря на все усилия, Трибунал не во всех деталях до конца разобрался и допустил те или иные ошибки. Возможно, историки в чем-то со временем уточнят выводы Трибунала, а может быть, уже и уточнили, только я об этом не знаю. (Имеющаяся на Западе литература с анализом, а частично и с критикой приговора Нюрнбергского трибунала в нашей стране трудно доступна, а чаще – вовсе недоступна).

Главный вывод из изучения материалов Нюрнбергского трибунала, однако, ясен и однозначен: в тоталитарном государстве как партаппарат, так и политическая полиция несомненно являются преступными организациями, и все аргументы обвинения, выдвигавшиеся в доказательство этого в Нюрнберге, с очень небольшими изменениями применимы и к нашей стране.

С этой точки зрения предложение Верховного Совета Литовской республики от 24 апреля 1991 г. о создании в Вильнюсе постоянно действующего международного трибунала для суда «над большевизмом и реализаторами его доктрин» заслуживает благожелательного рассмотрения.

Однако предложение в такой формулировке вызывает много вопросов. Наряду с указанными выше трудностями, можно спросить: предлагается ли суд только над здравствующими «реализаторами» или также и над теми, кого нет в живых? Если только над здравствующими, то вряд ли такой процесс даст картину «большевизма» в целом. А если над всеми, то это нечто новое в мировой юридической практике и возможности защиты в подобном процессе были бы весьма ограничены, а значит – ограничены и возможности суда по установлению объективной истины.

Можно согласиться с содержащейся в заявлении Верховного Совета Литвы констатацией: «Терпящий крах тоталитарный коммунистический режим... оставляет после себя мрачное преступное наследие, все еще представляющее опасность для людей, народов и демократии». Можно согласиться и с требованием Верховного Совета Литвы: «Большевизм должен быть изучен, оценен и заклеймен, чтобы не допустить его повторения в любой форме». Однако представляется, что суд над идеологической доктриной – в отличие от суда над лицами и даже над организациями – не может быть чисто юридическим актом и не может иметь последствием запрет высказывания тех или иных идей.

●

«МЕРЫ ПО РАЗДРОБЛЕНИЮ И РАЗВАЛУ»

Как уже известно читателям, в помещении Главного управления Министерства государственной безопасности ГДР (Штази) было обнаружено 6 миллионов дел на граждан бывшего «первого социалистического государства на немецкой земле». Принятый недавно в Германии закон разрешает каждому, кто подвергался преследованиям или имел основания предполагать, что за ним следили, ознакомиться со своим делом, узнать, кто на него доносил и т.д. Среди лиц, пожелавших воспользоваться этим законом, – Вольф Бирман, эмигрант из Восточной Германии, писатель, поэт и певец, любимый народом; известность Бирмана в Германии можно сравнить с популярностью Высоцкого или Галича в нашей стране.

Выяснилось, что за Бирманом, удостоенным почетного титула «государственного врага ГДР», следило 70 стукачей. Его досье занимает 40 тысяч страниц – более ста папок. Мы помещаем «план деструктивных мероприятий» Штази против госврага Вольфа Бирмана, извлеченный из его дела и опубликованный Бирманом в журнале «Der Spiegel». Обратите внимание на слог этого документа.

1. Меры по воспрепятствованию и пресечению враждебной политико-идеологической деятельности или распространению таковой.

а) В оперрегионе (то есть в Федеративной республике. – *Ред.*):

ввести в действие подходящего секретного сотрудника – журналиста для опорочивания Бирмана (публикации и т.п. в прессе либо в других средствах массовой информации, искажающие смысл высказываний Б.);

вызвать через посредство секретного сотрудника конфликты между издателями сочинений Б.; нарушить систему связи (фиктивные рекламные объявления под контролем HA-VI) (6-й отдел Главного управления Штази. – *Ред.*);

запрещение на выезд (по указанию HA-VI).

б) В ГДР:

стимулирующие договора с целью введения в действие издательско-правовых мероприятий (невыдача лицензии издательствам оперрегиона и т.д.);

похищение рукописей и приведение в негодность вспомогательных механических средств (ломать магнитофоны и др. приборы, делая их функционально непригодными путем не распознаваемых сразу вмешательств; засвечивать пленки, стирать ленты);

распространение фальсифицирующих искажений, подражающих текстам и музыке Б.

2. Меры по раздроблению и развалу круга связей и приверженцев Б., а также собственной его личности:

фиктивные рекламные оповещения;

дезинформация, вносимая с целью создания противоречий;

внушение подозрений в отношении отдельных лиц в их сотрудничестве с Министерством госбезопасности (может быть применено также и в отношении собственной личности Б.);

целенаправленные общественные высказывания со стороны отобранных лиц;

нарушение системы коммуникаций (частые изменения номеров телефонов; вызывание аварий в системах связи – напр., когда планируются важные встречи);

задержания (создание условий, ведущих к криминальным поступкам), напр., при наличии нетрезвого состояния за рулем;

организовывать выступления «оппонентов» при совместных встречах;

постоянные идеологические расхождения, в дозированных количествах, чтобы он сам начал сомневаться;

целенаправленное привлечение к воинской службе.

3. Меры по созданию психических нагрузок:

разрушение образа личности Б. путем негативного воздействия на его жизненные привычки, напр., побуждение к злоупотреблению алкоголем;

побуждение к сексуальным излишествам (несовершеннолетние; испробовать и привести в действие возможность через К.);

существующие любовные отношения разрушить;

ложное врачебное обслуживание;

повреждение личной собственности: автомобиля, лодки, места проведения воскресного отдыха и т.д.;

пресечь определенные выгоды: аннулировать на правовой основе чеки на приобретение иностранной валюты, аннулировать пользование гаражом;

мероприятия против семейных родственников, напр., у живущих за границей чаще устраивать «осмотры» (тайные обыски) по указанию HA-VI;

анонимные телефонные звонки.

4. Меры по разлагающему манипулированию встречами, мероприятиями и т.д.

Основные меры:

постоянная наступательная аргументация со стороны способных и политически высокообразованных сил, правдоподобно и понятно опровергающих ложность противоаргументов;

целенаправленная политическая работа посредством противомероприятий, воздействие на устроителей;

целенаправленные меры со стороны госаппарата;

целенаправленная перегруппировка негативных сил посредством легенд и оперативных комбинаций, направленных на конкретных лиц: путем высказываний в государственных инстанциях; путем «похвал» с целью вызвать ненависть у друзей (внесение раздора, отдаление друг от друга); путем партийных поручений определенным лицам с целью обязать их помещать целесообразные публикации в партийной прессе. ●

Клаус-Дитмар ХЕНКЕ, Ганс ВОЛЛЕР
(Мюнхен)

ОГЛЯНИСЬ НА ДОМ СВОЙ

РАСЧЕТ С ВОСТОЧНОГЕРМАНСКИМ ПРОШЛЫМ. ЭТО БЫЛ ПРЕСТУПНЫЙ РЕЖИМ. ЧТО ДЕЛАТЬ С БЫВШИМИ БОНЗАМИ? СО ВСЕМИ, КТО ПОДПЕВАЛ РЕЖИМУ И КОРМИЛСЯ ИЗ ЕГО РУК? СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ФАШИЗМОМ И КОММУНИЗМОМ. НАДО ЛИ ПОВТОРИТЬ ПОСЛЕВОЕННЫЕ СУДЫ И ЧИСТКИ? И ДА, И НЕТ.

В печати появилось следующее сообщение: на будущей неделе в Панкове (Восточный Берлин) открывается судебный процесс по делу бывшего первого секретаря партии и председателя Государственного совета ГДР Эриха Хонеккера, бывшего шефа государственной безопасности Эриха Милке, бывшего молодежного лидера Эгона Кренца и «остальных товарищей». Названные лица обвиняются в «преступлениях против человечности, создании преступных организаций и заговоре против будущего»: нельзя допустить, добавляет корреспондент, чтобы в Германии во второй раз после 1945 года был сведен на нет расчет с прошлым.

Последовательность и жесткость в этом вопросе демонстрирует и правительство земли Саксония, объявившее о том, что по политическим причинам будет уволено с работы несколько тысяч школьных учителей. Наконец, третье сообщение о расчете с наследием государственного социализма касается профессора общественных наук Лейпцигского университета Манфреда Хабаха, который добровольно оставил занимаемую им кафедру. Хабах объяснил, что как ученый он восхвалял и оправдывал преступное государство, а теперь, когда это государство рухнуло, он не может внушать своим студентам противоположные взгляды, не рискуя потерять доверие...

Сразу скажем, что из трех «сообщений прессы» два нами выдуманы. Что же не ладится с «преодолением прошлого» и политическим оздоровлением в Восточной Германии? Когда после войны встал вопрос о наказании фашистов и коллаборантов, Европа оказалась перед задачей аналогичного масштаба. Может ли опыт тех лет быть полезен перед лицом нынешнего вызова? В чем состоит урок истории?

Попытаемся уточнить реальные исторические параллели между 1945 и 1992 годами.

Издревле государственные и общественные перевороты сопровождаются политическими чистками. В 1945 году, однако, этот феномен принял совершенно особый облик. Это случилось не только потому, что со времен Французской революции политическая активность стала уделом огромного множества людей по сравнению с эпохами, когда управление государством и ведение войн было чем-то наподобие частного или даже семейного предприятия. Расчет с фашизмом и его пособниками принял столь внушительные масштабы, ибо неслыханными были совершенные злодеяния: речь шла о миллионах уничтоженных людей, о том, что фашистская Италия и особенно национал-социалистическая Германия установили режим террора и опустошений во многих странах Европы, совершив при этом «преступления против человечности» (Карл Ясперс) с небывалым доселе размахом. *Внутренние враги* нацизма и фашизма, непосредственные свидетели двух диктатур и сотрудничавших с ними регионов, испытывали естественную потребность рассчитаться с ними. *Внешние враги* германо-итальянской «оси» убедились, что обычные средства сдерживания агрессии и экспансионизма, с которым

они в данном случае столкнулись, недостаточны. Все были едины в том, что на этот новый и неслыханный вызов нужно ответить по-новому: новой формой генерального расчета и генерального предупреждения.

Эта потребность, однако, не всюду была удовлетворена в равной степени. В разных странах процесс очищения протекал по-разному и с разной интенсивностью. Необходимость свести счеты с прошлым сама по себе была неодинаковой в разных странах; она измерялась остротой конфликтов, вызванных приходом к власти фашизма и национал-социализма, степенью подчинения их господству, криминальной энергией, которою были заряжены диктатуры в разных странах, наконец, не в последнюю очередь она, эта потребность рассчитаться с негодяями, зависела от того, был ли данный режим сокрушен только внешними силами антигитлеровской военной коалиции или его конец был ускорен сопротивлением изнутри, в кровавых партизанских или гражданских битвах.

С другой стороны, процесс очищения был связан с целевыми установками держав-победительниц, а установки эти тоже отнюдь не были однородны. И еще одно: очищение в сильнейшей степени зависело от идеологического характера и реальной силы той внутренней оппозиции, что пришла к власти в разных странах в 1943–45 годах. В Германии и Италии, где диктаторские режимы долгое время пользовались широкой поддержкой населения, новая власть столкнулась с особыми трудностями. Морально и «перед лицом истории» она была права, тем не менее преобразовать эту легитимацию в политическую силу было непростым делом; а не обладая силой, невозможно было осуществить радикальную чистку. Зато в бывших оккупированных странах успели сформироваться движения сопротивления, на их стороне были симпатии народа, чистка и наказание преступников рассматривались ими как главная задача.

Итак, расплата с фашизмом и его пособниками представляла собой весьма многоликий процесс. Мы можем выделить четыре основных формы этого процесса, которые воспроизводятся и сегодня.

Первая – это *«дикая» чистка*, то, что происходило, к примеру, во Франции, в Северной Италии или на Балканах. В 1944–45 гг. в этих районах Европы завершилось, можно сказать, сразу три войны: Вторая мировая война, гражданская война между фашистами и их противниками и, наконец, классовая война представителей пролетариата и мелкого крестьянства против состоятельных буржуа и крупных аграриев. В этой тройной войне нашла свой выход стихийная жажда расплаты; соединившись с волей к насильственному классовому перевороту, впитав в себя разнообразные криминальные силы, она вылилась в неуправляемую волну возмездия. Особенно разбушевалась эта ярость в Югославии, где освобождение от немецких оккупантов и кровавого режима хорватских усташей приняло форму жестокого и слепого террора. Этот террор унес более 60 000 человеческих жизней – людей, казненных без суда или сброшенных в карстовые ямы.

Вторая форма – *юридическая чистка*, то есть судебное преследование на основе действующего уголовного права. Эта форма стала основным инструментом расчета в первую очередь там, где сохранились остатки правоэкстремистского движения, в свое время использованного немецкими оккупантами для вербовки коллаборационистов, – иначе говоря, в тех странах, где круг скомпрометировавших себя лиц был относительно четко очерчен и обозрим. Так было в Голландии, в Норвегии: все или почти все бывшие участники «национал-социалистического движения» («Nationaal-Socialistische Beweging), возглавляемого «вождем нидерландского народа» Антоном Муссертом, или норвежского «национального собрания» (Nacjonal Samling) под началом Видкуна Квислинга, вообще все лица, так или иначе сотрудничавшие с оккупа-

ционной властью, были привлечены к суду и наказаны. Муссерт и Квислинг были казнены.

С точки зрения морали судебно-правовое преследование пособников преступного режима здесь, как и в других странах, было едва ли чем-то большим, чем соскребывание поверхностного слоя с громады исторической вины. Между преступлением и наказанием разверзлась широкая расщелина, закрыть которую не удалось даже ценой того, что новая элита поступилась основным принципом западной юриспруденции nulla poena sine lege (преступление не квалифицируется как преступление, если оно не предусмотрено статьей закона) и приняла новые законы, придав им обратную силу. Пределы наказуемости за государственные преступления нового типа постоянно сужались, разве что за исключением стран, угодивших из огня да в полымя, из одного тоталитарного правления в другое.

Бюрократическая чистка – третья форма расчета с прошлым – отвечала прежде всего стремлению новой элиты отстранить всякого, кто не мог найти общий язык с основными принципами нового, послетоталитарного общественно-государственного строя. Эта форма возобладала в первую очередь в Германии и Италии. Нигде идеологическое заражение не было столь велико, нигде не был столь многочисленным круг людей с отягощенным прошлым. В странах – родоначальницах нацизма и фашизма задача правосудия – отделить агнцев от козлищ – оказалась поистине непомерной. Были созданы квазиюридические судебные палаты, своего рода аттестационные комиссии, которые должны были хотя бы процедить массу фактически или предположительно запятнавших себя граждан. Следствием этого была невероятная перегрузка аппарата чисток, который в конце концов выявлял не столько преступников, сколько пособников.

Как бы то ни было, общий расчет с прошлым и задача предупреждения чего-либо подобного в будущем стояли на Западе под знаком возрождения правового государства. Иначе обстояло дело на территориях, оказавшихся под контролем Красной Армии. Здесь – где раньше, где позже – была осуществлена четвертая форма: *инструментализированная политическая чистка*. Местные коммунистические партии, которыми дирижировала Москва, видели свою неотложную задачу в том, чтобы насадить в своих странах государственно-социалистическую модель общества по советскому образцу. При этом первоначальные мотивы чистки неуклонно отступали на задний план по мере того, как на первый план выдвигалась диктуемая идеологией решимость бросить тень подозрения в сотрудничестве с фашизмом на целые социальные группы и на этом основании лишить их власти и влияния. Так совершился переворот, который частично принял даже характер грубой этнической чистки. Упрек в сотрудничестве с немцами, в симпатиях к фашизму можно было чрезвычайно выгодно инструментализовать, превратив его в повод для вытеснения нежелательных меньшинств, например, немецкоязычного населения, которое принудили к массовому бегству из Восточной и Юго-Восточной Европы. Такого рода «антифашизм» не снился и самим антифашистам.

Особый, исключительный характер побежденных режимов и движений, с одной стороны, и не менее исключительная историческая ситуация, в которой был начат расчет с прошлым, – с другой, неизбежно привели к тому, что именно юридический и бюрократический варианты чистки натолкнулись на огромные препятствия. Начать хотя бы с колоссальных жизненных и житейских невзгод этого катастрофического времени, которые породили у многих бывших пособников низвергнутого режима чувство, что они уже и так достаточно наказаны за свои преступления или ошибки; не преодоление прошлого, а преодоление настоящего и обретение будущего – вот что казалось требованием дня.

Не менее серьезным препятствием было то, что внутренне присущая политической чистке угроза слишком глубоко вторгнуться в микроструктуру общества не могла не вызвать повсеместное сопротивление. То, что мы назвали бюрократической формой чистки, отнюдь не происходило анонимно. Здесь соседу предстояло обличать соседа, коллеги выступали в качестве свидетелей на суде против других коллег. И дело было не только в том, что судьи и обвинители не встречали в обществе достаточной поддержки, но и в том, что сами они чувствовали себя связанными множеством пут: ведь чаще всего они были знакомы с обвиняемыми многие годы, продолжали и после чистки жить рядом с ними; в недалеком прошлом эти обвиняемые и обвиненные были для них добропорядочными соседями и образцовыми отцами семейств. В этих условиях довольно быстро сформировался некий промежуточный, неопределенно-непроницаемый слой, с трудом допускающий сколько-нибудь радикальное вторжение в местную социальную структуру.

Препятствием – и одновременно катализатором – для чисток послужила холодная война, обострившая конфронтацию двух международных лагерей, которая западнее Железного занавеса поощряла тенденцию вглядываться не столько назад, в собственное прошлое, сколько в огород соседа, приковывала все внимание к репрессиям и преступлениям в странах «народной демократии» на востоке Европы. А там, за Железным занавесом, чистка испытала новый подъем. Теперь она могла настигнуть каждого, кто так или иначе противостоял сталинизму.

Вот так и получилось, что расчет с фашистами и их приспешниками, невзирая на его громадное морально-политическое значение, весьма быстро выродился в актуально-политическую злобу дня, – к ужасу и негодованию всех, кто надеялся, что зло уступит место добру с той же непреложной естественностью, с какой день приходит на смену ночи. Но колесо истории не стояло на месте, не существовало аполитичного пространства, в котором прошлое дало бы себя «преодолеть» по ту сторону всякой политики. Говоря проще, политическая чистка изначально несла на себе печать мучительного столкновения интересов.

Никто никогда не сможет оценить с достаточной точностью меру и эффективность произведенного в те годы расчета с фашизмом и коллаборационизмом, расчета, который несмотря на все трудности, все-таки настиг преступников и скомпрометировавших себя лиц. Можно привести следующие цифры. В результате «дикой» чистки – спонтанной расправы – лишились жизни 100 тыс. человек. В процессе юридической чистки было вынесено от 15 до 20 тыс. смертных приговоров. Сотни тысяч людей понесли другие наказания – от пожизненного тюремного заключения до денежного штрафа и запрета заниматься своей профессией. Значительно более широкий круг лиц, миллионы членов национал-социалистических и фашистских организаций, а также миллионы коллаборационистов, были вовлечены в бюрократический вариант чистки, подвергнуты чувствительным санкциям, поплатились карьерой, а то и просто лишились работы на долгие годы.

Не будучи в принципе чем-то новым в истории человечества, политическая чистка после Второй мировой войны по своему характеру и размаху была беспримерной. В этом смысле расплата была аналогична преступлению. Спору нет, усилия по очищению общества от скверны далеко не соответствовали тому, чего можно было бы ожидать, принимая во внимание совершенные злодеяния; они, эти усилия, далеко не соответствовали чаяниям борцов с режимом и еще менее – целям антигитлеровской коалиции. Многое из того, что диктовалось моралью и было политически возможным, не было реализовано; другие мероприятия остановились на полпути, едва натолкнувшись на сопротивление. Тем не менее было бы несправедливым и неуместным объявить послевоенную чистку попросту потерпевшей неудачу, как это делают те, кто, быть может, считает, что представления о желаемом и необхо-

димом, почерпнутые из абстрактных категорий морали и нравственной ответственности, сами по себе достаточны для того, чтобы вынести справедливое суждение; действуя так, мы не вышли бы за пределы приговоров in absentia (в отсутствие обвиняемых) и показательных процессов, пригодных разве что для учебников истории.

Девяносто второй год – не сорок пятый. При всем сходстве своих тоталитарных черт коммунизм и фашизм не подверстываются под одну рубрику, а лежащие в их основе идеологии и того меньше похожи друг на друга. Совершенно несопоставимы короткая история фашизма с его принудительным господством над Европой – и длившееся несколько поколений владычество коммунизма над собственным народом, а затем и остальной частью восточноевропейского блока, где в свою очередь воцарились коллаборационистские просоветские режимы. Если в 1945 году пламя социализма вспыхнуло чрезвычайно ярко, то в дальнейшем эта заржавленная волшебная лампа чадила и испускала все более тусклый свет, пока, наконец, не погасла окончательно на рубеже 90-х годов. Обе диктатуры испустили дух различным образом: полмира должно было подняться, чтобы поставить на колени агрессивные фашистские государства; Гитлер до последней минуты вел игру на уничтожение врага и самоуничтожение. Советская же система рухнула под собственной тяжестью, сама, так сказать, повернула историю, секуляризовав мировую коммунистическую религию.

Добавим, что в 1945-м кровавый след, оставленный национал-социалистами, фашистами и коллаборантами, след, протянувшийся по всему старому континенту, был еще совсем свежим, нужно было не мешкая схватить за руку опаснейших преступников против человечества вместе с их свитой. Тогда как великие преступления коммунизма были преимущественно преступлениями сталинской поры, сделались уже почти частью довольно далекого прошлого. Никто не станет всерьез пытаться непосредственно инкриминировать их верхушке восточноевропейских режимов 80-х годов, а тем более – давно утратившему коммунистическую веру «базису». Уже само по себе старание освободившихся от иллюзий, вдумчивых или хотя бы просто здравомыслящих коммунистов и гибких исполнителей нащупать собственный путь к более открытой системе, заставляет предстать в новом свете кое-что из того, за что они по справедливости должны были бы ответить.

Можно об этом сожалеть или не сожалеть, но потребность в расчете и возмездии сегодня далеко уже не такая жгучая, как тогда, в сорок пятом. Нет нужды в особо показательных примерах, долженствующих утолить народный гнев, и уж тем более нет никакого резона в беспорядочной самостийной чистке, какая имела место после войны, чистке, жертвами которой неизбежно пали, вместе с виновными, многочисленные заблудшие, а то и вовсе неповинные люди. Итак, необходима трезвость, необходимо хладнокровие для объяснения того, что было содеяно, с тем чтобы сбросить старый груз на Востоке, мешающий созиданию нового. Никто сегодня не сможет с той же обоснованностью, как в послевоенное время, утверждать, что промедление с расчетом грозит опасностью, – по крайней мере, никто в объединенной Германии.

Спору нет: слишком многие из тех, кто некогда задавал тон в ГДР и Восточной Европе, не понесли никакого ущерба, ораторствуют о правах и правовом государстве, делают из своей потерявшей смысл карьеры рыночный товар – либо восседают, ничтоже сумняшеся, невзирая на то, что они лишились всякого доверия, в тех же креслах, которые им давно следовало бы покинуть хотя бы ради уважения к самим себе. Вместе с тем нельзя не видеть, что в этом взбаламученном обществе утверждаются новые элиты, которые снимают со стен последние иконы почти повсеместно развенчанной государственной веры и стараются внедрить нормы демократического право-

сознания. Исчерпала себя не только идеология. Полностью обесценились и те мифы, которые когда-то способствовали плебисцитарной легитимации фашизма и коммунизма. Два эпохальных течения, потерпев жалкий крах, не только доказали свою бесперспективность, но и попросту опровергли сами себя.

Наконец, хладнокровие и трезвость необходимы и потому, что дебаты о «преодолении прошлого» проникнуты все тем же старым заблуждением, по смыслу которого всякому новому началу после катастрофы будто бы отказано в благословении, если не все соучаствуют в этом начинании с безупречно чистой совестью и просвещенным сознанием. Думая так, не замечают того факта, что наряду с требуемым есть еще насущно необходимое и первоочередное. Как и строительство дома, всякое новое начало требует, чтобы был заложен прочный фундамент, возведены стены и положена кровля, – другими словами, первым делом нужно внедрять в государственные институты и общественное сознание нормы демократии; эти нормы нужно закрепить; всякий, кто действует вопреки этим нормам, должен знать, что ему грозят весьма чувствительные санкции. Не менее важно добиться быстрого подъема экономики. Никакое государство, и уж во всяком случае государство, население которого в значительной части состоит из скомпрометированных лиц, не сможет одновременно с выполнением этих задач заниматься внутренней отделкой дома и наклейкой обоев. Лохмотья коричневого цвета довольно долго еще свисали со стен после 1945 года, что, однако, не поставило под угрозу все здание; точно так же и нам еще придется прожить какое-то время среди красных пятен Штази.

И все же это отнюдь не означает, что ссылаясь на исторический опыт, мы должны объявить политические чистки ненужным, не достигающим своей цели или даже вредным самобичеванием. Наоборот. Уважение к памяти жертв, доверие к деятельности государственных органов и основы нашего правопорядка настоятельно требуют обернуться назад. Не надо забывать и о том, что послетоталитарные общества черпают немалую долю своей морально-политической уверенности, своего обоснования и легитимности – в противопоставлении себя свергнутому режиму. Вот почему в расчете с прошлым дело идет не только, а может быть, и не в первую очередь о наказаниях и санкциях. Главное, чтобы суды и проверочные комиссии постарались со всей серьезностью вывести на свет преступления прошлого, разоблачить цинизм и коррупцию бонз, низость доносчиков, мелкую корысть прихлебателей; задача такого просвещения – оживить общественную совесть. Сотни тысяч людей в Западной Германии после 1945 года были вовлечены в этот процесс разбирательства – судебного следствия, которое общество ведет против самого себя. При этом удалось получить настолько четкое представление о сущности и зловещих свершениях нацистского государства, что с тех пор ни одному здравомыслящему человеку не могло прийти в голову оправдывать эту систему, не говоря уже о попытках возрождения хотя бы отдельных фрагментов идеологии этого государства.

Ясно, таким образом, что разгребание прошлого, обращенный назад ригоризм критических умов и сознающих свою ответственность политиков – это вовсе не любовь к склокам и ссорам, не морально-доктринерское самоутверждение за счет других. Бесконечные взаимные упреки и скандалы, все то, чем был устлан путь Федеративной республики и что будет нас сопровождать при вступлении в новое будущее, – совсем не обязательно признаки внутренней непрочности государства. Скорее подобные разоблачения свидетельствуют о бдительности общества и общественной чувствительности, возрастающей от раза к разу. Как и в сорок пятом году, скандальные разоблачения лишь повысят образование защитных антител в теле формирующегося общества. Чем больше их будет, тем лучше.●

Алваро ГУТЬЕРРЕС (Мехико)

МЕКСИКА. ДОЛЖНИК НОВОГО ТИПА

Еще шесть лет назад экономика Мексики находилась в столь же плачевном состоянии, как и в любой другой стране Латинской Америки. Столица страны сильно пострадала от землетрясения; цены на нефть – главный экспортный товар страны – падали; с огромным внешним долгом, казалось, не удастся расплатиться никогда. На этом фоне трудно было надеяться на успех экономических реформ, тем более что в управлении экономикой правительство в течение многих лет следовало латиноамериканской традиции «твердой руки». К тому же при президентах Луисе Эчеверриа и Хосе Лопесе Портильо, которые правили страной с 1970 по 1982 гг., расточительство и коррупция превзошли даже весьма впечатляющие региональные стандарты.

Однако в последние шесть лет от старых методов совершенно отказались. Экономика, которая в Мексике контролировалась государством в большей степени, чем где-либо в Латинской Америке, теперь стала одной из самых открытых. Мексиканское правительство, будучи прежде одним из самых расточительных, стало одним из самых бережливых. Президент Карлос Салинас де Гортари пытается модернизировать экономику путем либерализации (снятие правительственного контроля), приватизации собственности и изменения системы налогообложения. Бывший министр финансов Хесус Сильва Эрсог отмечает с некоторым сожалением, что теперь Мексика ставит на своих заклятых в прошлом врагов: частное предпринимательство и Соединенные Штаты.

Конечно, в настоящее время большинство мексиканцев неудовлетворены результатами реформ. За последние восемь лет реальная заработная плата снизилась, – теперь она едва составляет половину от той, что была в 1982 г. Около 30% населения находится за чертой бедности; примерно столько же, сколько в 1980 г. В нынешнем году экономический прирост составит 2–3%, что вдвое меньше, чем в 60–70 гг., а уровень инфляции приблизится к 30%. Это на 10% больше, чем в 1989 г. Торговый баланс пострадал из-за политики открытых дверей. В 1985 г. доход от внешней торговли составил 8 млрд. долларов. Сейчас, несмотря на сокращение добычи нефти в Персидском заливе, в Мексике ожидают дефицит торгового баланса.

Однако попытки преобразовать экономику нельзя считать неудавшимися. Вероятно, если бы в Мексике вообще не начали преобразований, то ее населению жилось бы гораздо хуже. Пожать плоды экономических преобразований страна сможет лишь через несколько лет. Экономический рост продолжится, зарплата увеличится. Конечно же, инфляция будет столь же высока, но ее, вероятно, можно будет обуздать. Главное же, правительство сейчас в состоянии заняться решением серьезнейших социальных проблем и восстановлением разрушенных инфраструктур. В середине 80-х гг. об этом нельзя было и думать.

Поворотный пункт

Курс на решительные преобразования в экономике был взят в 1985 г., когда тогдашний президент страны Мигель де ла Мадрид решил присоединиться к Генеральному соглашению о тарифах и торговле (ГАТТ) и таким образом открыть мексиканским предпринимателям дорогу на мировые рынки. Затем, в декабре 1987 г., после кризиса на мировой бирже, де ла Мадрид приступил к реализации плана борьбы с инфляцией, известного под названием Pacto. Этот план существенно отличался от аналогичных планов борьбы

с инфляцией, которые пытались проводить в жизнь другие латиноамериканские страны в 80-е годы.

Правительство сдержало свое обещание сократить государственные расходы. В 1986–87 гг. бюджетный дефицит составлял 16% ВВП, в 1988 г. он снизился до 12,3%, в 1989 г. – до 5,8%. В 1991 г., судя по прогнозам экспертов, дефицит составит 3% ВВП. Министр финансов Педро Аспе не без гордости заявил, что страна добилась сокращения дефицита в несколько раз большего, чем предусматривалось в США по закону Грэма-Рудмана.

В феврале 1988 г. после первой же девальвации песо на 20%, правительство установило твердый курс своей валюты по отношению к доллару. Правда, курс песо постоянно падал, но только на 14% в год, что гораздо ниже уровня инфляции, составляющего 60%. С мая 1991 г. темпы девальвации резко снизились. Политика сильного песо довольно рискована из-за снижения конкурентоспособности мексиканских товаров, но она помогает закрепить внутренние цены и снизить инфляцию. Кроме того, правительство отказалось от практики одновременного замораживания цен и зарплат. Прежде чем приступить к реализации своих планов, оно позволило установиться новым рыночным ценам, причем нескольким крупным фирмам предлагалось не повышать цены на свою продукцию в течение 1–2 месяцев. Таким образом зарплата и цены могли время от времени слегка повышаться с тем, чтобы величина относительной стоимости товаров и услуг оставалась неизменной.

Мексика открыла свой рынок для импорта. Сначала на смену квотам на импортные товары пришли налоги на импорт. Затем налоги стали постоянно снижаться. Свободный приток импортных товаров и незначительные колебания относительных цен почти полностью защитили экономику от проблемы нехватки товаров (за некоторыми исключениями, например, мяса). Таким образом проблема товарного дефицита более не угрожает проведению реформ. С 1987 г. уровень товарного дефицита (процент магазинов, оставшихся без товаров) равнялся примерно 10%. В Аргентине при введении новой денежной единицы «аустралес» и в Бразилии при введении «крусадо» уровень дефицита достигал 60% и 25%, соответственно.

Правительство ведет переговоры по поводу внешнеэкономического долга с марта 1990 г. Правда, успех здесь зависит не столько от усилий дипломатов, сколько от близости Мексики к США. Соединенные Штаты, опасаясь неуправляемого потока эмиграции из Мексики, уступили ей в вопросе о выплате процентов на долги – приблизительно 4 млрд. долларов. Эта уступка (ожидалось, что она будет меньшей) укрепила частный сектор и вселила уверенность в иностранных вкладчиков. В результате процентные ставки в Мексике упали до самого низкого уровня с 1981 г.

Инфляция все же остается наиболее существенной макроэкономической проблемой. Тот же Аспе заявил недавно, что он снизит инфляцию, выкупая внутренний государственный долг деньгами, полученными от приватизации. Однако, мало какой стране удалось победить инфляцию без социальных потрясений. Мексика в этом отношении не будет исключением. Правда, реальная инфляция могла бы быть даже менее официально объявленных 30%, если бы правительство не подняло цены на продукцию предприятий госсектора. Но к этому его вынудила необходимость сократить субсидии государственным предприятиям. В декабре 1989 г. стоимость проезда в метро увеличилась на 300%, что добавило 4 пункта к существующему уровню инфляции. Сейчас цены на электричество поднялись на 300%, плата за телефон – на 400% и т.д. Президент Салинас заявляет, что существующий уровень инфляции не отражает макроэкономическую нестабильность. Но, к сожалению, эти повышения цен ведут к повышению заработной платы и заставляют бизнесменов повышать цены на свои товары при первой же возможности.

Несмотря на кризис в Персидском заливе и рост цен на нефть, проблема платежного баланса не снята с повестки дня. Мексике приходится раскоше-

ливаться на 8 млрд. в год, оплачивая иностранные кредиты. Однако, не в пример Бразилии, Мексика надеется компенсировать эти потери за счет торговли. Здесь, правда, многое зависит от цен на нефть. Если эти цены сохранятся на уровне 30 долларов за баррель, то Мексика получит в этом году дополнительно 2,5 млрд. долларов. Это позволит сохранить торговый баланс прошлого, 1990 г. (Статья написана в 1991 г. – *Ред.*) В 1992 г., если цены на нефть останутся на уровне 22,5 долларов за баррель, Мексика может получить на 5 млрд. долларов больше, чем ожидается. Но и в этом случае дефицит торгового баланса в 5 млрд. долларов сохранится, так как мексиканский экспорт и туризм в эту страну пострадают из-за экономического спада в США.

Если же цены на нефть упадут, а рост экономики продолжится, то Мексика может столкнуться со сложной проблемой финансирования дефицита текущего баланса. Дело в том, что международные банки могут отказать в деньгах, и тогда выход может быть найден только в увеличении прямых зарубежных инвестиций в экономику. До сих пор эти инвестиции были мизерными, несмотря на то, что в прошлом году Мексика ослабила ограничения инвестиций. В 1989 г. общая, утвержденная правительством, сумма иностранных инвестиций составила 2,4 млрд. долларов. Скорее всего, в этом году инвестиции возрастут до 3,4 млрд. Тем не менее в обозримом времени Мексике будет не хватать прямых инвестиций в ее экономику.

Так в чем же основания для оптимизма? В том, что мексиканские микроэкономические (потребительские) реформы продвинулись дальше, чем можно было предположить, а попытки договориться с США о режиме свободной торговли свидетельствуют о поразительных изменениях в подходе к проблемам экономики, о «новом экономическом мышлении» в официальных кругах страны.

Перемены

Режим свободной торговли (РСТ) по-мексикански вовсе не означает свободу торговли. Он больше предназначен для привлечения прямых иностранных инвестиций, в которых так остро нуждается страна. Президент Салинас думает, что РСТ сделает для Мексики то, что Общий рынок сделал для Испании. «Когда я прочитал, что Испания с ее социалистическим правительством ежегодно получает 10 млрд. долларов в виде инвестиций, я задал себе вопрос, не упускаем ли мы чего-то», – сказал как-то президент. Правительство уже начало действовать и договорилось с японской фирмой Nissan о том, что та истратит 1 млрд. долларов на строительство автомобильного завода в Мексике. Причина высокой эффективности РСТ в том, что налоговые тарифы между США и Мексикой уже давно снижены.

Налоговый тариф на импорт из США – всего 11%, а американский налоговый тариф на товары из Мексики – 4%. В отдельных отраслях мексиканские эксперты сталкиваются с более высокими барьерами; например, в 1987 г. налог на мексиканские овощи и фрукты в США составлял в среднем 13%, на обувь, одежду и текстильные товары по 20,5% и 9,3%, соответственно. Кроме того, в США есть добровольные ограничения на импорт текстиля и некоторых видов сталей из Мексики. Cemex, самый крупный мексиканский производитель цемента, вскоре уплатит штраф в 10 млн. долларов за экспорт цемента в Америку по демпинговым ценам и вынужден будет сократить его с 3,6 млн. тонн до 1,8 млн. тонн. Хорошо, если РСТ сможет исключить подобные инциденты. В долгосрочной перспективе он поможет реорганизовать структуру производства Мексики.

В наследство от протекционистского прошлого Мексике достались крупные капиталоемкие производства, например, производство стали. Так быть не должно: в стране много дешевой рабочей силы и не очень много капитала. Часто эти гигантские предприятия неконкурентоспособны и РСТ приведет их

к банкротству. В то же время РСТ позволит развиваться трудоемким отраслям (текстильная и обрабатывающая промышленность), не требующим высоких технологий.

Президент Салинас хочет сделать Мексику чем-то большим, чем просто поставщиком дешевой рабочей силы для США. Именно поэтому он и его администрация не ограничились одними лишь реформами торговой политики. Правительство предприняло серьезные попытки реформировать экономику путем отказа от государственного вмешательства (либерализация), приватизации и реформы налогообложения. Увы, планы развития инфраструктуры – дороги, связь, порты – пришлось отложить на будущее.

Президент Салинас пригласил Артура Фернандеса, экономиста из Чикагского университета, для руководства программой либерализации экономики. Президент распорядился уничтожить множество циркуляров министерства торговли: от правил, регулирующих порядок открытия закусочных, до удивительно глупых ограничений на размер бутылок для томатного соуса. Самые важные реформы, которые президент успел провести, касались транспорта. До прошлого года было совершенно невозможно получить лицензию на пользование грузовиком. Пятнадцать семей держали в своих руках всю индустрию грузовых перевозок. Около 30% грузовиков не использовались в хозяйстве. Правительство сочло, что налог на пользование грузовиками на 25% выше, чем нужно, что в конечном счете стоило экономике лишних 600 млн. долларов в год. С июня прошлого года разрешено использовать грузовики любому человеку на любых маршрутах. Количество лицензий возросло со 150 000 до 200 000.

Была проведена также реформа налогообложения. Согласно новым правилам, подоходный налог с граждан снижен с 50% (1986 г.) до 35% в 1991 г. Налог с предприятий также будет снижен с 56% до 35%. Налоги на добавочную стоимость повышены, предприятия стали платить 2% налога на фонды. Закрыты лазейки для увиливания от налогов для фермеров, журналистов, розничных торговцев, книгоиздателей, малых компаний и многих других. Президент Салинас заставляет уважать закон о налогах самыми крутыми мерами. Его министр Аспе гордится тем, что если за период с 1921 по 1988 гг. в Мексике за невыплату налогов были осуждены 2 человека, то он упрятал в тюрьму уже 40 человек. Среди них поп-звезда Лауреано Брисуэла, которого после освобождения обязали петь о «достоинствах» уплаты налогов. Похоже его призывы возымели действие: за первую половину прошлого года налоговые сборы выросли на 5%.

Приватизация – еще один очень важный элемент микроэкономических реформ. С нее, собственно, начались реформы, так как необходимо было быстро найти деньги для уплаты внешнего долга. С мая 1983 г. приватизированы 230 компаний – государство заработало на этом 2 млрд. долларов. Были закрыты сотни других государственных предприятий. Правительство утверждает, что приватизацию самых крупных предприятий следует провести после того, как экономика стабилизируется. До сих пор самая крупная операция приватизации касалась медной шахты Капапеа, которая удалась лишь с четвертой попытки. Приватизацию сталелитейной компании Sidermex и телефонной Telmex, а также 18 государственных банков провести будет не легче.

Многое еще предстоит

Самая большая задача, стоящая перед президентом Салинасом, – реформа сельского хозяйства. Высокий уровень инфляции и слишком высокий курс песо в 60-х и 70-х годах особенно тяжело отразился на фермерстве, во всяком случае, более чем на других секторах экономики. Правительство искусственно удерживало низкие цены на многие сельскохозяйственные продукты.

Низкая же отдача снизила эффективность капиталовложений в сельское хозяйство.

Главная причина неэффективности сельского хозяйства Мексики заключается в наличии здесь большого количества коллективных хозяйств. Так называемые ejidos занимают более половины пригодной для обработки земли. Большинство хозяйств крошечные; 50% из них владеют менее, чем пятью гектарами. Фермер же в Мексике не может владеть своей землей. Он может лишь арендовать не более 100 орошаемых гектаров. Фермеры мало вкладывают в землю, так как не убеждены, что в конце концов доход получат именно они, а не кто-нибудь другой. За девять последних лет фермеры вкладывали в землю не более 2% своего дохода, тогда как капиталовложения в экономику в целом составили 15% от дохода.

Нынешняя ситуация не удивляет. Увеличилось число работников на один гектар земли по сравнению с 1960 г. В то же время производство кукурузы, бобовых, ячменя, сорго упало. В 1988 г. производительность сельского хозяйства упала на 3,2%, а в 1989 – еще на 2,1%. Производительность труда на душу населения в аграрных районах составляет 4/5 от таковой в городах.

На пост министра сельского хозяйства президент Салинас назначил жесткого бизнесмена Карлоса Гонсалеса. Ему помогает молодой экономист Луис Тельес, чья функция состоит в том, чтобы вернуть сельское хозяйство в лоно рынка. Пока результаты очень скромны. Произведена реформа неэффективного Государственного распределительного центра. Была сделана попытка отрегулировать механизм предоставления субсидий на удобрения, кредиты, страхование, техническую помощь и потребителей. Но правительству до сих пор не удалось справиться с главной проблемой: отсутствием стимулов для капиталовложений в сельское хозяйство, которое связано с системой кооперативов. Правительство лишь с грехом пополам укрепило права собственника на землю. Реформирование же самих ejidos будет затруднено по политическим причинам. Опасения связаны с тем, что в случае приватизации коллективных хозяйств, начнется массовая миграция сельского населения в переполненные города. Существование ejidos закреплено одновременно в конституции и в революционных представлениях мексиканцев. Хуже всего то, что правящая партия все 60 лет своего существования получает основную поддержку в сельских районах именно в ejidos. Но у президента Салинаса уже есть опыт в посягательстве на «священных коров» Мексики!

Мексиканские экономические реформы проводятся правительством, которое трудно считать полностью демократическим. Не понятно, насколько широка у него поддержка среди населения. В 1988 г. правящая партия с трудом выиграла президентские выборы. Большинство мексиканцев живут сейчас хуже, чем в 1982 г. Если правительство проиграет очередные выборы в конгресс, то экономика пострадает. Дефицит доверия к правительству может вызвать отток капитала и спугнет потенциальных иностранных инвеститоров. Таким образом, политически и экономически Мексике еще очень далеко до повторения испанского чуда.

Личная популярность президента Салинаса очень высока. Большинство лидеров оппозиции говорят о замедлении темпа реформ, но не об их остановке или возврате к прошлому. Впервые с 1982 г. увеличилась заработная плата. Правительство начинает решать наболевшие социальные проблемы с помощью Программы национальной солидарности. Если президент Салинас сумеет и дальше проводить свою экономическую политику, то чревычайная дерзость первых лет с лихвой окупятся в последующие годы.

●

Клайв КРУК (Лондон)

МАЛЕНЬКИЙ МИР ОГРОМНОЙ СТРАНЫ

Сейчас, более чем когда-либо в прошлом, будущее Индии вызывает серьезные опасения. Политические разногласия парализуют деятельность правительства, страну захлестывает волна насилия на кастовой и религиозной почве и раздирает стремление отдельных регионов к автономии. Экономический рост замедлился и, похоже, невозможно найти лекарства, чтобы излечить народ от бедности, истинные масштабы которой трудно даже представить.

В чем же причина неисчислимых бед этой огромной, богатой и к тому же демократической страны?

Да, индийцы гордятся своей демократией и считают, что могут реально влиять на судьбы страны. Выборы здесь приводят людей в состояние исступления, необузданность которого часто ведет к вспышкам насилия. Несмотря на столь неистовую увлеченность политикой, никто не ждет от новых лидеров серьезных перемен. Политическая деятельность в Индии чаще всего сосредоточивается на тех или иных символах, а не на насущных проблемах страны, на лозунгах, а не на аргументах за или против предлагаемого политического курса. Политика здесь – сражение конкретных людей за власть как за нечто самоценное, и избиратели принимают такие условия игры и получают удовольствие просто от того, что в нее играют.

Однако хаос в политике не идет ни в какое сравнение с другим недугом – развалом экономики. Этот развал столь же обширен и глубок, как и та бедность, которая им порождается. Причиной этого чудовищного несчастья стал курс на самообеспечение, который страна взяла в 1947 г., сразу после обретения независимости. С тех пор правительственная бюрократия начала планировать (вплоть до мельчайших деталей) хозяйственную жизнь, используя идеи и методы, заимствованные у Советского Союза. Целью такого подхода был отрыв Индии от мировой экономики путем отказа от импорта товаров в пользу продукции отечественного производства, путем создания неблагоприятных условий для иностранных инвестиций и еще многими другими способами. Неру и его последователи приняли ту точку зрения, что взаимодействие с внешним миром неизбежно приведет страну к потере независимости. И если «индийцы не хотят, чтобы их страна стала жертвой эксплуатации, она должна идти своим собственным путем».

Слоны и тигры

И сегодня многие утверждают, что политика Неру была успешной. Какой-нибудь государственный служащий может подвести вас к окну своего кабинета и с гордостью сказать, что почти все, что вы видите в его стране – машины, мотороллеры, телевизоры – сделано в Индии. Да, конечно, качество наших товаров не очень-то высокое, да и дизайн не самый современный, но ведь наша страна – бедная, так что же вы хотите!

Правда, сегодня тот же чиновник вряд ли станет утверждать, что другие страны Восточной Азии допустили серьезную ошибку, сделав ставку на расширение внешней торговли. Ведь сорок лет назад Сингапур, Тайвань, Гонгконг, Корея да и Япония жили в такой же бедности, как и Индия. Сейчас средний доход на душу населения в Южной Корее в десять раз больше, чем в Индии; в Гонгконге – в двадцать пять раз. Вероятнее всего, тот же чиновник скажет, что хотя Индия до сих пор страна нищая, она тем не менее сама заботится о себе, сама удовлетворяет нужды собственного населения.

Он неприменет добавить, что колониальное прошлое изуродовало экономику Индии, что передовые страны тормозят ее развитие и что, наконец, индуистская религия поощряет принятие жизни такой, какова она есть. Вообще индийцы очень любят говорить, что если Южная Корея, Япония и другие процветающие дальневосточные страны – тигры, то Индия – слон, сильный, осторожный, шагающий по земле медленной, но уверенной поступью.

Увы, этот образ столь же ложен, как и представление о неком особом «индуистском пути развития». Правильнее было бы утверждать, что Индия – тот же тигр, только посаженный в клетку. Клетка же эта – невероятно сложная система ограничений, с одной стороны, и государственной опеки – с другой, система, глухим забором отгораживающая Индию от остального мира. Демонтировать эту систему, значит выпустить тигра из клетки. Это и есть главная задача тех, кто хочет изменить страну. Однако на пути преобразований множество преград политического, социального и экономического характера. И все же главное – это необходимость осознавать, что причина несчастий – та самая система ограничений и разрешений, которая называется «особый путь развития».

Постсоциалистическая эра

В последние два года мир стал свидетелем краха коммунизма в странах Восточной Европы и в бывшем СССР. Идеологическое сражение между командно-административной и рыночной моделью экономики окончена, и едва ли история могла вынести свой вердикт с большей определенностью. Польша, Чехо-Словакия и Венгрия не пытаются идти ни на какие компромиссы с социализмом, отвергают «третий путь» и пытаются как можно скорее построить капитализм. Страны, возникшие на месте СССР уже приступили к реформам в направлении свободной рыночной экономики. Повсеместно в Третьем мире – в Латинской Америке и даже в Африке – правительства стремятся либерализовать экономику. Ну, а Индия? Не попытается ли она грести против течения?

Похоже, что в Дели готовы попробовать. Как ни странно, лишь очень немногие из власть предержащих извлекли урок из того, что произошло в Европе, начиная с 1989 года. Эти немногочисленные диссиденты – в основном государственные служащие – тщетно пытаются наставить на путь истинный своих начальников-политиков и начальников-чиновников. Министры же, похоже, даже и не подозревают, насколько аномальна ситуация, сложившаяся в Индии.

Казалось бы, ученые и журналисты могли критически оценить все достижения Индии; но напротив, именно с их стороны высказывается наиболее острая критика в адрес возможных реформ. Наверное, это естественно, когда в государстве, где все обращено внутрь страны, очень мало людей, которые могут видеть страну со стороны, осознавать ее место в мире. И в этом смысле, как и во многих других, Индия стала жертвой своих необозримых размеров. По последним подсчетам количество жителей оценивается здесь приблизительно в восемьсот пятьдесят миллионов человек; ожидается, что рост населения будет продолжаться. Не следует забывать также, что Индия представляет собой не одну страну, а множество стран, целый мир, для которого курс на самообеспечение на первый взгляд кажется оправданным и даже естественным. Но если говорить об экономике, Индия, на самом-то деле, – карлик. При населении в четыре раза превосходящем Америку, она производит приблизительно столько же, сколько одна Голландия. И для Индии столь же абсурдно стремиться к самообеспечению, как, например, для Испании или Швейцарии. Мир вполне может обойтись без Индии, но вот Индия вряд ли сможет добиться процветания, не наладив отношения с остальным миром.

Многие индийские бизнесмены начинают постепенно понимать это, но им приходилось работать в существующей системе, и они уже застолбили там свой участок. Наиболее удачливым удалось научиться манипулировать за-

конами и чиновниками, занимающими высокие посты, и на эти цели они потратили немалые средства. Индия – флагман протекционизма в Третьем мире, а политика протекционизма ведет к снижению уровня конкуренции и к гарантиям прибылей. Бизнесмены, может быть, и начинают осознавать, какой вред нанес такой подход экономике в целом, но у них неизбежно возникают опасения, что реформы усложнят им жизнь, а то и вовсе выбьют их из седла.

«Это мы можем сделать сами»

Главный принцип индийского протекционизма заключается в том, чтобы по возможности не допустить импорт товаров. Наиболее просто это достигается в случае потребительских товаров. Здесь импорт фактически полностью запрещен. Исключение составляет лишь весьма небольшой набор «товаров первой необходимости», таких, например, как лекарственные препараты.

Для товаров производственного назначения разработана несколько более гибкая система. Эта группа разделена на две подгруппы: товары, ввоз которых ограничен, и товары, импортируемые по «открытой общей лицензии» (ООЛ). Чтобы импортировать товары, ввоз которых ограничен, необходимо обратиться к чиновникам с просьбой выдать лицензию. Соответствующее министерство должно удостоверить, что ввоз данных товаров действительно необходим, а также выдать «сертификат, освобождающий от местных пошлин» и означающий, что ни одна из индийских фирм не может в обозримом будущем удовлетворить потребность страны в продукции такого рода. (Стоимость отечественного аналога при этом никоим образом не учитывается.) Чтобы импортировать товары производственного назначения по ООЛ, специальной лицензии не требуется, однако любое изменение производственных мощностей, ставшее возможным в результате внедрения импортных товаров, должно отвечать требованиям других чиновников, которые выдают разрешения на создание новых производственных мощностей.

Все это не относится к импорту промежуточных товаров. Здесь дело обстоит еще сложнее. Часть товаров, относящихся к этой категории, может быть запрещена к ввозу, на ввоз других могут быть наложены ограничения, третьи – ограниченно разрешены к ввозу, и наконец, четвертые – это те, которые ввозятся по открытой общей лицензии. Существует множество критериев и соответствующих разрешительных актов, в силу которых промежуточные товары разделяются по этим четырем категориям.

Чтобы предотвратить приток импортных товаров, который мог бы начаться даже и при таких ограничениях, система протекционизма была подкреплена еще несколькими положениями. Прежде всего импортные товары могут ввозить в страну только их «непосредственные потребители»; другими словами, запрещено оказание посреднических услуг. Далее система лицензирования при создании внутренних производственных мощностей предусматривает, в частности, добровольно-принудительное присоединение фирм к «фазированной программе развития производства», то есть фирмы получают разрешение расширять свои фабрики только в том случае, если принимают обязательство уменьшать количество импортных компонентов в производимых ими товарах.

Совершенно особые процедуры применяются для того, чтобы контролировать объем импорта товаров, ввоз которых должен сокращаться. Для этого существуют шестнадцать «направляющих агентств», правительственных организаций, которым предоставлено монопольное право на импорт определенных товаров: нефти, стали, каучука, газетной бумаги и так далее. И наконец, уж на всякий случай, была создана и существует и поныне система тарифов – тарифов, которые являются самыми высокими в мире.

Принято считать, что с начала восьмидесятых годов, все эти жесткие и абсурдные правила были смягчены. Но реформы не изменили сути системы.

По-прежнему, запрещен импорт потребительских товаров, и поэтому индийские производители не встречают конкуренции со стороны зарубежных фирм. Изменения выразились главным образом в том, что была увеличена номенклатура товаров производственного и промежуточного назначения, импортируемых по открытой общей лицензии.

В 1988 г. на ввоз 22% из тех импортных товаров, которым удалось-таки пробиться сквозь все заслоны, были наложены ограничения, 40% импортировались направляющими организациями, 32% считались ограниченно разрешенными к ввозу; и лишь только 16% импортировались по открытой общей лицензии, то есть без специального разрешения. Автомобильные шины были включены в этот список еще в 1978 г., но они до сих пор не импортируются. На их ввоз в страну установлена пошлина в размере 140%; те, кто, может быть, и хотел бы покупать их за границей (скажем, владельцы грузовиков или компании, занимающиеся автобусными перевозками), по существующим правилам, не считаются их «непосредственными потребителями», а производители же автомобилей (которые могли бы рассматриваться как непосредственные потребители) вынуждены, в соответствии с фазированными программами развития производства, в которых они участвуют, покупать индийские шины.

Чтобы полностью изолировать Индию от мировой экономики, правительство создало ряд препятствий для притока в страну «ноу-хау» и иностранного капитала. Несмотря на недавнюю либерализацию, до сих пор остаются ограничения на размер сумм, которые индийские фирмы могут тратить на закупку иностранных технологий; импортирование той или иной технологии может быть запрещено, если «содержание импорта» в производственном процессе будет признано чрезмерно высоким.

Принятый в 1973 г. Закон о регулировании иностранной валюты устанавливал жесткий контроль за инвестициями в экономику страны. В соответствии с этим законом большинство иностранных компаний были обязаны сократить свою долю акций индийских предприятий до 40%, а их сфера деятельности ограничивалась более жесткими рамками, чем аналогичных индийских фирм.

Этот режим – либо все, либо ничего – оказался очень эффективным в том смысле, что отношение объема импорта к валовому национальному продукту остается в Индии самым низким, по сравнению с любой другой страной Азии. Но система, препятствующая импорту товаров, ставит преграды и на пути экспорта. Частично это обусловлено тем, что протекционизм ведет к увеличению затрат на импорт сырья и ресурсов и таким образом понижает конкурентоспособность будущих экспортных товаров. Еще важнее то, что сбыт продукции у себя дома, где таможенные барьеры привели к значительному повышению цен на них по сравнению с мировыми, будет делом наверняка более прибыльным, чем экспорт той же продукции за границу. В результате протекционизм как бы предоставляет субсидии тем, кто продает свою продукцию внутри страны, и облагает налогами тех, кто пускает ее на экспорт.

Не забывал об экспорте

В последние годы индийское правительство, так и не поборов отвращения к импорту, пришло к убеждению, что экспорт – дело в общем стоящее. Некоторое послабление правил, регулирующих импорт, уже само по себе стало шагом на пути к увеличению объема продаж товаров за границу. Но правительство пошло дальше и предприняло ряд политических шагов, дабы преодолеть антиэкспортные последствия протекционизма в торговле. В конце концов оно создало едва ли не самую сложную в мире систему стимулирования экспорта. Теперь прибыль, получаемая от экспорта, не облагается налогами, а фирмам-экспортерам представляются «лицензии на пополнение запа-

сов импортных материалов». Лицензии эти – товар ходовой, и они продаются с надбавкой. Для приобретения за границей разного рода материалов и оборудования выделяются правительственные субсидии. Некоторые программы стимулирования эскпорта предсуматривают предоставление фирмам-экспортерам кредитов с низкими процентными ставками и оказание им содействия в области маркетинга. Правительство создало также зоны свободной торговли.

Эти реформы возымели свое действие. В конце восьмидесятых годов Индия пережила что-то вроде экспортного бума: объем продаж продукции обрабатывающей промышленности на иностранных рынках увеличивался в среднем на 12% в год, что в общем совсем неплохо, если вспомнить, что в начале десятилетия этот показатель был равен нулю. И все же индийские четыре процента (отношение объема экспорта продукции к валовому национальному продукту) – самый низкий показатель в Азии. Кроме того, весь остальной мир также переживал в восьмидесятых годах экспортный бум, и во многих других азиатских странах объем экспорта товаров увеличивался более высокими темпами, чем в Индии; в Малазии – на 13,8% в год, в Индонезии – на 17,2%, на Таиланде – ежегодно на 27,8%. Тем не менее, Индия познала вкус побед на ниве экспорта.

Главным препятствием на пути реформ, однако, остается та самая ситуация, которая и обусловила неизбежность их проведения: громоздкая система государственного протекционизма, чрезвычайно репрессивного по отношению к импорту товаров. Система эта начала работать таким образом, что вокруг каждой уступки фирмам-экспортерам правительство выстраивает частокол правил и разного рода контролирующих механизмов, дабы не допустить, чтобы прибыль расходовалась на какие-то заранее непредусмотренные цели. Чрезвычайная усложненность экспортных правил, постоянные проволочки, время и деньги, которые приходится тратить на преодоление бюрократических препон – все это не может не снизить эффективность помощи, которую получают фирмы-экспортеры.

Индия дорого заплатила за изоляцию от мировой экономики. Производители здесь не знали, что такое конкуренция, не пытались контролировать производственные затраты или вводить различные новшества. Защищенные таможенными барьерами, рынки позволяли рабочим требовать и получать более высокие зарплаты.

Руководство для бизнесменов

Неэффективность экономики, порожденная протекционизмом и низким профессиональным уровнем руководителей государственных предприятий, удваивается и учетверяется системой внутреннего регулирования. Ей нет равных в мире. Во многих случаях перед ней бледнеет даже советская система центрального планирования. Внутреннее регулирование не позволяет преуспевающим фирмам развиваться, делает все, чтобы они несли как можно большие убытки, но когда они разоряются, система не позволяет им умирать.

Для того, чтобы качество выпускаемой продукции соответствовало установленным стандартам, правительство взяло на вооружение систему лицензирования производства. Основная идея заключалась в том, что Индия – слишком бедная страна и она не может позволить себе тратить запасы свободного капитала на малозначительные проекты. Чтобы построить новый завод, увеличить производственную мощность уже действующего завода или переориентировать его на выпуск новой продукции, требуется получить специальное разрешение – лицензию. В начале 80-х гг. лицензии выдавались приблизительно в пятидесяти случаях из ста. Наиболее частой причиной отказа было то, что «подобные предприятия уже существуют». Как это ни

парадоксально, но многие из тех лицензий, что были выданы, так и не были использованы: компании часто брали их лишь затем, чтобы помешать другим фирмам начать производство той или иной продукции. При этом наиболее жесткие требования система лицензий предъявляет к расширению производства, а не к открытию новых заводов. Таким образом она тормозит развитие преуспевающих фирм, препятствует их специализации, не дает возможности для удешевления производства. В период между 1962 и 1985 годами в такой отрасли промышленности, как производство синтетических волокон, одиннадцать фирм открыли одиннадцать заводов; их производственные мощности составляли где-то от одной десятой до одной четверти от мировых стандартов.

В «стержневых» отраслях промышленности крупным компаниям приходится также преодолевать дополнительные препятствия в виде тех правил, которые устанавливаются Законом о монополиях и нарушениях свободы конкуренции в торговле (МНСК). Фирмы, подпадающие под действие этого закона, должны получать сертификат очистки от МНСК, прежде чем подавать заявление на получение лицензии на производство.

Эта часть регулирующей системы была создана с единственной целью – не допустить возникновение монополий. И если ее механизм и возымел какое-то действие, то только обратное. Ведь закон о монополиях не применяется к предприятиям общественного сектора, где, собственно, и существуют самые большие и малоэффективные монополии в Индии. В частном же секторе он все ставит с ног на голову. Если в какой-то отрасли промышленности уже доминируют одна или две крупные фирмы, то в соответствии с правилами МНСК, ни одна другая крупная компания не может начать с ними конкурировать. Таким образом, закон о монополиях скорее укрепляет положение существующих монополий, гарантируя каждой из них место на рынке сбыта.

Отдавая себе отчет в неэффективности антимонопольного законодательства, правительство оказывает максимальную поддержку небольшим компаниям. В конце семидесятых годов список товаров, исключительное право производства которых принадлежало мелким компаниям, был расширен со ста до восьмисот наименований. По действующим ныне определениям, «мелкой» считается компания, объем капиталовложений в основное производство которой не превышает 350 тысяч долларов. В 1989 г. насчитывалось приблизительно 1,7 миллиона таких компаний. Но если ваша компания входит в разряд «мелкой», вы, конечно, сможете получить различные субсидии и всякого рода льготы, но не сможете получить лицензию на расширение производства!

Все это вместе с существующим режимом лицензирования производственных мощностей поставило Индию в крайне тяжелое положение сразу в двух отношениях: возникло слишком много мелких и неэффективных компаний на нижних ступенях экономической иерархии и слишком много крупных фирм-монополистов на верхних ее ступенях. Если бы Индия открыла свои границы для международной торговли, можно было бы позволить фирмам дорасти до экономически эффективных размеров, и при этом правительству не пришлось бы беспокоиться об их конкурентоспособности – иностранные компании наверняка заставили бы индийских гигантов перестать вести себя как монополисты. Но такой поворот событий исключается, и поэтому Индия должна и дальше нести свой крест абсурдно поляризованной структуры промышленности.

Не лучше обстоит дело и в области ценообразования. А все потому, что цены на многие виды продукции, особенно на промежуточные товары, устанавливает центральное правительство в Дели. При этом правительственные чиновники используют очень сложную методику, базирующуюся на принципе «издержки – доходы». Результаты математического колдовства весьма своеобразны: на некоторые товары устанавливается единая и неизменная цена;

цены на другие товары могут варьироваться в зависимости от того, сколько времени проработал завод, их выпускающий; а еще для одной группы цены будут назначаться в зависимости от категории потребителя. Но издержки на производство всех видов продукции в Индии во всех случаях выше, чем на мировом рынке, так что сам принцип «издержки – доходы» отнюдь не стимулирует организацию более эффективного производства.

Что ж, правительство делает все, чтобы подтолкнуть фирмы к банкротству. Как же в таком случае оно относится к тем компаниям, которые, наконец-то, разорились? Политика правительства в этом вопросе очень проста: отечественным фирмам просто запрещено объявлять себя банкротами! К концу 1987 г. в стране насчитывалось сто шестьдесят тысяч «объектов, переживающих период застоя», точнее, фирм, которые несли убытки и чьи пассивы превосходили активы. Выбор у этих фирм был невелик. Государство очень строго контролировало все переходы одних, пусть даже и мелких предприятий, под управление других фирм, даже если последние нельзя было назвать крупными. Правительство препятствовало слиянию фирм, дабы это не вступало в противоречия с «интересами общества». Получить разрешение на слияние фирмам, подпадающим под действие МНСК, практически нереально. Чтобы распродать активы, нужно преодолеть немалые препятствия, а продать земельные участки часто оказывается просто невозможно.

Многие владельцы разорившихся предприятий просто бросают их на произвол судьбы, забирая с собой все движимое имущество и предоставляя своим служащим полное право самим заботиться о себе. Но большинство фирм, «переживающих период застоя», продолжают существовать за счет субсидий, налоговых скидок и кредитов, получаемых от государственных банков. Около двадцати процентов просроченных займов, выданных финансовыми институтами Индии, были предоставлены в свое время предприятиям, переживающим «период застоя». Синдром застоя в промышленности привел к возникновению проблемы безнадежных долгов, и когда, наконец, эту проблему придется решить, это, быть может, до основания разрушит финансовую систему Индии.

Раджив-реформатор

Когда в 1984 г. к власти пришел Раджив Ганди, казалось, что он принес с собой и новое отношение к старым проблемам. Раджив обещал ускорить процесс реформ, начало которому положила его мать. И он даже не счел нужным что-то объяснять. «Бедная страна не может заставлять бедных людей расплачиваться за неэффективность управления и именоваться при этом социалистической», – говорил он.

Наиболее заметной и смелой реформой правительства Р.Ганди стало снижение подоходного налога. Раньше здесь максимальный налог составлял 97,8% от дохода граждан. Правительство понизило верхний предел до 50%. Оно так же уменьшило, правда, не так существенно, налог на доходы корпораций. Сразу же сократилось число случаев уклонения от уплаты налогов, и при новой, более низкой ставке, налоговые доходы казны возросли на 40%.

Кроме того, Ганди слегка подрезал крылья системе лицензирования в промышленности. Он вывел ряд отраслей из-под действия системы МНСК, а для некоторых отраслей повысил размер разрешенных инвестиций. Он придал системе лицензирования большую гибкость, внес поправки в определение «мелкосерийное производство», создал множество новых стимулов для экспортеров. Но главное – он заставил чиновников более гибко подходить к исполнению своих обязанностей, связанных с выдачей разрешений на производство. Механизм лицензирования заработал заметно быстрее. Результат не замедлил сказаться: к концу восьмидесятых годов объем промышленного производства и экспорта товаров существенно возрос.

Однако сущность системы осталась неизменной. В чем-то она стала даже еще более запутанной, так как практически любая реформа обрастала множеством правил, направленных на то, чтобы не допустить «злоупотреблений». Экономика Индии так глубоко упрятана в складках командно-административной системы, что понадобятся поистине нечеловеческие усилия, чтобы вытащить хотя бы малую ее часть на свет божий. Реформы Ганди потерпели поражение, потому что они ни на йоту не уменьшили власть бюрократии.

Что еще хуже, реформы Ганди шли рука об руку с авантюризмом в области финансовой политики. В прошлом, благодаря грамотным действиям руководства Центрального банка и инстинктивному отвращению к инфляции, которое оно испытывало, макроэкономическая политика правительства в конце концов оказывалась успешной, особенно если оценивать ее по стандартам Третьего мира. Инфляция оставалась незначительной, Индия не попала в капкан внешней задолженности, как то произошло со многими развивающимися странами в семидесятые годы. За прошедшие же десять лет ситуация изменилась. Правительство стало брать более крупные займы; инфляция удвоилась, увеличился дефицит торгового баланса, резко возросли внешняя и внутренняя задолженность. В апреле 1991 г. как раз перед тем, как Япония согласилась сделать экстренное капиталовложение в экономику Индии, запасов иностранной валюты в Дели для оплаты импорта хватило бы на срок, варьировавшийся в пределах от нескольких дней до двадцати минут.

Там, где они нужны

Один из удивительных фактов индийской реальности заключается в том, что несмотря на чрезмерное вмешательство правительства в промышленное производство и торговлю, оно слишком мало внимания уделяет сельскому хозяйству. Но ведь именно в области сельскохозяйственного производства свободный рынок не может функционировать сам по себе! Развитие дорожной сети, систем орошения, транспорта, производство и снабжение фермеров удобрениями – все это является заботой правительств даже в богатых, развитых странах. Конечно, чрезмерное вмешательство правительства может нанести и ущерб фермерам, но именно в Индии оно особо необходимо, ибо политика протекционизма в промышленности поставила сельское хозяйство в неравноправное положение. Правительство как будто осознает это и старается нейтрализовать отрицательные последствия протекционизма в промышленности, выделяя фермерам субсидии на приобретение ряда товаров, особенно удобрений и электроэнергии. Однако, несмотря на впечатляющие размеры этих субсидий, сельскохозяйственное производство до сих пор остается незащищенным. Происходит, скорее, обратное – меры, предпринимаемые правительством, оказывают отрицательное воздействие на земледелие.

Как известно, для повышения урожайности необходимо активно применять удобрения, что, конечно же, повышает себестоимость сельхозпродукции. В конечном счете успех фермера определяет соотношение цены на ту или иную сельскохозяйственную культуру и цены на удобрения. Чем выше это соотношение, тем больше стимулов повысить урожайность за счет применения удобрений. Что касается производства риса, то в семидесятые годы это соотношение – несмотря на огромные субсидии – было чуть ли не самым низким в Азии. Неудивительно, что и урожаи в Индии были самыми низкими в регионе.

Правда, к 1989 г. ситуация изменилась к лучшему. К этому времени фермеры, выращивающие рис, уже получали по 120 долларов за тонну, – но на мировом рынке цена тонны риса составляла 320 долларов. Несмотря на то, что центральное правительство выделяет в качестве субсидий на покупку удобрений 1,9 миллиардов долларов (в два раза больше, чем оно тратит на

субсидирование продуктов питания), фермерам приходится платить за удобрение на 10–25% больше, чем если бы они покупали его за границей. Единственно кому выгодна такая щедрость, так это индийским производителям удобрений, чья продукция продолжает оставаться намного дороже, чем на мировом рынке.

Но еще большее беспокойство вызывает тот факт, что правительство проявляет полное пренебрежение к развитию инфраструктуры в сельском хозяйстве. Хотя многие специалисты считают, что строительство оросительных систем значительно важное с точки зрения повышения урожайности, нежели установление тех или иных цен на сельхозпродукцию, в последние несколько лет капиталовложения в развитие ирригационных систем сокращаются за счет увеличения все тех же субсидий фермерам.

Формально развитие земледелия является прерогативой штатов и расходы штатов действительно составляют 60% всех государственных расходов на сельское хозяйство. Тем не менее центральное правительство и здесь определяет приоритеты, создавая собственные программы капиталовложений и выделяя дотации только на те программы, которые оно считает важными. Самой большой общенациональной программой была программа развития ирригационных систем, на финансирование которой было потрачено более трети из 8,9 миллиардов долларов, выделенных на развитие сельского хозяйства. Но львиная доля расходов на ирригацию пришлась на эксплуатацию, техническое обслуживание и текущий ремонт уже существующих систем. Что же касается строительства новых оросительных систем, то за период с 1980 по 1988 гг. объем капиталовложений здесь сократился на 8%. Реальные расходы за этот период на «развитие сельских районов» (вводящее в заблуждение название того, что на самом деле является системой трансферных платежей деревенской бедноты) более чем утроились. Возможно и эти цифры не в полной мере отражают то, насколько замедлился процесс расширения орошаемых площадей, так как выстроилась целая очередь из незавершенных проектов и многие недостроенные оросительные системы поглощают немалые средства на техническое обслуживание и текущий ремонт. В общем и целом около 40% годных к земледелию, но нуждающихся в орошении земель до сих пор остаются неосвоенными.

Кроме того, в сельских районах Индии ощущается острая нехватка дорог. Объем инвестиций в эту область явно не соответствует уровню потребностей. С момента обретения независимости объем пассажирских и грузовых перевозок увеличился более чем в тридцать раз; протяженность же дорожной сети увеличилась лишь пятикратно. Повсеместно в Индии дороги перегружены, а к нескольким тысячам деревень всепогодные дороги вообще не проложены.

Отсутствие нормальных дорог тормозит развитие сельского хозяйства. Каждая оторванная от внешнего мира деревня превращается по сути в обособленный рынок. Если в таких деревнях фермеры переключаются на выращивание высокоурожайных культур, они тем самым рискуют вызвать понижение местных цен на их продукцию. Хорошие дороги являются дополнительным стимулом к повышению эффективности производства, ибо тогда разные регионы Индии, отличающиеся климатическими условиями и качеством почв, могут объединиться в более емкий и эффективный рынок. В масштабах всей страны это приведет к переходу на выращивание товарных культур и в особенности таких культур, которые характеризуются высокой добавленной стоимостью, например, скоропортящихся фруктов.

Но вместо того, чтобы вкладывать средства в развитие ирригации и строительство дорог, правительство предпочитает тратить огромные суммы на субсидии, которые так и не попадают к тем, кому они предназначаются, а также на программы текущих расходов, руководство которыми осуществляется из рук вон плохо. Наиболее яркий пример тому – система государственного распределения, которая была создана для того, чтобы бедные

люди могли бы получить субсидированные продукты. Большинство торговых точек, функционирующих в рамках этой системы, расположены в городах; в беднейших же штатах, таких как Бихар и Мадья Прадеш, подобных точек очень мало. В результате эти штаты получают непропорционально малую часть продовольствия, распространяемого через данную систему. Она также пользуется дурной славой и из-за случающихся время от времени «утечек» продовольствия.

Другой пример: чрезвычайно низкие тарифы за пользование системой орошения позволяют кое-кому извлекать для себя немалые выгоды. Во многих штатах плата за воду не покрывает расходы даже на техническое обслуживание ирригационных систем. Для многих потребителей электричество также остается бесплатным. Но можно ли причислять тех, кто пользуется этими службами, к беднейшим слоям населения? С помощью более высоких тарифов можно было бы вынудить потребителей расходовать воду и электричество не столь расточительно.

Кому это выгодно

Индийские политики могли бы добиться большей эффективности в промышленности и сельском хозяйстве и остановить рост бедности в своей стране значительно более простыми средствами, чем они делают это теперь. Но в Индии не существует простых правил: в королевстве лицензий царит произвол. Все объясняется очень просто. Всеохватывающая система регулирования приводит к тому, что в самых разных областях начинает ощущаться нехватка тех или иных товаров и, следовательно, появляется возможность получения незаконных прибылей или «ренты». Произвол в применении бесчисленных регулирующих правил становится причиной, по которой ренты переходят в вотчину политиков и различных официальных лиц. И если последние становятся на путь коррупции, то могут получать огромные взятки. И чем большие взятки они получают, тем яростней привилегированная прослойка общества сопротивляется любым реформам. Этим объясняется и характер индийской демократии. Этим также объясняется и то, почему так чудовищно сложно провести необходимые реформы в политике и экономике.

Произвол царит повсеместно. Говорят, что во времена правления Индиры Ганди у входа в бомбейскую гавань стоял корабль с запрещенными к ввозу химическими препаратами на борту. Но этот груз принадлежал одному бизнесмену, у которого были большие связи; в течение двадцати четырех часов запрет был снят.

Дхирубхай Амбани, один из самых известных в Индии «больших людей», одинаково успешен во всех трех отношениях. Практически из ничего он создал «Reliance Industria» и «Reliance Petrochemicals», одну из самых больших и процветающих корпораций-империй. Секрет успеха Амбани в том, что он давно научился исключительно ловко добывать такие лицензии, которые никак не могли получить его конкуренты. Он также сыграл не последнюю роль в политических коллизиях. Когда в середине восьмидесятых годов у него испортились отношения с В.П.Сингхом, тогдашним министром финансов, то он приложил немало усилий, чтобы вбить клин между министром финансов и Радживом Ганди, что привело к исключению Сингха из правящей партии.

Нельзя сказать, что лоббирование ради получения различных лицензий и разрешений – типично индийская черта; жители города Вашингтон, что в округе Колумбия, могли бы дать делийцам парочку ценных советов в этом деле. Но система государственного регулирования в Индии столь сложна и громоздка, что никто толком не понимает, под действием каких именно правил попадает его дело. Самое главное при этом то, что чиновничья волокита не знает границ, а все механизмы бюрократической машины безнадежно недееспособны. Лишь наиболее влиятельным людям, вроде Амбани, удается

продраться сквозь заросли бюрократизма, обращаясь непосредственно к высшим чиновникам. В противном случае, если вы хотите, чтобы ваше заявление двигалось вперед по очереди, вам надо платить, платить и платить.

Расположение чиновников продается на всех ступенях иерархии индийского общества. Крестьяне-фермеры могут заплатить за то, чтобы именно на их участки, а не на другие провели воду. Люди, покинувшие деревню и незаконно живущие в городских трущобах, подкупают полицейских, чтобы те их не выселяли; они платят ренту хозяевам домов, которые в свою очередь дают взятки чиновникам, чтобы те не лишали их права заниматься бизнесом. Налогоплательщики дают взятки, чтобы уладить отношения с налоговой инспекцией или чтобы избежать проволочек при получении скидок с налогов. При оформлении многих деловых операций – при передаче права владения собственностью, получении разрешения на строительство нового дома или если вы хотите установить у себя телефон или провести электричество – везде и всюду нужно дать взятку. Взяточничество приобрело такие масштабы, что уже существуют заранее установленные таксы и специально занимающиеся этим люди берутся уладить ваши дела.

Ускорение

Не будет преувеличением сказать, что Индия нуждается в поистине революционных преобразованиях. Главное средство лечения ее болезней вполне очевидно: Индия должна стать страной, открытой всему остальному миру, государство должно отказаться от командно-административного метода управления экономикой и вместо этого сосредоточить свои усилия на создании социальной и физической инфраструктуры в своей огромной стране. Если это произойдет, то предсказать результат совсем несложно. Когда в середине восьмидесятых годов Индира Ганди и ее сын сделали первые робкие шаги по пути освобождения экономики, Индия с готовностью откликнулась на их усилия. Если ему будет позволено самому обустроить свое экономическое будущее, народ Индии безо всякого сомнения придет к процветанию. У него нет оснований бояться конкуренции или неопределенности мира, в котором нет планирования.

В то же время, реформы Ганди показали, насколько трудно осуществить их в политическом плане. Несмотря на положительную роль, которую реформы сыграли в ускорении темпов роста экономики, они встретили отчаянное сопротивление со стороны некоторых кругов. Нынешние серьезные неурядицы Индии – 12-процентная инфляция, растущий дефицит в государственном секторе и дефицит платежного баланса – многие связывают с реформами 80-х годов.

В отличие от Восточной Европы, в Индии не принято огульно отрицать методы управления экономикой, практиковавшиеся в прошлом. В официальных и академических кругах отнюдь не пробудился аппетит к полнокровному капитализму. Даже реформисты склонны рассматривать достижения Индии не как полный провал, чем они на самом деле и являются, а лишь как незавершенный успех, нуждающийся в развитии путем различных добавлений и улучшений. В точности такие же настроения были распространены в конце 70-х годов среди наиболее дальновидных аппаратчиков в восточноевропейских странах; они не хотели хоронить социализм, но лишь модернизировать его. Из этого ничего не получилось в Восточной Европе; в Индии также вряд ли что-нибудь выйдет из этой затеи.

●

НАСЕЛЕНИЕ МИРА

От пяти до десяти миллиардов

Во второй половине 60-х годов в мире произошло знаменательное событие. Темпы роста населения, медленно возраставшие в течение тысячелетий и круто подскочившие за предшествующую четверть века, начали снижаться. С тех пор в некоторых развивающихся странах произошло невиданное по резкости сокращение рождаемости.

Бедные страны стали опережать богатые по росту населения только после Второй мировой войны. Демографический рост в странах Третьего мира достиг своего пика (2,4% в год) в течение 60-х гг. Теперь этот показатель составляет 2% в год, что вдвое превышает максимальный прирост населения Европы, отмечавшийся в середине века. При этом в 37 развивающихся странах, из которых 22 находятся в Африке и еще 10 – на Ближнем Востоке, население по-прежнему увеличивается каждый год более чем на 3%. Несмотря на снижение темпов роста, среднегодовой абсолютный прирост населения – 87 миллионов человек – находится сейчас на самом высоком в истории уровне и продолжает расти: в конце 90-х гг. эта величина достигнет 90 млн. человек, и лишь затем начнется постепенное уменьшение. Но все же высшая точка демографической волны уже пройдена. Переход к новому типу воспроизводства населения, для которого Западу потребовалось целое столетие, в ряде развивающихся стран произошел на протяжении жизни одного поколения. Падение рождаемости в Третьем мире оказалось более резким и глубоким, чем это предсказывалось специалистами 20 лет назад.

В настоящее время уровень рождаемости сокращается повсюду, кроме Африки и большинства ближневосточных стран. Наиболее впечатляющим образом эта тенденция проявляется в Китае, где рождаемость снизилась более чем вдвое по сравнению с 1965 г. Поскольку в Китае сосредоточена треть всего населения развивающихся стран, то одно это снижение уже в значительной мере меняет общие демографические перспективы.

Что же дальше?

Для демографа показатели смертности имеют не меньшее, а, может быть, и большее значение, чем рождаемость. По мере развития здравоохранения смертность сокращается, главным образом, в результате снижения детской смертности. Население страны молодеет, а это, в свою очередь, приводит к росту рождаемости. Лишь после этого начального рывка в численности родители начинают ограничивать число детей, и уровень рождаемости постепенно сокращается вплоть до стабилизации численности населения.

В богатых странах этот демографический сдвиг растянулся на длительный период. Продолжительность жизни медленно увеличивалась по мере роста реальной заработной платы, улучшения условий жизни, развития здравоохранения и медицины. Что же касается бедных стран, то здесь основное влияние на демографические процессы оказало быстрое распространение прививок и антибиотиков, позволившее сохранить множество детских жизней. Современный уровень детской смертности в бедных странах уже близок к недавним показателям для богатых стран. Соответственно возросла и продолжительность жизни. В начале 50-х годов во всем мире только пять стран Северной Европы могли гордиться продолжительностью жизни населения, превышающей 70 лет. Ныне в число таких стран уже входят Коста-Рика, Чили и Сингапур. В Мексике продолжительность жизни возросла до 66 лет, что соответствует этому показателю для Франции на 1950 г.

Это снижение детской смертности привело к ситуации, когда, если каждая женщина в мире завтра решит иметь не более двух детей, то рост населения при этом не прекратится. Во многих развивающихся странах число девушек, вступающих в репродуктивный возраст, сейчас велико как никогда прежде. Поэтому даже при уменьшении коэффициента рождаемости общее число рождающихся детей будет еще долго возрастать. Например, в Бразилии суммарный коэффициент рождаемости – среднее число детей, которое в течение жизни производит на свет женщина при данном режиме воспроизводства – снизился после 1965 г. на 30%. Однако общий коэффициент рождаемости – число родившихся за год детей в расчете на 1000 населения – сократился за это время только на 19%. При этом общее годовое число родившихся увеличилось с 3 миллионов в конце 1950 г. до 3,7 миллиона в настоящее время.

Итак, рост населения будет продолжаться. Но чем раньше общемировой суммарный коэффициент рождаемости снизится до уровня простого воспроизводства населения (то есть немногим более 2), тем меньше будет величина, на которой произойдет общая стабилизация численности населения. Какой же будет эта величина и когда случится такая стабилизация? В ООН разработано несколько альтернативных прогнозов. Средний вариант исходит из того, что мир придет к постоянному воспроизводству населения (замещению поколений) к 2035 г. В этом случае к концу XXI века население планеты стабилизируется на уровне 10,2 миллиарда человек, что в два раза больше нынешней его численности. Если переход к постоянному воспроизводству произойдет на 20 лет позже, то уровень стабильной численности населения будет на 2,8 миллиарда человек выше; если же простое воспроизводство будет достигнуто уже к 2015 г., то соответствующая численность населения будет на 2,2 миллиарда меньше. Разброс между крайними вариантами прогноза составляет 5 миллиардов человек, что соответствует теперешнему числу жителей планеты.

Имеются некоторые основания для оптимизма в оценке перспектив роста населения.

Среднее желаемое число детей сейчас меньше, чем когда-либо ранее, причем чем моложе женщины, тем меньше детей они хотят иметь. Во многих странах есть признаки обширного неудовлетворенного спроса на противозачаточные средства. Обследование замужних женщин в Перу показало, что для 46% из них последний по времени ребенок был нежеланным. В Южной Корее соответствующий показатель составил 37%, в Шри Ланка – 34%. Современные контрацептивы не играют определяющей роли в регулировании рождаемости (в Японии ими пользуются только 60% замужних женщин – меньше, чем в Коста-Рике), но все же имеют некоторое значение.

Сведения, поступающие в последнее время из Зимбабве, Кении и Ботсваны, позволяют предположить, что снижение рождаемости, наконец, начинает охватывать даже Тропическую Африку. В этих трех странах наблюдается быстрое распространение контрацепции. В редконаселенной Ботсване еще 10 лет назад немногие супружеские пары пользовались противозачаточными средствами. Сегодня доля таких пар составляет примерно 27%. В Кении практикуют контрацепцию чуть более 20% супружеских пар, в Зимбабве – 40%. Но все эти страны невелики по сравнению с Нигерией или Эфиопией, а там контрацепция – по-прежнему редкое явление.

Миграция населения в города обычно приводит к сокращению рождаемости. Недавнее обследование, проведенное в 22 развивающихся странах, подтвердило, что в каждой из этих стран уровень рождаемости в городах ниже, чем в сельской местности. Наблюдения в Азии и Латинской Америке показывают, что в более крупных городах женщины относительно более склонны к использованию контрацептивов. Это объясняется, с одной стороны, большей доступностью медицинских услуг, а с другой – более высокими издержками на воспитание ребенка в городских условиях. Если учесть, что к концу наше-

го века в городах будет жить примерно половина населения мира, то описанная закономерность позволяет благоприятно оценить шансы на ограничение демографического роста.

Однако оптимизм должен быть осторожным. Теперь мы видим, что для прежних демографических прогнозов была характерна существенная недооценка возможного роста населения. В 1945 г. ведущий американский демограф предполагал, что к 2000 г. на Земле будет жить 3 миллиарда человек. С 1963 г. специалисты неоднократно пересматривали свои прогнозы в сторону увеличения. Теперь они предсказывают (по среднему прогнозному варианту), что к 2020 г. население мира составит 8 миллиардов человек. Но даже такое предположение основано на довольно сдержанной оценке возможного сокращения смертности: так, считается, что продолжительность жизни в развивающихся странах в 2020 г. не превысит показателя, достигнутого в Северной Америке еще в 1950 г. Что же касается снижения рождаемости, то тут, напротив, делаются смелые допущения. Предполагается, что вплоть до 2020 г. рождаемость в Европе и Северной Америке будет оставаться ниже уровня простого замещения поколений, а в большинстве бедных стран она снизится почти до этого уровня. Даже для Африки, где сейчас среднее желаемое число детей в семье составляет не менее пяти, а реально женщины рожают по шесть детей и более, прогноз гласит, что разрыв между нынешней рождаемостью и уровнем простого воспроизводства будет сокращен на две трети.

Все эти оценки могут оказаться недостаточно осмотрительными. Можно заметить, что с 1975 г. падение рождаемости в некоторых странах Третьего мира приостановилось. В Индии, занимающей второе место в мире по численности населения, суммарный коэффициент рождаемости застыл на уровне 4,8. Если такое положение сохранится, то к середине будущего века в Индии будет жить больше людей, чем в Китае. В Индонезии с 1962 г. суммарный коэффициент рождаемости сократился более чем на четверть. Но в последние годы этот показатель не опускается ниже 4,3, что почти совпадает со средним желаемым числом детей в индонезийской семье (4,1). В результате население страны продолжает расти на 2% в год.

Мировые демографические перспективы в огромной мере зависят от процессов в Китае. Среднее число детей в китайской семье довольно быстро снизилось с шести до двух, но в последнее время падение рождаемости вроде бы прекратилось. Как это объяснить? Одна из возможных причин заключается в том, что в Китае, как и в большинстве других азиатских стран, каждая супружеская пара обязательно хочет иметь сына. Пример такой азиатской страны, как Южная Корея, показывает, что это стремление может поддерживать рождаемость, не давая ей опуститься до уровня, соответствующего простому воспроизводству населения.

Дети: за и против...

Демографы любят рассказывать об одном африканском политическом лидере, который якобы однажды обратился к своему народу с речью об опасности перенаселения. Он начал так: «Соотечественники, рождаемость в нашей стране так высока, что всего через 25 лет численность населения удвоится и...» Остаток речи потонул в восторженных возгласах. В большинстве развивающихся стран сейчас преобладает точка зрения лидера, а не публики. Однако старые мальтузианские доводы против роста населения со временем стали более взвешенными и утонченными.

Характерные для начала 70-х гг. пророчества о невозможности прокормить огромное количество «лишних ртов» теперь представляются чрезмерно мрачными. Доля населения мира, страдающая от недоедания, к настоящему времени снизилась, хотя абсолютное число недоедающих возросло. Это

отчасти объясняется тем, что за период 1961–1980 гг. производство продовольствия в развивающихся странах увеличивалось в среднем на 3,1% в год, то есть намного быстрее, чем росло население этих стран, несмотря на высокую рождаемость. Китай и Индия, крупнейшие страны мира по численности населения, достигли самообеспечения по зерну. К тому же рост населения не всегда отрицательно сказывается на экономическом росте, как это часто утверждалось в 70-е гг. Экономическое развитие в гораздо большей степени тормозится другими факторами – политической нестабильностью, неразвитостью рынка. Комиссия Национальной Академии наук США по изучению экономических последствий роста населения, работавшая в 1986 г., по существу не выявила негативного воздействия демографического роста на экономику. Американский экономист Джулиан Саймон пошел еще дальше, утверждая, что рост населения может способствовать хозяйственному развитию. По его словам, «в конечном счете основной ресурс – это люди, умелые, энергичные, одушевленные надеждой люди». Рост населения означает увеличение числа новых идей, расширение рынка, рост объемов производства и производительности труда, сокращение транспортных расстояний.

Более того, даже вредное влияние демографического роста на окружающую среду уже не является чем-то бесспорным. Допустим, быстрый рост населения в развивающихся странах приводит к массовой вырубке лесов. Но богатые страны, несмотря на отсутствие роста населения, потребляют больше энергии и производят больше загрязнения.

Так стоит ли вообще беспокоиться, и если да, то почему? Начнем с того, что рост населения мира отличается территориальной неравномерностью. Наиболее высокая рождаемость будет характерна для бедных стран, которые уже сейчас с трудом могут прокормить свое население. Прежде всего речь идет об Африке, где в 2025 г. будет жить втрое больше людей, чем сегодня. В крупнейшей стране континента, Нигерии, плотность населения достигнет почти 370 человек на квадратный километр – больше, чем в нынешней Голландии.

Теоретически в мире почти наверняка может производиться достаточно продовольствия, чтобы прокормить вдвое больше людей, чем живет на Земле сейчас. В докладе Всемирного банка о мировом экономическом развитии в 1984 г. приводились такие расчеты: если средняя урожайность повысится с двух тонн зернового эквивалента на гектар до пяти тонн, то продовольствия в мире хватит на 11,5 миллиардов человек. Каждый сможет потреблять «растительной энергии» (сюда входят, помимо пищи, семена и корма для скота) в объеме 6 тысяч калорий в день, что соответствует современному среднемировому показателю (средний житель Северной Америки сегодня потребляет около 15 тысяч калорий, но в основном косвенно – больше всего энергии уходит на то, чтобы скотина паслась, прежде чем превратиться в бифштексы).

В другом исследовании, проведенном в 1983 г. в рамках Продовольственной и Сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), была собрана и обработана информация о почвенно-климатических условиях. Был сделан следующий вывод: если использовать все пригодные для возделывания земли под продовольственные культуры, причем отвести не менее половины всех земель под наиболее продуктивные культуры, а также повсеместно внедрить все основные удобрения и пестициды, то в 2000 г. можно будет прокормить в четыре раза больше людей, чем будет жить на Земле к этому моменту. Даже в том случае, если треть всех пригодных для обработки земель будет использована для выращивания непродовольственных культур, будет возможность обеспечить питанием в полтора раза больше людей, чем, по прогнозам, будет насчитываться в мире в 2150 г. И Африка, и Южная Америка смогут прокормить приблизительно в десять раз больше жителей, чем теперь, если (читатель оценит это «если») крестьянские хозяйства уступят место агропромышленным комплексам американского образца.

И все же отдельные страны при этом могут голодать. При сохранении крестьянских способов земледелия к 2000 г. в мире будет 65 стран, нуждающихся в импорте продовольствия. В числе этих стран будет более половины (30 из 51) всех африканских государств. Многие из этих стран расположены в Восточной Африке и Сахеле, то есть по соседству с редконаселенными центральными районами материка, где сосредоточена основная масса плодородных, но пока слабо освоенных земель. Однако перемещение населения в эти районы будет тормозиться все более жестким иммиграционным контролем, а ввоз продовольствия будет ограничиваться скудостью денежных средств.

Быстрый рост населения не исключает высоких темпов экономического роста. Однако при ограничении демографического роста экономическое развитие может быть еще более эффективным, а распределение общественного богатства – более справедливым. Страны с высокой рождаемостью вынуждены тратить все больше средств на образование хотя бы для того, чтобы сохранить достигнутый уровень в этой области. Чтобы не допустить падения доходов на душу населения, они должны быстро наращивать объем капиталовложений. Все большую часть рабочей силы в этих странах будет составлять неопытная и неквалифицированная молодежь, что будет тормозить рост заработной платы. Безработица или по крайней мере неполная занятость станет хроническим явлением. В среднем в развивающихся странах более двух третей населения занято в сельском хозяйстве, и большинству молодежи, вступающей в трудоспособный возраст, также придется искать работу в этом секторе. Поскольку бедные семьи обычно наиболее многодетны, а самые бедные страны (за исключением Китая), как правило, отличаются самой высокой рождаемостью, рост населения будет углублять пропасть между богатыми и бедными, как в рамках отдельных стран, так и на мировой арене.

Быстрый рост населения не всегда наносит ущерб окружающей среде, но все же повышает вероятность такого ущерба. Люди нуждаются в топливе, а во многих странах Третьего мира главным топливным ресурсом являются дрова. Уже сейчас количество сжигаемой в мире древесины втрое превышает прирост лесных запасов. Вырубка лесов вызывает эрозию почв, которая в свою очередь приводит к уменьшению плодородия пашни, заливанию водохранилищ и нарушению режима рек.

Разрастание городов несет с собой новые проблемы. К 2025 г. в Африке будет 36 городов с числом жителей более 4 миллионов. В среднем в каждом таком городе будет насчитываться 9 миллионов человек – больше, чем сейчас в Большом Лондоне. А ведь еще в 1950 г. ни в одном африканском городе, кроме Каира на севере и Йоханнесбурга на юге, число жителей не превышало миллиона! Уже сегодня города развивающихся стран сталкиваются с труднейшими (зачастую взаимосвязанными) проблемами загрязнения среды и удаления отходов. В Индонезии лишь менее трети городских жилищ имеют подобие канализации. Это значит, что система водоснабжения постоянно загрязняется нечистотами. Такая картина характерна и для Лагоса, и для Дели, и для других городов Третьего мира, хотя во многих из них треть и более бюджета тратится на сбор и удаление канализационных стоков.

Но самые сильные аргументы в пользу ограничения демографического роста существуют не на уровне общества в целом, а на уровне семьи и личности. Иметь меньше детей – это значит видеть детей более здоровыми и счастливыми. Короткие промежутки между родами и следующей беременностью приводят не просто к росту многодетности, но и к ослаблению женского организма, повышению детской смертности, в конечном счете – к усугублению голода и нищеты. Если средний интервал между родами составляет менее двух лет, то детская смертность как минимум вдвое выше, чем в том случае, если дети рождаются с четырехлетним промежутком. В Китае взаимосвязь между падением рождаемости и смертностью проявилась особенно наглядно: за тридцатилетний период продолжительность жизни в стране

увеличилась на 27 лет. Планирование семьи все в большей степени рассматривается не просто как средство уменьшения числа детей, но и как способ сокращения детской смертности.

Как замедлить рост населения?

Каким же образом можно затормозить демографический рост? Вообще говоря, по мере роста благосостояния и повышения образовательного уровня (особенно среди женщин) желаемое число детей, а значит, и реальная рождаемость имеет тенденцию к сокращению. Но при ближайшем рассмотрении дело обстоит не так просто.

В Китае, одной из беднейших стран мира, снижение рождаемости приняло более резкий характер, чем в любой другой стране, что объясняется жесткой (и даже жестокой) демографической политикой государства. В Бразилии и Венесуэле, странах с довольно высоким уровнем жизни и быстрыми темпами индустриализации, падение рождаемости за период 1965–1975 гг. оказалось менее выраженным, чем в Шри Ланка или Таиланде. Страны с относительно равномерным распределением доходов обычно отличаются более низкой рождаемостью, чем такие государства, где блага экономического развития становятся достоянием немногих счастливцев.

Не столь однозначна и взаимосвязь между рождаемостью и уровнем образования. В целом женщины из высшей образовательной категории, действительно, имеют меньше детей, чем наименее образованные. Так, в Колумбии разрыв между этими двумя группами женщин по среднему числу детей достигает 4. Однако в бедных странах женщины, вообще не посещавшие школу, обыкновенно дольше кормят младенцев грудью, а значит, рожают в течение жизни меньше детей, чем женщины, учившиеся в начальной школе.

При каждом данном уровне благосостояния и образования следует учитывать культурные факторы, влияющие на размер семьи. Например, в мусульманских обществах, скажем, в Бангладеш или на Ближнем Востоке, преобладают большие семьи, возможно, из-за приниженного статуса женщины. Однако и влияние религиозного фактора не всегда предсказуемо. Католическая церковь осуждает регулирование рождаемости, поэтому неудивительно, что католическая Ирландия имеет самые высокие в Европе показатели рождаемости. И в то же время самые низкие показатели отмечаются в отдельных областях католической Италии!

Многое зависит от государственной политики. Если не считать «оригиналов» вроде Ирака, Кувейта и Сингапура, принимающих меры для поощрения рождаемости, за последние 20 лет в большинстве развивающихся стран появилось стремление ограничить быстрый рост населения. Наиболее заметные перемены произошли в Африке: по данным ООН, в 1976 г. только треть африканских правительств считала, что рождаемость слишком высока; в 1989 г. такое мнение выразили уже две трети правительств. Но от осознания проблем еще далеко до практических действий: в 1976 г. только каждое четвертое государство проводило политику ограничения рождаемости, в 1989 г. – каждое второе.

Было бы неправильно считать, что для снижения рождаемости совершенно необходимо, чтобы в стране существовала служба планирования семьи, да еще при государственной поддержке. Резкое падение рождаемости отмечалось и в таких странах, где правительство проявляет равнодушие или даже неприязнь к контролю над рождаемостью, например, в Колумбии и Бразилии. Можно вспомнить, что во Франции XIX в. рождаемость была вдвое ниже, чем в современной Кении. И все же государственное вмешательство может иметь большое значение.

Свой вклад в решение демографических проблем Третьего мира могут внести и богатые страны – им достаточно лишь захотеть. Помощь из-за рубежа, оказываемая программам планирования семьи в развивающихся странах, в

течение долгого времени быстро возрастала, но в 80-е гг. объем этой помощи резко сократился, главным образом из-за негативного отношения со стороны американских правых и президента Рейгана. Разумеется, иностранная помощь не является необходимым условием успеха: достаточно сказать, что Китай сам оплачивает все издержки по своей программе контроля над рождаемостью (около доллара на каждого жителя страны), а Индия взяла на себя четыре пятых стоимости своей программы. Но в большинстве стран Третьего мира примерно половина расходов на планирование семьи обеспечивается за счет иностранной помощи, причем в финансировании недавно принятых программ доля этой помощи особенно высока.

И это вполне естественно. Программы контроля населения являются весьма эффективными с экономической точки зрения, если они осуществляются путем повышения жизненного уровня. Более 20 лет назад президент США Линдон Джонсон заявил, что 5 долларов, потраченных на планирование семьи, дают такой же эффект для общества, что и 100 долларов, вложенных в наращивание производства. Это соотношение сохраняется и по сей день.

А.Б. (Лондон)

●

Уильям НОРДХАУЗ (Йель, США)

СЕМЬ РАЗ ОТМЕРЬ...

Заметки о парниковой экономике

К 70-м годам экологические прорицатели предсказывали наступление экономического застоя в результате истощения энергетических ресурсов. И сегодня ученые предостерегают: наша планета в опасности из-за сжигания чрезмерного количества горючих ископаемых. Может быть, это верно, а может быть, и нет. Но что же все-таки делать?

Новейшие исследования установили четыре важнейших фактора, угрожающих состоянию окружающей среды: кислотные дожди, истощение озонового слоя, обезлесивание и парниковый эффект. Именно о последнем и пойдет речь. Сущность парникового эффекта состоит в том, что увеличение содержания в атмосфере углекислого и других газов препятствует уходу тепла с поверхности Земли и порождает опасность изменения климата.

Сегодня поезд политики мчится далеко впереди паровоза науки. Президенты заключают договоры по вопросам климата. Премьер-министры громко заявляют о необходимости уменьшить выброс CO_2 в атмосферу. Даже уважаемая международная организация ученых, которым следовало бы лучше разбираться в деле, требует сократить этот выброс на 60%. Однако, как часто бывает при объявлении войны, этим призывам вступить в бой с перегревом планеты не предшествовали попытки оценить возможные затраты и выгоды.

Обратимся к экономике изменений климата, рассмотрим возможности разумного компромисса между необходимостью развивать экономику и стремлением защитить окружающую среду.

Необходимые пояснения

Более ста лет назад ученые начали подозревать, что увеличение содержания CO_2 в атмосфере может повлиять на климат. Накапливаясь в атмосфере в больших количествах, углекислота и другие «парниковые» газы действуют как одеяло, которое окутывает Землю и сохраняет ее тепло.

Наблюдения со всей определенностью показывают повышение концентрации в атмосфере главных парниковых газов – CO_2, метана, окислов азота и фреонов. Происхождение этих газов различно. CO_2, выделяющийся в основном в результате сжигания горючих ископаемых (из которых уголь дает наибольшее количество углекислого газа), являлся и является основным рукотворным фактором нагревания Земли.

Исходя из моделей климата и исторических данных об изменении температуры, ученые полагают, что в течение следующего столетия средняя температура земной поверхности повысится на 1–4°С. Околополярные регионы нагреются, вероятно, больше, чем тропические. Потепление приведет к увеличению дождей. Согласно некоторым прогнозам, более жаркий и сухой климат ожидается в среднеконтинентальных регионах, таких, как зерновой пояс США.

Чаще всего обсуждается вопрос о средней температуре поверхности Земли. Однако эта величина не имеет непосредственного значения для экономики. Воздействие человека больше сказывается на изменении количества осадков, уровня вод в водоемах, возникновении сильных морозов и засух. К сожалению, имеющиеся модели климата не позволяют надежно прогнозировать эти изменения.

Многое в этих предсказаниях основано лишь на предположениях, и мало кто из специалистов рассчитывает, что в ближайшем будущем прогнозы станут существенно достовернее. Меры, направленные на преодоление последствий парникового эффекта, должны будут приниматься в условиях такой неопределенности.

Воздействие климатических изменений

Если само изменение климата – terra infirma, то его социальные и экономические последствия – terra incognita. Оценивая размеры этих последствий, следует прежде всего подчеркнуть главное: климат мало влияет на экономику индустриально развитых стран. Люди успешно приспосабливаются к жизни в самых разнообразных климатических зонах. Города становятся все более независимыми от влияния климата благодаря таким технологическим новшествам, как, например, кондиционеры.

В целом, вследствие развития технологии, сейчас наблюдается тенденция к перемещению населения в более теплые районы Северной Америки и Европы. Для Аляски, где валовый национальный продукт на единицу площади самый низкий в США, потепление, вероятно, окажется благотворным.

Исследования воздействия глобального потепления на США и другие развитые страны показали, что наиболее уязвимыми являются те сферы хозяйственной деятельности, которые зависят от неуправляемых экосистем: от естественного выпадения дождей, стока воды, температуры и т.д. К таким отраслям относятся сельское хозяйство, лесоводство и прибрежное хозяйство.

Однако в индустриально развитых странах экономическая деятельность в основном не зависит от климата. Отделения интенсивной терапии в больницах, подземные шахты, научные лаборатории, коммуникации, тяжелая промышленность и микроэлектроника практически не подвержены воздействию климатических изменений. Выбирая место для своей фирмы, например, в Гонконге или Варшаве, большинство предпринимателей не станут придавать серьезного значения средней температуре.

Изменение климата в результате парникового эффекта не может иметь серьезного влияния на объем производства США. Примерно 3% американского валового национального продукта (ВНП) создается в климатически уязвимой сфере – в сельском хозяйстве и лесоводстве. 10% производится в секторах экономики, умеренно зависящих от климата: это энергетика, водные системы,

строительство и недвижимость. Самая большая доля ВНП (87%) производится теми отраслями экономики (туда же входит большинство услуг), которые практически не зависят от изменений климата.

Как глобальное потепление может повлиять на разные отрасли промышленности? Новейшие исследования, касающиеся развитых стран, показывают следующее.

Из главных секторов экономики воздействию климата больше всего подвержено сельское хозяйство. Но история показывает, что фермеры всегда проявляли замечательную способность приспосабливаться к особенностям разных климатических поясов и к перемене природных условий. Ученые предполагают, что парниковый эффект понизит урожайность многих культур, однако связанное с высоким содержанием CO_2 повышение плодородия почвы вероятно позволит компенсировать ущерб от изменения климата.

Другие сферы экономики испытают смешанное воздействие. В результате парникового эффекта увеличится потребность в охлаждении воздуха, зато уменьшится необходимость в его нагревании. Это будет благоприятствовать строительству в зонах умеренного климата, ибо большую часть года там будет сохраняться теплая погода. Если говорить о спорте и отдыхе, то лыжный спорт, конечно, пострадает, зато выиграют водные лыжи. Однако на основную часть экономики – промышленность, добычу полезных ископаемых, коммунальное хозяйство, финансовые операции, торговлю и большинство видов услуг – климатические изменения ближайших десятилетий, по-видимому, повлияют меньше, чем, скажем, объединение Германии.

Многие ценные товары и услуги не учитываются при вычислении национального дохода. Среди них важное место занимают охрана здоровья человека, развитие биологического многообразия, создание удобств для повседневной жизни и отдыха, состояние окружающей среды. В этих областях не делалось никаких подсчетов, поэтому неизвестно, насколько дорогостоящим окажется здесь изменение климата. Но всякий раз, читая о новом смертоносном тропическом вирусе, я думаю, что, возможно, человечество могло бы обойтись меньшим биологическим многообразием.

Согласно последним данным, в следующем столетии уровень воды в Мировом океане повысится (весьма приблизительно) на треть метра. В результате вода покроет часть суши, а некоторые районы будут нуждаться в защите. Расчеты показывают, что защита прибрежной полосы от повышающегося уровня океана обойдется недорого. Согласно результатам одного из исследований, защита дельт всех рек в мире от повышения уровня моря на метр обойдется всего в 0,04% от объема мирового производства в будущем столетии.

О влиянии климатических изменений на страны Третьего мира известно гораздо меньше. Для развивающихся стран парниковый эффект опаснее, чем для развитых. В государствах с низким национальным доходом, общее население которых составляет около 3 миллиардов, треть ВНП создается сельским хозяйством. Ввиду зависимости сельского хозяйства от климатических изменений, его перспективы вызывают тревогу. С другой стороны, повышение плодородия почвы в результате увеличения концентрации CO_2 вполне может уравновесить вероятный ущерб.

Итак, экономическое воздействие климатических изменений на развитые страны, видимо, окажется незначительным и составит менее 1% национального дохода в ближайшие 50 лет. Напротив, бедным странам, где сельскому хозяйству принадлежит важнейшая роль в экономике, грозит опасность.

Выбор защитных мер

А может быть, все будет иначе. Перечисленные прогнозы основаны на весьма приблизительных расчетах и могут оказаться совершенно неправильными. Эта неопределенность должна учитываться при выборе стратегии реа-

гирования на возможное потепление. Существует множество вариантов. Вот главные из них: предотвращение развития парникового эффекта; климатическая инженерия, направленная на компенсацию его последствий; приспособление экономики и образа жизни к потеплению.

Идея *предотвращения* получила наибольшую общественную поддержку. Насколько нужно замедлить экономическое развитие, чтобы предотвратить неопределенные климатические изменения в отдаленном будущем? Ответ на этот вопрос зависит от размеров затрат, необходимых для уменьшения концентрации в атмосфере «парниковых» газов. Были рассмотрены три варианта: сокращение выброса фреонов, восстановление лесонасаждений и различные способы уменьшения выброса углекислоты.

Сокращение или свертывание производства фреонов было бы особенно благотворно: помимо их общего вредного воздействия, парниковый эффект фреонов крайне высок. Предлагается также для очистки атмосферы от углекислого газа использовать деревья. Уменьшение или прекращение вырубки тропических лесов весьма рентабельно с точки зрения борьбы с парниковым эффектом: привлечение же школьников к посадке миллиардов деревьев вероятно поможет воспитанию гражданских качеств, но вряд ли отразится на климате.

Любая широкомасштабная программа, направленная на снижение выделения «парниковых» газов, должна предусматривать значительное уменьшение сжигания горючих ископаемых, особенно угля. Сокращения выброса CO_2 можно добиться посредством целого ряда мер – от экономии энергии до разработки новых технологий.

Специалисты по энергетике считают, что сокращение выброса CO_2 на 10 или даже 20% в конечном счете может обойтись сравнительно дешево. Однако дальнейшее сокращение будет чрезвычайно дорогостоящим. Сегодня горючие ископаемые во многих случаях попросту не имеют заменителей. Попробуйте добраться на машине до соседнего города или долететь до Японии, отказавшись от горючих ископаемых.

При увеличении процента сокращения выброса CO_2 происходит резкое повышение затрат. По моей оценке, сокращение выброса «парниковых» газов на 60%, к которому недавно призвала группа американских правительственных экспертов, даже при условии постепенного и эффективного осуществления проекта будет стоить сегодняшнему миру более 300 миллиардов долларов в год.

Существенное сокращение выброса «парниковых» газов может быть достигнуто без больших затрат, если оно будет осуществляться эффективно и постепенно. Если же это сокращение будет быстрым и малоэффективным, то обойдется оно весьма дорого. Всякое резкое и стремительное сокращение выброса «парниковых» газов – особенно при плохой организации дела – затея очень дорогостоящая.

Возможностью применения *климатической инженерии* пока пренебрегали. В числе возможных средств – рассеивание в стратосфере твердых частиц, отражающих солнечную радиацию, что приведет к охлаждению поверхности Земли; изменение методов землепользования с целью изменения отражательной способности поверхности; разведение в океане организмов, поглощающих углекислый газ. Хотя при этом, вероятно, возникнут серьезные юридические, этические и экологические проблемы, такие меры, вероятно, окажутся рентабельнее, нежели остановка электростанций во всем мире.

Третий путь состоит в *приспособлении* к более теплому климату. Оно должно происходить постепенно и децентрализованно – как естественная реакция людей и институтов или же посредством рыночных механизмов – по мере потепления климата и повышения уровня мирового океана. Кроме того, правительства могут бороться с отрицательными последствиями изменения климата, регулируя землепользование или финансируя научные исследования, касающиеся жизни в теплом климате.

При изменениях климата адаптация в любом случае необходима. Но ее пока можно отложить на несколько десятилетий – до тех пор, когда эти изменения действительно начнут происходить.

Неопределенность, катастрофа и исследования

Какую роль при анализе ситуации должен играть фактор неопределенности? Два его аспекта могут особенно повлиять на выбор времени и характера принимаемых мер: угроза экологической катастрофы и надежда на успехи научных исследований.

Климатические системы – это сложные нелинейные системы, где преобладают случайные процессы. Климатологи предполагают, что в будущем возможны такие качественные изменения, которые нельзя предсказать на основании существующих моделей. Невозможно исключить и катастрофические изменения климата. К таким потенциальным катастрофам относятся: таяние полярных льдов, которое может привести к повышению уровня океана более чем на 6 метров в ближайшие столетия; резкое перемещение течений в северной части Атлантического океана, что вызовет значительное похолодание в Европе; вторжение насекомых на новые территории, а также опустынивание огромных зерновых зон. Геологическая история Земли полна примерами подобных необычайных событий.

Зависеть от горючих ископаемых – все равно что полагаться на ядерное оружие. Вероятно, человечество как-то разрешит свои разнообразные проблемы, однако может случиться, что парниковый эффект приведет к климатическому катаклизму. Конечно, смутное предчувствие некой грозящей разразиться в будущем катастрофы – вовсе не основание, чтобы мир впал в отчаяние, тем более, что он и без того уже сегодня стоит перед лицом многих опасностей и нерешенных проблем. Но если ученым удастся оценить вероятность грозящих катастроф, то правительства и люди смогут сознательно решать, сколько они готовы платить за страховку «от климата».

Угроза предсказуемой катастрофы заставляет начать более энергичную борьбу с «парниковыми» газами, чем потребовал бы экономический расчет, основанный на точном знании. С другой стороны, исходя из надежд на то, что в будущем ученым удастся точно оценить вероятность климатических изменений, разумнее отложить все до тех пор, когда появятся надежные данные. Сегодня представляется более целесообразным финансировать научные исследования, касающиеся изменений климата, нежели срочные меры по их предотвращению.

Что же делать сейчас?

Итак, что же делать сегодня в связи с угрозой потепления на Земле в ближайшие сто лет? Я предлагаю следующий комплекс мер.

Международное сотрудничество. Очень важно помнить, что изменение климата – это проблема всего мира. Чтобы действия были эффективными, необходимо участие всех стран. А чтобы добиться международного сотрудничества, богатым странам придется расширить понятие иностранной помощи так, чтобы оно включало предоставление бедным странам субсидий на меры по улучшению их экологического состояния. Односторонние действия лучше, чем ничего, но все же согласованные действия еще лучше.

Более полная информация. Ученые должны лучше изучить парниковый эффект. Необходимо внимательно наблюдать за состоянием окружающей среды во всем мире и тщательно анализировать старые метеорологические сводки. Столь же важно изучить социальные и экономические последствия изменения климата в прошлом и тех изменений, которые могут произойти в будущем. За последние два десятилетия человечество узнало чрезвычайно

много об изменениях климата. Дальнейшие исследования подготовят условия для принятия решительных мер в будущем.

Новые технологии. Правительства должны содействовать научным исследованиям и развитию новых технологий, которые позволят замедлить изменение климата. Следует оказывать особую поддержку развитию новых технологий в области энергетики, которые дадут возможность отказаться от использования горючих ископаемых. Еще более смелым шагом со стороны политических деятелей было бы создание международного Манхэттэнского проекта по разработке методов использования атомной энергии в мирных целях. Вероятно, выгоднее всего финансировать исследования в области климатической инженерии.

Политика «беспроигрышных мер». Есть меры, которые, будучи полезны также и по другим причинам, в то же время помогли бы замедлить наступление потепления. К таким мерам относятся: заключение международных соглашений, резко ограничивающих производство фреонов; сокращение неэкономичной вырубки лесов; уменьшение неэкономичного использования горючих ископаемых.

Налог на выброс углекислого газа. В качестве последней меры следовало бы ввести особые экологические налоги на выброс «парниковых» газов, особенно CO_2, в результате сжигания горючих ископаемых. Недавние расчеты показывают, что налог порядка 5–10 долларов за 1 тонну эквивалента CO_2 был бы разумной страховкой, учитывая ту опасность, которой подвергается человечество. Налог на CO_2 предпочтительнее регулирующего вмешательства государства, так как налоги позволят воздействовать на рынок, с тем чтобы минимизировать затраты на замедление климатических изменений, и будут стимулировать развитие новых технологий.

Подобно другим религиям, экологическое движение нуждается в катехизисе. Если бы я составил такой катехизис, он звучал бы так:

Угроза изменения климата остается неопределенной. Она может миновать сама собой или это изменение удастся предотвратить с помощью дешевой климатической инженерии. Она может также оказаться и весьма разрушительной. Но нам и без того угрожает много опасностей. Человечество уже продемонстрировало свою способность навлекать на себя огромные беды в результате осуществления непродуманных проектов, что ясно показал, например, в нынешнем столетии социалистический эксперимент. Поэтому действуйте осторожно, собирайте информацию и пользуйтесь, по мере возможности, рыночными механизмами.

●

Лев РУДКЕВИЧ (Вена)

СТРАСТИ ПО ЗЕЛЕНЫМ

«Лихая мода, наш тиран...»

Самый ярый конформист часто пытается рядиться в маску антиконформности, своеобычности. Например, в наши дни чрезвычайно сильна среди молодежи тяга ко всякого рода новомодным религиозным течениям. Вступившему в секту Муна или Хаббарта (сциентология) несомненным кажется, что он тем самым выделился из общей серой массы. На самом же деле где еще можно встретить такое единомыслие, такой бездумный конформизм, как в религиозной секте? То же и в течениях общественно-политических. Лет десять-пятнадцать назад были в моде расклешенные джинсы и вопли по поводу опасности мирного использования атомной энергетики. Сейчас в моде суженные джинсы и вопли по поводу «гибели леса». Даже эмблема движения изменилась. Молодежь 70-х гг. носила круглый, как дворницкая бляха, значок с солнечным кругом в центре и надписью по краям: «Атомная энергия? Спасибо, нет!» Теперь в центре такой же бляхи изображено дерево, а надпись по краям гласит: «Вырубка леса? Спасибо, нет!»

Но дело ведь не в эмблеме. И то, и другое течение связано с популярным в наши дни движением экологистов, или зеленых. И то, и другое ставит (для публики) своей основной целью защиту окружающей среды. И то, и другое до недавнего времени было откровенно просоветски ориентировано. Не исключено и то, что оно одно время в какой-то мере финансировалось и скрыто направлялось Москвой. В основе того и другого движения лежит самая открытая и невежественная демагогия.

Гибель лесов – предмет главной заботы современных зеленых – совершается на наших глазах. Гибнет лес – краса нашей планеты, его вырубают, травят, палят. Это вопрос, как утверждают зеленые, не только и даже не столько эстетический. Деревья – продуценты кислорода. Если их уничтожить, кто же будет производить этот необходимый для жизни газ?

Прибавим к этому еще и другой фактор – сжигание топлива. На протяжении многих миллионов лет огромные массы углерода накапливались в недрах Земли в виде угля, нефти, торфа. Теперь эти массы сжигаются, на что тратятся миллиарды тонн свободного кислорода; в атмосферу при этом ежегодно поступает около 20 миллиардов тонн углекислого газа. Подсчитано, что только на один перелет реактивного самолета через Атлантику уходит 35 тонн кислорода! Всего же теперь связывается при сжигании 12% вырабатываемого растениями кислорода.

Естественно предположить, что при таком положении вещей в атмосфере должен нарушиться баланс между кислородом и углекислым газом. Это может привести к катастрофическим последствиям. Увеличение концентрации углекислоты в атмосфере приведет к усилению «парникового эффекта», – в результате возрастет поглощение солнечных лучей, что, в свою очередь, вызовет общее потепление. Результатом потепления будет таяние арктических и антарктических льдов, следствием чего будет подъем уровня мирового океана и затопление им части суши, включая расположенные на ней города, памятники культуры и т.д.

Реальные наблюдения не подтверждают, однако, этих эсхатологических прогнозов. В 1910 г. чрезвычайно точный анализ дал для содержания кислорода в атмосфере цифру 20,948%. Повторные анализы в 70-е–80-е гг. дали ту же самую цифру! Следовательно, концентрация кислорода не изменилась с начала века. Не изменилось и соотношение кислорода с углекислым газом.

В чем тут дело? Ошибку отыскать совсем не трудно, схема рассуждений представляется логичной только внешне.

Леса, поля и воды

Почему же, несмотря на уничтожение леса, на сжигание огромных масс топлива, содержание кислорода в атмосфере не убывает? Ответ неожиданно и парадоксально прост: уничтожение леса ведет не к уменьшению, а к увеличению продукции кислорода! Это кажется абсурдом: ведь еще в школе мы учили, что деревья поглощают углекислоту и выделяют в атмосферу кислород.

Леса умеренных широт и бореальные (северные) леса производят не более 4% атмосферного кислорода. Еще 16% приходится на долю влажных тропических лесов, лугов и культурных насаждений. Остальные 80% кислорода производит мировой океан, то есть водоросли. На месте вырубленных лесов строятся города, но гораздо чаще эти территории зарастают травой – превращаются в луга или используются под сельскохозяйственные посадки. Луговые степи выделяют кислорода почти в два раза больше, чем лиственные и смешанные леса. Что же касается сельскохозяйственных культур, которые занимают сейчас 10% суши, то их продуктивность еще выше. Леса используют для построения органических веществ всего лишь 0,1–0,2% энергии падающего на них солнечного света. На земледельческих же территориях эта цифра достигает 4–5%, то есть в 30 раз больше! Во столько же раз увеличивается и продукция кислорода. Примем во внимание еще и возможность высаживать ростки выращенных в теплицах культурных растений весной, задолго до того, как деревья распустят почки, прибавим перспективу использования солнечных лучей в парниках в прохладный сезон, и мы увеличим эту цифру еще вдвое!

Но главное даже не в этом.

При сжигании топлива в атмосферу поступает углекислый газ, которым питаются растения. Растения реагируют на усиление притока питательного материала увеличением своей массы (фитомассы), соответственно продукция кислорода увеличивается – восстанавливается баланс. Сейчас не первый в истории Земли период, когда вслед за увеличением концентрации в атмосфере углекислого газа следовал бурный расцвет зеленых растений. Такое же явление наблюдалось в каменноугольном периоде 300 миллионов лет назад.

Добавлю, что травы превосходят деревья не только по способности к фотосинтезу, но и по целому ряду других качеств. Большой недостаток древесных растений состоит в том, что почки их расположены над землей и потому испытывают все тяготы зимних холодов. Почки двухлетних и многолетних трав надежно укрыты в земле, им зимние холода не грозят. Деревья поздно выпускают листья: весной им требуется время для цветения и опыления, а густая листва будет задерживать пыльцу; осенью они должны спешить сбросить свою зеленую крону, чтобы ранний снегопад не обломал облиственных ветвей. Таким образом, осеннее и весеннее солнце деревьям фактически недоступно. Иное дело – травы. Они способны поглощать солнечные лучи даже зимой под снегом!

Далее, деревья, как и травы, синтезируют органическое вещество. Но откладывают они его не в почве, а главным образом, в надземных частях – стволе и ветвях. У травянистых растений 85–90% фитомассы составляют корни и другие подземные части. Поэтому почти вся их первичная продукция (так называют совокупность синтезированных в данном сезоне органических веществ) к следующей весне разлагается. У древесных же большая часть этой продукции накапливается в древесине. Стволы умерших деревьев, поваленные на землю, разлагаются годами. Даже опавшие листья перегнивают медленно, иногда в течение 3–5 лет.

Отсюда следует, что энергообмен на степных лугах идет быстрее, чем в лесах, и эффективность его на луговых ландшафтах также выше. Травы – форма более экономичная, жизнеспособная, более прогрессивная, чем деревья.

Гармония в природе

Ни один живой организм не может жить сам по себе. В природе все взаимосвязано. Хрестоматийным стал пример Дарвина: чем больше кошек, тем больше урожай клевера. Дело в том, что кошки истребляют полевых мышей, разоряющих гнезда пчел, а пчелы, в свою очередь, опыляют клевер. Разбирая этот пример, один немецкий коллега Дарвина с иронией заметил, что, поскольку основная пища британского матроса – говядина, а коровы пасутся на клеверных полях, главная заслуга в величии Англии как морской державы принадлежит кошке. На это друг и ближайший сотрудник Дарвина сэр Томас Хаксли (Гексли) ответил, что в таком случае величие Англии определяют старые девы, пестующие кошек. Пример смешной, но поучительный. Он показывает, что подобную цепь взаимосвязей можно продолжать сколь угодно долго; в принципе ею можно было бы охватить вообще все живое на земле – всю биосферу.

С первого взгляда цепочка экологических связей может показаться стабильной и гармоничной. Но это только с первого взгляда.

«Я не ищу гармонии в природе...» – писал Николай Заболоцкий и оказался умнее многих природоведов. Последним всегда и непременно хотелось установить в природе наличие высшей, прогрессивной, гармонической структуры. Развитие понималось как обязательное восхождение от низшего этапа к высшему, от беспорядка к гармонии.

Приложимо ли понятие гармонии к природе вообще, и если да, то что под ним следует понимать? Наверное, нечто стабильное, устоявшееся, – то, что сменяет временное, неустойчивое.

Возьмем пример наудачу. Ежегодно в период паводка река отлагает новый слой наилка. От этого каждый год уровень поймы поднимается. Полоска нового наилка – субстрат для новой жизни; уже следующим летом она зарастает осокой. На следующее лето флора этого участка становится богаче и гуще, из года в год растительные сообщества меняются. Последовательность фаз этой смены можно наблюдать как во времени, так и в пространстве.

В углах речных излучин (меандров) откладывается песок, формируются песчаные бичевники. Если от края берега реки, завершающегося песчаной косой, подниматься вверх по пойменной террасе речной долины, мы минуем последовательно все те фазы формирования сообщества поймы, которые наблюдали бы, регистрируя изменения на прибрежной полоске на протяжении многих лет. Это понятно: пойменная флора формируется как бы снизу вверх. За поясом подбела или вейника наземного – верескоподобного кустарника, растущего на прибрежных песках вслед за осокой, – появляются ивняки. Затем последовательно тополевники, вязовые и липово-дубовые уремы. Все эти сообщества – звенья единого динамического ряда, отражающего геологическое развитие речной долины, процесса смены растительных сообществ, или, по-научному, сукцессии.

Сукцессией называют последовательный ряд биоценозов – сообществ живых организмов, в частности, растительных фитоценозов. Возможны две основные причины сукцессии. Иногда она лежит в самой особенности ценоза: например, мхи, откладываясь в виде торфа на болотах, способствуют их осушению, превращению в луга. Фитоценоз болота сменяется фитоценозом луга сам по себе, без помощи внешних сил. Такую сукцессию называют автогенной. В природе она, однако, очень редка. Значительно чаще встречаемся

мы с сукцессией аллогеиной – связанной с вмешательством внешних факторов. Таким фактором сукцессии может быть деятельность реки, как в предыдущем примере, изменение климата, состава почвы, интенсивности солнечной радиации, вмешательство конкурентного или паразитирующего вида, животных, человека.

Факторы сукцессии могут быть также двоякими: усиливающими разнообразие, усложняющими структуру сообщества или угнетающими, обедняющими биоценоз. Впрочем, и это важно понять, направление, в котором действует фактор сукцессии (усиление или угнетение), определяется не им самим, а почти исключительно структурой ценоза, то есть, если можно так сказать, результат воздействия зависит от самого объекта этого воздействия, а не от действующего на него фактора. Возьмем для примера в качестве действующего фактора нашествие ледников, а в качестве объекта воздействия – лесные и луговые фитоценозы.

Флора лесов Европы, по сравнению с другими частями света, чрезвычайно бедна. Эта бедность обусловлена многократными оледенениями – четырьмя ледниковыми эпохами плейстоценового периода (от 10 тысяч до 2 миллионов лет назад). Ледники, каждый до трех километров толщиной, трижды заполняли Балтийское море и доходили до Средней Европы. Вся Скандинавия была покрыта тогда сплошной ледяной коркой. Одновременно оледеневали Альпы и другие горы, с гор ледники спускались в равнины, доходя на юге даже до Дуная. Растения отступали на юг, но на западе путь им преграждали Пиренеи и Средиземное море, на востоке – Карпаты и горы Балканского полуострова. Далеко не все древесные растения смогли пережить ледниковую эпоху в каком-либо из южных убежищ, чтобы потом вернуться в Европу. Большинство вымерло. Когда ледники, наконец, отступили, европейский континент оказался покрытым весьма обедненной и однообразной растительностью: хвойными лесами (в основном ельником) в бореальной зоне и густыми темными буковыми лесами на юге и в средней полосе.

Совсем иное, прямо противоположное влияние оказали ледники на флору европейских лугов. Полосы льда разделили пространства, поросшие травами с редкими куртинами кустарников, на многие участки. Травы – формы растительности намного более пластичные и устойчивые к неблагоприятным условиям, чем деревья, – не только смогли пережить наступление ледников, но, оказавшись запертыми на небольших изолированных участках, сильно видоизменились. Поэтому, когда ледники отступили, потомки одного и того же вида, временно разделенные ледниковыми стенами, оказались уже разными видами. Их ареалы вновь перекрылись, но теперь вместо одного материнского растения его потомки представляли уже несколько дочерних видов – разнообразие флоры лугов сильно возросло, система сообщества усложнилась и усовершенствовалась. В наши дни на 1 кв. км суходольных лугов можно насчитать до 70–80 видов трав.

Итак, развитие флоры, или сукцессия, совсем не обязательно идет по пути восхождения от низшего к высшему, по пути биологического прогресса. Один и тот же фактор – ледник – привел к регрессу, оскудению лесных сообществ и к прогрессу, усовершенствованию луговых.

Как я уже упомянул, травы в целом более устойчивы и пластичны, чем деревья. Однако эти качества еще не гарантируют травам успеха в конкуренции. Против трав деревья применяют простой, но верный прием: наступая плотным фронтом, они густыми сомкнутыми кронами заслоняют солнце, лишая врага живительного света. Только весенние эфемеры – ландыши, примулы, ветреницы – в апреле–мае, когда листья деревьев еще не распустились и на землю, только что открывшуюся от стаявшего снега, падают лучи весеннего солнца, находят себе приют в глухой чаще. Остальные травы вынуждены отступать в те редкие места с бедной почвой, где древесные породы селиться не могут. Так было в раннем мезозое: деревья тогда практически

завоевали всю сушу. Травам они оставили расщелины скал, обдуваемые сильными ветрами вершины гор, известковые отвалы и прочие неудобные квартиры. Над луговыми растениями нависла угроза вымирания.

Пасторальная ретрогрессия

Помощь пришла от небольшого, размером с лисицу, сторожкого зверька с зубодробительным названием кандилярта. Зверек жил в кустарниковом подлеске, объедал кусты и прятался в них от врагов. Постепенно его стали привлекать небольшие лужайки, поросшие травой. Хотя трава – пища довольно грубая и, наверное, менее вкусная, чем листья деревьев, зато на открытых лужайках можно спокойно пастись, не опасаясь незаметно подкрадывающегося хищника. Кандилярта была первым на земле копытным – предком лошадей, ослов, антилоп, коз, оленей, свиней и бегемотов. Травы на лужайках, где паслись эти зверьки и их потомки, мало страдали от них. А вот для прилегающих участков леса копытные были сущим проклятием! Они скусывали молодые побеги деревьев, задерживая таким образом лесовозобновление. Травы, воспользовавшись этим, отвоевывали у лесов новые и лучшие области обитания – площади лугов расширялись.

Помимо непосредственного стравливания побегов, копытные уплотняли, утрамбовывали лесную почву. Такая почва становилась малопроницаемой для воды и воздуха, упавшие на нее семена деревьев часто не прорастали.

Травы, конечно, также выедаются копытными, более того, служат основой их рациона. Однако страдают они от зубов и копыт намного меньше деревьев. В этом им помогают такие качества, как способность прорастать и успешно существовать на относительно твердом грунте, быстрый рост и зацветание уже на первом году жизни (многие деревья впервые зацветают только в 50 и даже в 100-летнем возрасте!) и, самое главное, защищенность расположенных в дерне почек.

Нынешние луговые травы настолько приспособились к выеданию копытными, что без их участия просто глохнут. Например, в начале нашего века степной заповедник Аскания Нова был огорожен. На его территории запретили косьбу и выпас. В результате отмершие травы скопились на поверхности земли в таком количестве, что стали глушить растущие побеги. Чтобы восстановить равновесие, пришлось специально организовывать выпас.

Это явление – вытеснение лесов копытными за счет увеличения пастбищных площадей – получило романтически звучащее научное определение: пасторальная (или пастбищная) ретрогрессия.

Позднее в наступлении на лес приняли участие и другие животные. Бобры активно уничтожали молодую лесную поросль, обгрызали кору с уже состарившихся деревьев; поэтому долины ручьев, где они селились, оставались безлесными. В Восточной Африке к копытным присоединились еще и слоны: они сдирали с деревьев кору, после чего дерево, конечно, погибало.

Но наибольший ущерб лесу был причинен теми копытными, которых стал приучать человек; на этом мы остановимся немного ниже.

Враги леса – короеды, древоточцы, листовертки, паразитические грибы и растения – поселялись не на открытых местах, а в самих недрах леса. Однако среди насекомых у леса были не только враги, но и друзья. Дождевой тропический лес сохранился на больших площадях Африки исключительно благодаря небезызвестной мухе цеце, переносчику страшного заболевания – африканского трипанозомоза, или сонной болезни. Там, где селилась муха цеце, дикие копытные вымирали. Там невозможно было и скотоводство. Поэтому в зонах обитания мухи цеце лес сохранялся от пасторальной ретрогрессии.

Птиц всегда считают друзьями леса. Действительно, насекомоядные пернатые уничтожают массу вредных насекомых. Но другие, напротив, вредят ему. Зерноядные птицы склевывают семена и затрудняют возобновление леса.

В целом врагов у леса было всегда больше, чем друзей, и на протяжении последних 30 миллионов лет деревья неуклонно отступали под их мощным натиском. Соответственно расширялись площади открытых лугов, степей, пастбищ. Низкие и тонкие травы оказались более успешными конкурентами. Они быстро вытесняли своих могучих и крепких, но архаичных лесных собратьев.

Антропогенная ретрогрессия

Обширные пространства степей, отвоеванные копытными у леса, не могли не привлечь других живых существ. Среди них был и человек. «Человеку предшествуют леса, – писал Александр фон Гумбольдт, – его сопровождает пустыня». Действительно, человек стал куда более страшной грозой леса, чем были до него копытные.

Но вернемся к эпохе заселения им степей. Что привлекло его там? В степях не было вкусных плодов, там негде было укрыться от свирепого хищника. Покинуть леса и переселиться в степь человека заставила прежде всего данная всему живому заповедь: «Плодитесь и размножайтесь!» В лесу было много пищи, тени, укрытий, но крупная беременная самка, а тем более самка с цепляющимся за нее детенышем, была совершенно беспомощной. Оставить детеныша на земле даже на минуту было невозможно: он тут же стал бы добычей хищника. А на открытых пространствах степей хищнику уже нелегко подкрасться незамеченным.

Недавние палеоантропологические исследования показали, что предки человека начали спускаться с деревьев и посещать луга почти одновременно с копытными. Проконсул – общий предок человека и гоминид (человекообразных обезьян) – выходил из лесу на открытые пространства, его потомок – рамапитек – проводил там уже значительную часть своей жизни; но только австралопитек – предок человека, населявший Землю 1–3 миллиона лет назад, – полностью оставил лесную обитель и окончательно переселился в степь.

Человек эпохи палеолита добывал пропитание охотой и собирательством. Он уже уничтожал лес, например, поджигал его, чтобы выкурить прячущихся там зверей или врагов своего племени. Геоботаник Н.Ф.Комаров считал, что «не металл, а широкое применение огня внесло резкие изменения в отношения между человеком и природой». Уже в конце палеолита – начале неолита, то есть к концу ледникового периода, на равнинах Европы уничтожение лесов человеком стало заметным фактором. В этот период большую роль в жизни человека стали играть также топоры: облегчился процесс рубки леса и заготовки дров. Это дало возможность постоянно обогревать жилище и иметь горячую еду, но дров требовалось все больше и больше.

К концу плейстоцена, то есть еще до окончательного завершения таяния ледников, человек почти полностью истребил мамонта, гигантского оленя, степного зубра и других крупных травоядных. Тогда, очевидно, и начался первый в истории человечества экологический кризис: пришлось искать новые способы добычи пищи. В начале неолита возникло земледелие и пастбищное скотоводство.

От бродяжничества человек перешел к оседлой жизни. Для разведения скота и первых культурных растений нужна была земля. Ее снова надо было отвоевывать у леса. С этого времени выжигание лесов человеком стало планомерным; пожарища выкорчевывались примитивными каменными и деревянными орудиями, молодая поросль деревьев вытаптывалась, чтобы лес не возобновлялся.

Земли, отвоеванные огнем у леса, давали урожаи лишь ограниченное время. В те времена человек не знал удобрений, и потому почва относительно быстро истощалась. Тогда приходилось отвоевывать у леса новые участки, а прежние пашни зарастали травой, кустарниками, деревьями. Такая переме-

жающаяся система земледелия существовала на протяжении многих столетий. Сейчас она представляется нам чрезвычайной примитивной и даже варварской, но для того времени она была вполне оправданной. И дело даже не только в том, что пахотные земли предохранялись от истощения. Близость их, а следовательно, и жилищ человека к лесу давала огромные преимущества. Связи человека с лесной колыбелью были еще сильны: обрабатываемые поля обеспечивали его лишь частью необходимого пропитания; остальная часть восполнялась за счет леса – оттуда человек получал дичь, ягоды и грибы, а также топливо и строительный материал. Поскольку земли для пастбищ не хватало, приходилось использовать лесные пастбища, то есть выгонять скотину в лес, скармливая ей молодые деревца и кустарники. Подрост уничтожался, лес становился реже, осветлялся. Таким образом, уже в это время вокруг заселенных областей стали возникать обширные безлесные пространства.

Однако со времен неолита и до римской эпохи (то есть на протяжении бронзового и железного веков) облик Европы изменился сравнительно мало. На большей части ее территории еще сохранялись леса; только самые благоприятные в климатическом отношении области, такие, как долины рек, были заселены человеком и преобразованы в соответствии с его нуждами. Наибольшие изменения претерпели в этот период области вокруг Средиземного моря. К концу неолита здесь стали успешно развиваться ремесла и мореплавание. Последнее приводило к расходу строевого леса, поэтому окружающие море районы и острова (Греция, Рим, Египет, Крит) подверглись сильному обезлесению. До сих пор Средиземноморье считается районом, наиболее поврежденным человеком на всей Земле.

Значительные преобразования лесных ландшафтов в культурные начались также в областях, оказавшихся под господством Рима: сооружение дорог, военных лагерей и пунктов снабжения преобразовали девственную природу лесов.

В дальнейшем вмешательство человека в природу приняло еще больший размах. Первое письменное сообщение о ландшафте южной части Средней Европы мы находим у Тацита. Он пишет: «Aut silvis horrida, aut paludibus foeda» (либо страшная лесами, либо скованная болотами). Можно сделать поправку на восприятие человека, воспитанного на безлесном юге, но все же три четверти площади Европы (по сравнению с одной четвертью в наши дни) в то время были покрыты лесами. Эти области не могли дать пропитания человеку, они были бесполезны. Интересно отметить, что еще в IX столетии слово «пустыня» во многих европейских языках употреблялось в значение «лес».

Итак, первые значительные выкорчевки европейских лесов начались с приходом римлян. После эпохи переселения народов они приняли еще больший размах. Морские войны и завоевание новых стран также требовали леса. На постройку одного корабля, подобного тем, на которых Колумб пересек Атлантический океан, шло более 4000 высокоствольных дубов. Кроме того, все эти корабли были оснащены чугунными пушками с ядрами, а на выплавку чугуна также шли дрова и древесный уголь.

Самый длительный и самый значительный период корчевания лесов охватил VII–XII столетия. Он привел к освоению значительной части бывших лесных областей. Ранние европейские поселенцы занимали разнообразные участки, то есть отдельные поляны, не заросшие лесом. Теперь они получали наделы в виде сплошных полос. Вскоре между лесом и сельскохозяйственными землями установилось соотношение, близкое к нынешнему.

У первых европейских поселенцев отношение к лесу было откровенно враждебным: он не давал пропитания, отнимал земли, которые можно было бы использовать под посевы и пастбища. Лес выкорчевывали и бездумно сжигали также и во многих частях Восточной Европы. На Адриатическом побережье, Ближнем Востоке и в Средиземноморье он был уничтожен полно-

стью. В других местах пользу леса осознали еще до полного его уничтожения. Землевладельцы хотели обеспечить себя не только продуктами сельского хозяйства, но и древесиной и охотничьими угодьями. Это желание довольно рано привело к учреждению в Европе «заповедных» лесов.

Помимо этого, в связи с интенсивным развитием свиноводства поднялось значение дубовых лесов как мест для откорма. Кора дуба также ценилась как источник дубильных веществ: свое значение она утратила только после введения химических дубителей. Дуб стал благоприятствуемым деревом – его специально разводили подсевом желудей. Это привело к тому, что прежде редкий дуб в Средние века вытеснил бук и стал господствующей древесной породой во всей Средней Европе. Дуб – мафусаил среди деревьев, продолжительность его жизни достигает столетий. Еще и сейчас в Европе встречаются дубравы из старых, могучих деревьев, которые ошибочно называют «первобытными». На самом деле эти угрюмые гиганты, вдохновлявшие столетие назад поэтов-романтиков, были высеяны самим человеком с весьма прозаической целью – для откорма свиней.

В XVIII в. свиней стали откармливать в свинарниках. Качество свинины от этого сильно ухудшилось, но новый способ был более рентабельным, и дубовые леса утратили свое былое значение. Бук растет быстрее дуба, он более ценен как поставщик топлива; поэтому два столетия назад он начал вытеснять дуб из лесов. Но окончательного реванша ему взять все же не удалось. Во второй половине прошлого века в связи с добычей каменного угля цены на дрова упали и разведение бука стало нерентабельным. При этом, однако, увеличился спрос на деловую древесину. Этому лучше удовлетворяли хвойные породы. Лесная администрация предпочитает всем деревьям сосну и ель, посему из бореальных областей эти деревья двинулись на юг, вытесняя лиственные породы. В Средние века из-за неправильных рубок и особенно из-за пастьбы леса в значительной части деградировали в пустоши. Эти пустоши не заселялись вновь лиственными деревьями, а вот неприхотливые к почвам сосна и ель селились на них с охотой. Кроме того, семена хвойных (созревшие еловые и сосновые шишки) собирать куда легче, чем семена большинства лиственных пород. А это, в свою очередь, существенно облегчало лесопосадки.

К началу XVIII в. в результате порубок и стравливания скотом почти все европейские леса были низведены до парков или зарослей кустарников. Возник острый дефицит древесины. Лиственные леса еще оставались, правда, в отдельных горных областях, так как при транспортных средствах того времени их древесина была человеку недоступна. Но и их не оставили в покое: горные леса были использованы для углежжения и получения поташа. Древесный уголь употреблялся для выплавки железа, поташ – в производстве стекла и мыла. В связи с этим стекольные и железнодорожные заводы располагались непосредственно в горных областях.

Однако несмотря на дефицит древесины для топлива и строительства, организация лесного хозяйства долгое время не налаживалась. Только в начале прошлого века началось промышленное высеивание и разведение леса. Лесопосадки хвойных пород куда рентабельнее, чем бука или дуба, период хозяйственного оборота для них значительно короче, то есть хвойные дают с определенной площади и за определенное время значительно больший прирост древесины для рубки, чем лиственные деревья. Наибольшую прибыль давала ель, а на плохих почвах, где она не росла, – сосна.

Луговое пастбищное хозяйство стало нерентабельным с переходом к кормлению скота в помещении. Бывшие луга либо засевались культурными растениями – превращались в сельскохозяйственные поля, либо, если почва для этого не подходила, запускались. Запущенные, без выпаса, луга закустаривались, но чаще сюда заносились легкие семена хвойных. На месте луга вырастал сосняк или ельник.

С началом скотоводства пасторальная ретрогрессня усилилась главным образом потому, что домашний скот значительно уступает дикому в продуктивности: для того, чтобы прибавить в весе, скажем, на 1 кг, корове или козе нужно съесть больше травы, чем дикой косуле или антилопе. Из этого следует, что домашний скот причиняет больше ущерба естественной растительности. С переходом к откармливанию скота в помещении пасторальная ретрогрессня, однако, не сократилась: лиственные деревья шли на корм скоту. Из коры приготовляли пойло, облиственные побеги срезали и высушивали – из них готовили веточный корм в виде веников. Одна корова весом в 150 кг съедала за зиму 1000 таких веников по 1 кг каждый. Считается, что исчезновение в Средней Европе в голоцене таких лиственных пород, как вяз, ясень, дуб, и замена их хвойными связаны с изготовлением веточного корма для питания животных в суровые холодные зимы. Помимо веток, для содержания скота использовали лесную подстилку: опавшие листья, лесные травы, мхи. Из-за этого лесные почвы стали такими бедными, что лиственные породы уже не могли на них расти. На них селились менее требовательные к почвам хвойные.

В лиственных лесах почва лучше, поэтому человек корчевал главным образом их, хвойные же оставлял на древесину. Все это привело к тому, что облик лесов в Европе изменился до неузнаваемости. Двести лет назад хвойные деревья составляли здесь только 2,5% на облесенных территориях, остальные 97,5% приходились на лиственные деревья. К середине прошлого века доля хвойных возросла на 20%, а к концу – до 40%. Сейчас хвойные уже составляют более половины европейских лесных пород, в некоторых областях они почти полностью вытеснили лиственные. Процесс этот продолжается и в наши дни.

Отметим, что из растений средней полосы хвойные наименее совершенны. Они, по существу, приспособлены к северному климату, к морозам и бедной почве. За это приспособление они расплачиваются слабой древесиной. Причем при переселении в более благоприятные условия качество древесины не улучшается. Поэтому в сосняках, ельниках, лиственничниках нередки буреломы.

Значит, выходит, что человеческий (антропогенный) фактор сукцессии следует считать регрессивным: более эволюционно продвинутые лиственные деревья вытесняются древними и примитивными хвойными. Да, это было бы так, но нашествие хвойных на лиственные идет параллельно с другим, более значимым процессом – наступлением человека на лес как таковой, или с антропогенной ретрогрессией.

Лес – это не поле, где выращивается древесина, а биоценоз. Искусственные насаждения сосны и ели в местах, в прошлом не свойственных этим видам, привели к нежелательным последствиям. Ухудшилась почва, деревья были плохо защищены от невзгод, страдали от насекомых и заболеваний. Искусственно насаженные леса скоро становились нездоровыми, вырождались. Чтобы спасти их, разрабатывались специальные методы ведения лесного хозяйства; «рациональное», то есть прибыльное лесоводство заменялось «естественным», основанным на создании условий, имитирующих природные биоценозы. Но несмотря на новую методику, рентабельность производства древесины почти не увеличивалась. Падало значение для человека леса как источника древесины. Лесное хозяйство приходило в упадок.

Правда, за лесом сохранялись и поныне сохраняются еще и другие функции, – в частности, общественная: общение с природой доставляет радость, лес – любимое место отдыха, особенно горожан. Однако в целом «урожай» дикой природы существенно ниже, чем на фермах и даже на колхозных полях. Древнему человеку требовалась довольно большая территория, чтобы обеспечить себя пищей. Например, одному кочующему охотнику-собирателю в течение года нужно было обшарить 25 кв.км, чтобы не умереть с голоду.

При переходе к оседлой жизни, к земледелию и скотоводству, территориальные потребности человека снизились. Культурно возделываемая площадь величиной в 25 кв.км может прокормить уже не одного, а около семи тысяч человек!

Но население росло еще в больших масштабах. Вдобавок к интенсификации сельского хозяйства площади пахотных земель продолжали увеличиваться. Следовательно, сокращались площади лесных массивов.

Когда горят леса

Какое стихийное бедствие может сравниться по драматизму с лесным пожаром? На корню горят и стволы вековых деревьев, и молодая поросль. От огня не уйти ни зайцу, ни лесному хищнику. Спасаясь от пожара, животные массами бросаются в реки и тонут. Птицы могут перелетать через реки, но гнезда вместе с птенцами, погибают в огне. Те мелкие грызуны, которые могут спастись под землей в норах, выйдя после пожара на поверхность в поисках пищи, найдут там только обгорелые пни и выжженную, покрытую пеплом землю. Им суждено будет умереть голодной смертью.

Пожары, особенно в засушливые периоды, могут охватывать огромные территории. Например, в 1915 г. пожары в Восточной Сибири, начавшиеся весной, с необычной силой продолжались все лето и охватили площадь в 1 600 000 кв.км в пределах Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний и юго-западной половины Якутии.

Причиной лесного пожара может быть молния, но с появлением человека частота пожаров во много раз возросла – огонь стал средством целенаправленного уничтожения леса. Первобытный человек охотился в основном в саваннах, а не в лесах, как часто полагают. Поэтому сжигание лесов означало отвоевывание у них охотничьих территорий. Но особенно усилилось целенаправленное выжигание лесов с появлением животноводства для пастбищ и земледелия для пашен. Например, в Приамурье только за первые 70 лет после появления там земледелия было выжжено 45% лесной площади.

Пожары часто возникали и непреднамеренно – от оружейных пыжей, оставшихся после выстрела, от паровозных искр.

Последствия лесных пожаров весьма велики, но, как оказывается, недолговременны. В Великобритании после грандиозного пожара, случившегося в Дорсетских верещатниках в засуху 1976 г., исчезла вся наземная растительность. В следующем, 1977 г., на выгоревшую территорию уже проник папоротник, из выживших корней вереска проросли молодые побеги, появилась поросль из семян трав, занесенных ветром. Теперь на этой местности уже едва ли можно обнаружить следы пожара: флора почти полностью восстановилась.

На гарях в первые же годы после пожара хороший урожай дают ягодники, формируется богатый травяной покров. Он, в свою очередь, создает благоприятные условия для полевок, следом за которыми приходят горностаи, колонки и другие хищники. Вместо рябчика, обитавшего в сгоревшем темнохвойном лесу, на зарастающей гари селятся белая куропатка и тетерев (последнего в народе местами даже зовут «пальником», от слова паль, то есть гарь). Затем, с появлением кустарников и низкорослых деревьев гари становятся привлекательными для зайца-беляка, лося, марала и косули. На земле, удобренной золой, повышается плодовитость растений.

Пожары уничтожают растения-паразиты, а также не только полезных, но и вредных животных. Если леса долго не горят, короеды – насекомые, грызущие кору, разводятся часто в таком обилии, что заболевают сплошь все деревья. Велика роль пожаров в формировании флоры тайги. Ель как более сильный конкурент вытесняет сосну. Но сосна устойчивей к пожарам, ее крупные стволы хотя и обгорают, но сами деревья при этом остаются живы.

Ель же сгорает до тла. Поэтому если бы не периодические пожары, на севере ель полностью вытеснила бы сосну; светлые сосняки и кедровники уступили бы место мрачным и темным ельникам. Это значит, что если бы не пожары, не человек и не дикие копытные, большая часть европейского и азиатского севера заросла бы глухими темнохвойными лесами – еловой тайгой, а средняя полоса – мертвопокровными (то есть такими тенистыми, что в них не растут травы) буковыми лесами. Эти деревья могут вытеснить не только другую древесную растительность, но и большую часть луговых трав: только на бедных песчаных почвах в восточной части Европы кое-где еще сохранится сосна, безлесными останутся лишь болота и изредка поймы рек.

Значит, пожары, как мы выяснили, играют немаловажную роль в формировании и поддержании лесного сообщества: они осуществляют как бы санитарную оздоровляющую функцию.

Что такое реликт?

Однажды летом, ожидая друга в венском городском парке «Бельведер», я, сам того не желая, занялся флористическими наблюдениями. «Бельведер» выдержан в строгом французском регулярном стиле; кусты и деревья ровно подстрижены, трава на газонах скашивается в течение лета не менее пяти раз. Как я заметил в тот раз, с последнего укоса прошло, судя по высоте травы, недели две. Однако некоторые растения успели уже зацвести. Разглядывая молодые соцветия, я вдруг обратил внимание на один любопытный факт: все цветущие травы принадлежали к наиболее высокоорганизованным группам растений, главным образом, астроцветным и аралиевым. Я не поленился потом отыскать в парке закоулок, где траву не косили. Там пышно цвели лютики, крапивы, клевера и другие примитивные растения. Значит, на покосах, то есть в тех местах, где вмешательство человека в сообщество трав проявляется сильно, могут выдержать конкуренцию и прижиться только самые эволюционно продвинутые формы. Остальные гибнут, глохнут.

Но даже лютики и крапива – низшие среди трав – по уровню организации куда сложнее самых совершенных деревьев! Травы в мире растений – это вообще более высокая ступень развития.

Теперь представим себе, что укосы стали повсеместными; на Земле не осталось более диких, нескашиваемых лугов. Легко предвидеть, что в этом случае примитивные травы – лютики, крапивы, клевера – скорее всего заглохнут, погибнут, исчезнут с лица Земли. Растения же более совершенные, такие, как уже упомянутые представители семейств астроцветных и аралиевых, не только сохранятся, но, избавившись от конкурентов, окажутся в преимуществе.

Почему же на одни организмы изменения, производимые человеком (в данном случае укосы), действуют губительно, а на другие – благотворно? По той же причине, по которой одна и та же небольшая нервная или физическая встряска может поднять тонус и увеличить работоспособность здорового человека, но убить больного и слабого. Натиска цивилизации не выдерживает лишь тот организм, который *уже* вымирает, который не способен выдержать вообще *никакого* более или менее сильного внешнего воздействия.

Истреблению легко поддаются *реликтовые* виды, те, которые уже естественным образом находятся на пути к вымиранию. Например, вся история овцебыка, уничтоженной в 1765 г. стеллеровой морской коровы, да и всех других исчезающих и исчезнувших животных и растений, – это история постепенного и неуклонного вымирания. Человек в данном случае не уничтожил вид своей злою волей, он лишь разбил последний кирпич, оставшийся на месте уже рухнувшего здания.

Какие виды растений или животных мы называем реликтовыми? Чтобы понять значение этого слова, надо отойти ненадолго в область теории. Все организмы в процессе эволюции приспосабливаются к окружающей среде. Это условие их выживания: неприспособившиеся вымирают. Но среда, в которой существуют организмы, всегда определенна, конкретна, уникальна. Уникальные условия обитания требуют таких же уникальных признаков приспособления. Поэтому когда условия жизни изменяются (а когда-нибудь они так или иначе изменятся, скажем, холоднее или суше станет климат, кислее почва и т.п.), приспособиться к ним становится непросто. Не все переживают подобные перемены, многие, чаще большинство, вымирают. При этом обнаруживается следующая закономерность: те организмы, которые были лучше приспособлены именно к конкретным, уникальным условиям, изменения переносят с наибольшим трудом. Чаще всего они вымирают. Вот такие узкоспециализированные, лишенные дальнейших перспектив развития, вымирающие в конечном счете формы мы и называем реликтовыми.

Лик Земли все время меняется. В отдельных местах – естественных заповедниках, или *рефугиях*, – условия могут оставаться неизменными на протяжении многих миллионов лет. В таких местах чаще всего встречаются «живые ископаемые», или реликтовые виды растений и животных. Но век их измерен. Придут перемены, исчезнут рефугии, и вымрут реликтовые виды. Впрочем, беды большой тут нет: все эти виды не прогрессивны, в формировании современного биоценоза Земли (биосферы) они фактически уже не участвуют. Это запоздавшие в своем развитии виды, они приспособлены к среде, не соответствующей нынешней, потому они неконкурентоспособны. В той жесточайшей битве за жизнь, в которую неизбежно вступает живое существо, им не выйти победителями.

Чем мощнее и быстрее преобразуется ландшафт, тем реже на нем встречаются формы реликтовые и тем чаще, соответственно, формы новые, тем богаче и разнообразнее в целом флора и фауна этого ландшафта. Потому для ботаника самые интересные места на Земле – это не «девственные» бореальные лесные массивы Голарктики[1], не тайга и не тундра, а именно участки, максимально видоизмененные человеком: городские скверы, участки лесных разработок, зеленые полосы вдоль железных и автомобильных дорог и т.п.

Каждый ботаник также знает, что самые бедные видами сообщества формируются в наиболее благоприятных природных условиях. В этом случае немногие более сильные, доминантные растения вытесняют слабых, захватывают у них все жизненные ресурсы. Так происходит в частности, в заповедных зонах или на искуственно удобряемых почвах. Совсем иная картина складывается на измененных вмешательством человека участках. Здесь место находят все. Поэтому разреженные леса пригородной зоны всегда богаче видами, чем сомкнутые и изолированные от воздействия антропогенного фактора сообщества. То же и на лугах. При умеренном выпасе число видов трав будет выше, чем на сенокосе или, тем более, при заповедном режиме. Ученые давно осознали ту истину, что подлинная охрана животных и растений заключается не в создании для них органических заповедных территорий, а прежде всего в создании *перспектив их дальнейшего развития*. А приходят такие перспективы с *преобразованиями* природных ландшафтов. При этом отдельные организмы и даже целые группы, конечно, вымирают. Но вымирание здесь закономерно, ибо история каждого вида имеет свое начало и свой конец.

В начале статьи мы рассмотрели пример автогенной (движимой имманентными, присущими самой экосистеме, факторами) сукцессии: зарастание речной

---

1 Голарктика – флористическая область суши, занимающая внетропическую часть Северного полушария, южная граница которой проходит примерно по тропику Рака. – Ред.

террасы будет происходить, в общем, независимо от внешних воздействий. Разумеется, воздействия эти, такие, как климат, качество почвы и другие, могут существенно повлиять на скорость и другие особенности сукцессии (если, к примеру, за ближайшим плесом поселятся бобры, то никакого зарастания, по всей вероятности, вообще не произойдет). Конечная стадия развития эндогенной сукцессии – климакс. Здесь более всего необходимо сильное внешнее воздействие: если же ничто не выведет сообщество из состояния климакса, оно начнет дегенерировать.

Эти же закономерности справедливы для развития самого большого сообщества на Земле – биосферы. Если бы на протяжении геологической истории на биосферу периодически не воздействовали мощные внешние факторы, подчас даже драматические, такие, как температурные колебания, дрейф континентов, изменение состава атмосферы и концентрации веществ в мировом океане, наступление ледников и прочее, нынешнее население нашей планеты было бы представлено разве что примитивными микроорганизмами.

В настоящее время мощнейшим преобразующим биосферу фактором стал, конечно, человек, потому и фактор этот называют антропогенным. Отличие его ото всех прежде действовавших на Землю и биосферу влияний состоит в *разумности*. Человек не просто воздействует на природу, но и оценивает результаты своего воздействия, старается предвидеть их, чтобы избежать нежелательных последствий.

И тем не менее нельзя воздействовать на природу, не преобразуя ее. Действие антропогенного фактора неизбежно приводит к вытеснению, замене одних типов сообществ другими: вторые процветают, становятся доминантными, первые постепенно вымирают, превращаются в реликты.

К этой вымирающей группе сообществ относится и лес: теперь, на измененном деятельностью человека лике Земли, для леса не остается места, – лесные биоценозы превращаются в реликты; параллельно усиливается роль травянистых, луговых сообществ (как диких, так и культурных). Всем, наверное, известно, что такое «Красная книга». В нее заносятся вымирающие организмы. Заглянем туда. Мы не найдем здесь ни одного представителя процветающих, прогрессивных групп. Вымирающие формы – это «живые ископаемые», реликты. Вспомним, что 300 миллионов лет назад, в каменноугольном периоде, Землю населяли леса древовидных папоротников, которые были намного мощнее и гуще современных лесов. Но они вымерли. Теперь пришло время их потомков – хвойных и лиственных лесов. По сути дела те стадии ретрогрессии, которые мы разобрали выше (пасторальная и антропогенная ретрогрессия), и есть стадии, этапы их вымирания.

Отмечу еще, что человек не только истребляет, но и поддерживает многие вымирающие, реликтовые виды (что остается, однако, за пределами поля зрения экологистов). Может быть, читателю знакомо очень красивое невысокое дерево гинкго с оригинальными веерообразными листьями. Братья и сестры этого растения вымерли еще в юрском периоде, двести миллионов лет назад, во времена царства гигантских ящеров. Остатки гинкго сохранились только на отдельных небольших участках в Китае и Японии. Возможно, это дерево уже давно бы вымерло, если бы не привлекательная для человека ажурная крона. Благодаря ей этот вид ныне распространен чрезвычайно широко. Таких примеров можно было бы привести еще очень много. Полагаю, что хранимых, лелеемых человеком реликтов в современной флоре и фауне намного больше, чем видов, вымерших «по его вине».

Ноосфера и лес

Сторонники движения в защиту окружающей среды хотят представить проблему вырождения природы, гибель леса как сугубо актуальную, сопряженную с бурным научно-техническим прогрессом сегодняшнего дня, с инду-

стриализацией и химизацией. Но вот передо мной известный рассказ А.П.Чехова «Свирель». Приведу из него несколько выдержек:

«– Все к одному клонится, – сказал пастух, поднимая вверх лицо. – Летошний год мало дичи было, в этом году еще меньше, а лет через пять, почитай, ее вовсе не будет. Я так примечаю, что скоро не то что дичи, а никакой птицы не останется...

Меньше стало и всякого зверька. Нынче, брат, волк и лисица в диковинку, а не то что медведь или норка. А ведь прежде даже лоси были!.. Рыба теперь совсем не та, что была. И в морях, и в озерах, и в реках рыбы из года в год все меньше и меньше... а погоди немного, так и совсем рыбы не будет. А взять теперя реки... Реки-то небось сохнут!

– И леса тоже... – повторил пастух. – И рубят их, и горят они, и сохнут, а новое не растет. Что и вырастет, то сейчас его рубят; сегодня взошло, а завтра, гляди, и срубили люди – так без конца-краю, покеда ничего не останется... Лет сорок я примечаю из года в год Божьи дела и так понимаю, что все к одному клонится.

– К чему?

– К худу, паря. Надо думать, к гибели... Пришла пора Божьему миру погибать».

Подобные же слова вложены в уста земского доктора Астрова в чеховской пьесе «Дядя Ваня»:

«– Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все безобразнее».

Не правда ли, звучит как будто вполне современно, хотя рассказ написан более ста лет назад – в 1887 г., а пьеса двенадцатью годами позднее. Впрочем, то же самое мог бы сказать, к примеру, и Карамзин, еще на столетие раньше. Похоже, что человек всегда был склонен воспринимать свою собственную деятельность как нечто враждебное дикой природе. Однако расхожее обывательское представление, что «природа отступает под натиском культуры», на самом деле прикрывает явление обратного порядка: природа гибнет не от культуры, а от бескультурья, от хищнического истребления.

Сэр Томас Хаксли писал: «Наука совершает самоубийство, когда она принимает что-либо на веру». Ученый верит только фактам; он волен строить гипотезы и выдвигать теории, но он не имеет права становиться перед ними на колени. В этом и состоит отличие науки от ненауки. Но очень, очень часто псевдонаучные идеи облекаются во внешне научную, лучше сказать, наукообразную форму. Таков, в частности, один из парадных тезисов экологистов: «Уничтожение человеком хотя бы одного вида живых организмов, а тем более целого сообщества (к примеру, лесного), неизбежно приведет к сдвигу, к нарушению господствующей в природе гармонии. Следствие такого нарушения – экологическая катастрофа большего или меньшего масштаба».

Рассмотренный тезис теологичен по существу своему поскольку предполагает наличие некой идеальной, первозданной (то есть созданной высшим разумом) гармонии в природе. И нечего человеку – низшему существу – совать туда руки!

Но, как мы уже знаем, система живой природы отнюдь не идеальна и далеко не гармонична. Не взаимная слаженность и братство живых организмов, а постоянная кровавая борьба – борьба не на жизнь, а на смерть – господствует в ней. Именно эта борьба, это отсутствие слаженности, гармонии дает толчки к непрерывным изменениям, к перестановке слагаемых в системе биосферы. Природа постоянно изменяется, и уже поэтому, через четыре миллиарда лет после рождения, она никак не может быть первозданной.

Все великие преобразования Земли сопровождались массовыми преобразованиями растительного и животного мира. Каждый новый процветающий вид, утверждаясь, вытесняет другие, отвоевывает себе территорию (или, как говорят ученые, экологическую нишу). Ныне самый процветающий вид на

Земле – человек. И он, развиваясь и умножаясь, также должен отвоевывать у других видов, в частности, у древесных растений, экологические ниши.

Следует еще учесть: природа – это система, которую человек сам не строил. Поэтому понять ее ему бывает не легко. Приходится учиться на своих же ошибках; прежде чем осознать, как и чем пользоваться, подчас приходится что-то разрушить частично и снова восстановить.

«Человечество закономерным движением... со все усиливающимся в своем проявлении темпом охватывает всю планету... как новая небывалая геологическая сила», – писал Владимир Николаевич Вернадский. Он же ввел в употребление два новых термина: *биосфера* и *ноосфера*[1]. Биосфера – это живая оболочка Земли, подобно тому как литосфера – оболочка минеральная, гидросфера – водная и атмосфера – воздушная. Ноосфера – сфера разума, самая новая и самая мощная геологическая сфера. Она возникла, когда человек перестал мыслить только в рамках своей личности, семьи, рода, когда разум его поднялся до планетарного уровня, когда он осознал себя жителем Земли, частью биосферы, когда он понял, что его собственное существование есть функция биосферы. Сама биосфера, то есть жизнь в широком понимании, определяет и подчиняет себе все другие планетарные процессы. Ноосфера – это, в свою очередь, высшая форма развития жизни, она подчиняет себе все другие процессы, включая жизненные, таким образом, подчиняет природу. Такова центральная идея учения Вернадского.

Судьба человека, его существование зависит прежде всего от общей продуктивности биосферы. Основной фактор этой продуктивности – конечно, солнечный свет, энергию которого растения используют для синтеза органических веществ. В солнечной энергии недостатка нет, но растения поглощают не более 0,1–0,2% лучей, падающих на Землю. Есть еще и другие ограничивающие факторы. Прежде всего это слабая продуктивность лесов. Гибель значительной части лесов снимает проблему: увеличиваются площади лугов и полей, последние же дают больше продукции, то есть синтезируют больше органических веществ. Ведутся работы по селекции культурных растений, усваивающих до 10% энергии солнечных лучей – в 50–100 раз больше чем леса!

Ныне говорят о нарастании значения «человеческого фактора» в биосфере. *Количественный рост* населения Земли, или «популяционный взрыв», – только одна сторона этого явления. Еще значимее качественный рост – увеличение потребностей человека. Оно происходит одновременно с прогрессом техники, науки, культуры. Возникает естественная задача – не только сохранять, но и преобразовывать биосферу в интересах человечества. Медленная, естественно-природная эволюция биосферы не соответствует стремительно растущим потребностям человечества. Вследствие этого ноосфера должна воздействовать на природную среду, преобразуя ее в своих интересах, чтобы обеспечить свой энергетический потенциал. Осуществлению этой задачи служат повышение продуктивности сельского хозяйства, правильное и рациональное использование пахотных земель, разработка богатых ресурсов мирового океана и... вырубка леса на большой территории Земли. Не осуществив все это, мы никогда не сможем решить энергетическую проблему.

Безусловно, бездумная вырубка лесов, осушение болот, неумеренная пастьба и прочие необдуманные вмешательства человека в природу приво-

[1] В литературе термин «ноосфера» впервые появился в 1927 г. в трудах ученика Анри Бергсона, французского философа Леруа и его соотечественника – богослова и антрополога Пьера Тейяра де Шардена. Однако сами они стали пользоваться этим понятием после посещения ими лекции Вернадского в парижском College de France в том же 1927 г. Замечу также, что и Леруа, и Тейяр де Шарден (научные заслуги которого, как правило, сильно преувеличиваются) вложили в этот термин довольно туманное содержание, сильно исказив и выхолостив при этом учение Вернадского.

дят к нежелательным, подчас катастрофическим последствиям, как то: эрозия почв, их осушение (ксерофитизация) и опустынивание. К такому же результату приводит и неправильное землепользование. Например, если крестьянин распахивает склон холма вдоль его направления и засаживает его пшеницей, почва уже через два-три сезона будет смыта полыми водами, участок потеряет плодородие, а крестьянин разорится. Если же он вспашет землю поперечно к склону и засеет ее чередующимися полосами пшеницы и кукурузы – плодородие сохранится на долгие годы. Так же обстоит дело с вырубкой леса. На месте вырубки следует, во всяком случае поначалу, высаживать сады или влагоудерживающие культуры, такие, как подсолнечник и кукуруза. Агроном из Коста-Рики Р.Харт предложил почти фантастический вариант экономического использования земель в зоне тропических лесов: он разработал севооборот длительностью в 50 лет! Вначале на месте вырубленных лесов высаживают сорго, кукурузу, маниоку и банан, далее, в этом же году, сорго, кукуруза и маниока исключаются, а в междурядья банана высаживают кокосовую пальму, какао и каучуконос гевею. Банан исключают в середине второго года, кокосовую пальму вырубают через 10 лет, а двухярусный искусственный лес из какао и гевеи продолжает давать урожай еще в течение сорока лет.

Но непосредственное истребление лесов – только одна сторона деятельности человека. Обширные лесные массивы Европы и Северной Америки раздроблены на многочисленные мелкие участки, перемежающиеся полями, дорогами и поселками. Изоляция в природе – фактор огромной важности. Благодаря ей возникает своеобразие, уникальность жизни. Поэтому если по площади современные леса и уступают лесам прошлых веков, то по разнообразию они их значительно превосходят!

Человек меняет облик леса: прокладывает дороги, вырубает просеки. На обочинах просек скапливается вода, весной здесь раньше всходят травы. Птицы и другие животные приходят сюда на водопой, зайцы-беляки – на кормежку. Лесозащитные полосы покруг шоссейных и железных дорог – прекрасные места для гнездования. Даже линии электропередач используются птицами как дозорные пункты. Интересно, что в связи с этим изменились даже маршруты перелетов некоторых птиц: они тянутся вдоль линий высоковольтных передач.

С отступлением леса уходят на север его обитатели: лось, заяц-беляк, белка, глухарь, тетерев. Зато увеличивается площадь распространения обитателей лугов: полевого жаворонка, дрофы, стрепета, серой куропатки, перепела, диких гусей и уток.

Человек также изменяет флору, занося в нее (случайно или преднамеренно) чужие виды. Эти чужаки нередко размножаются с катастрофической скоростью, вытесняют формы автохтонные и становятся подлинным бедствием. Всем, наверное, известно водное растение элодея, или «водяная чума». Она была завезена в Европу из Америки только 150 лет назад, теперь же это самое распространенное у нас водное растение. В целом же доля синантропных (занесенных человеком) видов растений в Европе составляет 16%.

Семена растений распространяются ветром, а также птицами, зверями и другими животными. С наступлением эры человека многие растения приспособились к распространению при его посредничестве. Например, всем знакомая пахучая ромашка растет почти исключительно вдоль дорог; связано это с тем, что семена ее распространяются, прилипая к шинам проходящих автомобилей (в прошлом – к колесам телег и карет). Другой известный пример – кокосовая пальма. В популярных книжках и даже в учебниках ботаники описывают, как зрелые кокосовые орехи падают с растущих на побережье пальм в воду, разносятся морскими течениями и, прибиваясь где-нибудь к другим островам или материкам, прорастают. Такие описания относятся к области

фантазии. На самом деле кокосовая пальма как ценнейшая для человека культура целенаправленно и преднамеренно культивируется им самим.

Культурные ландшафты, железнодорожные насыпи, города, каналы, водохранилища – все преобразованные человеком большие и малые участки земли и искуственные водоемы населены совершенно особой, своеобразной флорой и фауной. Уникальное население возникает не только в городских садах и парках, но даже... на городских кладбищах. В последние годы появились даже научные изыскания на эту тему. Сами же современные города являют собой настоящие птичьи питомники. Население подкармливает пернатых, вывешивает скворечники и дуплянки. Иногда уже при постройке домов в их стенах, выходящих в сад, оставляются специальные ниши для гнездования скворцов, синиц, горихвосток и других частых обитателей городов. Птичье население городов сейчас по плотности и разнообразию не уступает лесному. Исследование орнитофауны Казахстана, к примеру, показало, что 21 вид птиц (13% от всех гнездящихся в этом регионе) предпочитает города, а 17 из них вообще не могут обитать вне жилища человека. Орошенные земли привлекают птиц, которые раньше в этих областях не водились: сов, журавлей, степных орлов, жаворонков, куропаток и других.

Даже отвалы пустых пород, то есть отработанные шлаки, сопровождающие строительство разного рода шахт, постепенно зарастают травой. Такую восстановительную сукцессию можно ускорить, покрывая отвалы тонким слоем почвы, внося удобрения, подсевая устойчивые к этим условиям виды трав. Возникла отдельная область науки, изучающая зарастание и использование пустых и промышленно загрязненных пород, называется она индустриальной геоботаникой.

Механизация сельского хозяйства оказалась благоприятной для животных. Ручная коса (литовка) заставала зверей и птиц, затаившихся в гнездах и на луговищах, врасплох; тракторная косилка наносит меньше урона, выпугивая животных своим шумом.

Гибель леса, возможно, может привести и уже приводит ко многим результатам, о которых экологисты и не подозревают. Смыв питательных веществ с почвы лугов и полей больше, чем с почвы лесов (но он уравновешивается большей продуктивностью трав по сравнению с деревьями: луга больше производят, но и больше отдают). Куда смываются эти вещества? В ручьи, реки, а из них в моря, океаны. Продуктивность мирового океана в несколько раз превосходит продуктивность суши, но есть вещество, в котором морские и вообще водные организмы испытывают постоянный дефицит. Это прежде всего азот. Бактерии, продуцирующие азотсодержащие соединения, живут в почве. В воде их очень мало. Но азот – один из основных химических компонентов молекулы белка: жизнь без него невозможна.

Откуда получают азот морские организмы? Из почвы: их вымывает и приносит вода. Только треть продуцируемого в почве азота используется наземной растительностью, остальные две трети смываются в моря. Помимо этого, в лесах почвы кислые, а бактерии, улавливающие атмосферный азот, в кислых почвах не живут. Следовательно, роль продуцентов азота – этого важнейшего элемента жизни – играют луга. Значит, и моря, и леса в этом отношении находятся как бы на иждивении у полей и лугов. Отсюда следует, что увеличение площади лугов (и сокращение лесов) способствует усилению стока азота в море, что, в свою очередь, повышает продуктивность морских организмов. Для будущего человечества это может иметь колоссальное значение: с постоянным ростом населения Земли все более реальной становится необходимость использования морей и океанов как источника питательных веществ.

Лес – поставщик древесины, ценнейшего промышленного сырья. Уничтожая лес, человек этого сырья лишается. Но надо учесть, что нормальный дикий лес, или, выражаясь по-научному, многовидовой и разновозрастный древо-

стой, малопродуктивен и нерентабелен. Саженый лес, состоящий из геометрических рядов похожих друг на друга, как близнецы, деревьев одного сорта и одного возраста, весьма продуктивен, хотя прогулка по нему может доставить эстетическое удовольствие разве что самому лесопроизводителю. Поэтому можно себе представить, что в будущем произойдет разделение лесов на «дикие», подобные нетронутым уголкам живой природы, – они будут служить для отдыха, охоты, научных исследований, – и технические, служащие исключительно для производства древесины. Подобное разделение будет, по всей вероятности, подобным нынешнему разделению культурных растений на декоративные (цветы, городские зеленые насаждения) и сельскохозяйственные (зерновые, бахчевые, плодовые деревья и пр.).

Судьба зеленого реликта

Экологисты с неустанным рвением отстаивают право леса на существование, защищают его от рубок, поскольку именно в нем они видят некий нетронутый цивилизацией участок живой девственной природы. Но, как писал выдающийся русский эколог, писатель и художник-анималист Александр Николаевич Формозов, «...уголков девственной природы в полном смысле этого слова не существует. За многие тысячелетия с тех пор, как человек стал человеком, он уже успел внести заметные изменения в жизнь любых участков Земли». Как мы уже упоминали, человек стал человеком только после того, как он окончательно расстался с лесным обиталищем и перешел к жизни на открытых пространствах. Бывали, правда, случаи возвращения отдельных групп людей в леса, однако потомки их неизменно вымирали. Так происходит и в наши дни с пигмеями Конго. Они не способны существовать вне леса, их невозможно приобщить к цивилизации. Сейчас ученые вынуждены были придти к мрачному прогнозу: пигмеи обречены на вымирание. К тенденции роста современного общества приспособиться они не могут.

За три миллиона лет существования человек в корне изменил облик Земли. Перечислим основные изменения, внесенные им в окружающий мир:

1. Увеличение продукции углекислоты и азота – условий роста зеленых растений, наземных и водных.

2. Усиление продуктивности наземной растительности (вследствие смены малопродуктивных древесных более продуктивными травянистыми и особенно культурными растениями).

3. Увеличение потребления кислорода (в основном, в результате сжигания топлива).

Все эти процессы строго взаимосвязаны: избыток углекислого газа и азота обусловлен увеличением продуктивности фитомассы (всех зеленых растений Земли); это, в свою очередь, приводит к усилению продукции кислорода, – возможно, атмосфера стала бы им пересыщена, если бы не деятельность человека – сжигание огромных масс топлива; наконец, увеличению продуктивности фитомассы и усилению выработки азота способствует замена лесов лугами и сельскохозяйственными полями. Поскольку все эти явления взаимосвязаны, все они – звенья одной цепи сукцессии, все они в одинаковой степени необходимы. Разобьем одно звено – порвется вся цепь. Но гибель леса – одно из таких необходимых звеньев. Значит, не в гибели леса – грозящая катастрофа. Напротив, как ни парадоксально это звучит, к катастрофическим последствиям может привести как раз упрямое сопротивление этому процессу.

Я вполне понимаю, более того, даже разделяю тот стихийный протест, который возникает у человека при мысли о перспективе «полного культурного преобразования земной поверхности». Что сможет заменить в таком случае то отдохновение, которое дает нам общение с дикой природой? Где найти еще человеку такое уединение, такую свободу, такой покой? Останет-

ся разве что приобрести собственный батискаф и нырять в нем на дно морское. Но и туда ведь когда-нибудь придет человек со своей цивилизацией!

Да, дикая природа, в особенности лес, нужны человеку. Но разве для того, чтобы человек смог удовлетворить свою потребность общения с лесами, ими должна быть покрыта большая часть земной поверхности?

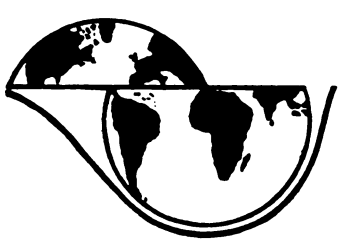
Проявляя свою обеспокоенность судьбою леса, экологисты пытаются предстать перед всем миром поборниками высшего гуманизма. Согласен: истинный гуманизм проявляется в милосердном отношении не только к человеку, но и к животным, даже к растениям. Но какая же дешевая демагогия – скорбеть о деревьях, вырубаемых под пашни и пастбища, когда две трети населения земного шара хронически недоедает, а около 500 миллионов просто-напросто голодает! Рост населения опережает расширение пахотных земель; подсчитано, что через 120 лет площадь обрабатываемых земель на душу населения сократится почти вдвое (с 0,4 га в наши дни до 0,20–0,25 га в 2100 г.). Уже сейчас во многих странах земли не хватает, и смертность от голода растет (особенно в странах Южной Азии). Препятствовать при таком положении дел расширению площадей пахотных земель, на мой взгляд, все равно что вырывать кусок хлеба из рук умирающего от голода.

Как можно представить себе биосферу, полностью преобразованную человеком или ноосферой? Прежде всего, в соответствии с ростом населения, сильно разрастется площадь городов, а культурные посадки – источник пищи для человека. Леса... они, конечно, тоже сохранятся: как лесопарки в пригородах – места прогулок и отдыха горожан, как охотничьи угодья, как заповедники – музеи живой природы, как лесозащитные насаждения. Диких лесов, не используемых человеком, практически на Земле скоро, наверное, не останется, как не осталось их уже в большинстве европейских стран.

*

По Вернадскому, основное свойство биосферы состоит в том, что «геохимическая биогенная энергия стремится в биосфере к максимальному проявлению». Для неспециалистов это определение звучит, возможно, туманно и запутанно. Перевожу: жизнь стремится к максимальному проявлению, к наибольшему преобразованию прочих сфер, ее космическая роль на Земле постоянно растет. Это положение Вернадский назвал Первым биогеохимическим принципом.

В соответствии с Первым принципом, вырубка и уничтожение леса означает не обеднение, а напротив, обогащение биосферы. Если рассматривать это явление в планетарном масштабе, гибель лесов – это безусловный прогресс!●



БУДУЩЕЕ ЛЕСОВ

Нисколько ие ново проклинать людей, с топорами направляющихся в леса. Еще Платон взирал на обнаженные холмы вокруг Афин и оплакивал некогда росшие там деревья. Новизна же заключается в том, что теперь люди стали прислушиваться к таким жалобам. Защитники природы – специалисты по охране окружающей среды, экологи, «зеленые» – превратили существование лесопромышленности в ад.

«Хаос» – таково, по мнению одного из экономистов, специалиста по лесному хозяйству, положение вещей в Северной Америке, которая является одним из крупнейших в мире производителей древесины. Североамериканской промышленности уже сейчас следует серьезно задуматься над причинами уменьшения природных запасов древесины, пригодной для вырубки. Кроме того, лесной промышленности нужно что-то делать с собственной необычной непопулярностью. Участники движения в защиту окружающей среды и специалисты по охране природы призывают бойкотировать некоторые породы древесины; дороги, по которым доставляется лес, время от времени блокируются или повреждаются, множество рабочих мест может исчезнуть из-за того, что лесная промышленность вынуждена снижать свою активность. В США – крупнейшем, как уже сказано, производителе лесной продукции – одним из результатов такого сворачивания активности становится нехватка лесоматериалов; улучшение ситуации может наступить не ранее 2010 г.

Сегодня лесная продукция приносит США до 190 миллиардов долларов в год. Вместе с обслуживающими и вспомогательными отраслями лесопромышленность определяет 4% валового национального продукта Америки, а на юге и северо-западе тихоокеанского побережья является фундаментом экономики этих районов.

Битва, развернувшаяся во всем мире между «зелеными» и лесопромышленниками, представляет собою столкновение новых идеалов и многовекового утилитаристского подхода к дереву. Древесина чрезвычайно высоко ценилась в древней Греции и Риме; в Афинах экспорт дерева был под запретом. По мнению некоторых историков, именно буйные леса средневековой Европы дали ей экономическое и материальное преимущество над арабами, когда христианство и ислам вели соревнование за мировое владычество.

До сих пор история отношения человека к лесу всегда включала главы о пагубных злоупотреблениях его богатствами. Обширные территории средиземноморских стран, Британии и значительной части Средней Европы к XVIII в. оказались начисто лишенными лесов. В XIX в. лихо вырубали леса в колониях. Гималайские кедры стали индийскими шпалами. А теперь дела обстоят еще хуже.

Александр Матер в своей книге «Мировые ресурсы леса» утешительно замечает, что на Земле еще сохраняется до 80% лесного массива, существовавшего до начала земледельческой эпохи. Цифры эти не столь обнадеживающи, какими они кажутся. С 1975 по 1985 г. планета утратила облесенные земли общей площадью, равной территории трех Британий. В наше время, если рассматривать мир как целое, среднестатистический человек для удовлетворения своих потребностей в древесине, бумаге и топливе, не считая побочных продуктов леса, таких, как лекарства и чистая вода, может рассчитывать на участок леса размером с футбольную площадку.

Во имя сов и т.п.

Не само уменьшение лесных площадей тревожит американских защитников окружающей среды. Новых лесопосадок предостаточно для количественной компенсации ущерба, причиненного вырубкой старых деревьев. «Зеленые» обеспокоены тем, что творится с природой при лесозаготовках и транспортировке древесины.

В частности, их волнует утрата древних лесов. В штатах Орегон и Вашингтон «зеленым» удалось привлечь общие симпатии к северной пятнистой сове. Для своих гнездовий этим пернатым нужны старые, выстоявшиеся леса. Стало быть, лесорубы ставят под угрозу их благополучие. По некоторым подсчетам, приостановка работ по лесозаготовке и транспортированию древесины в излюбленных местах обитания этой совы может повлечь за собой закрытие свыше 40 000 рабочих мест и означает потерю более 1 миллиарда долларов в год заработной платы.

После сов идет лосось. «Зеленые» усмотрели, что речные протоки, где лосось мечет икру, во время лесосплава зачастую повреждаются. Один из видов лосося на реке Колумбия «зеленые» намеревались включить в список животных, которым угрожает исчезновение. Их усилия смогли заставить компании по заготовке и переработке древесины в штатах Орегон, Вашингтон и Айдахо даже изменить технологический процесс на своих производствах.

Существует такое понятие как «биологическое разнообразие». «Зеленые» порицают промышленную практику замещения естественных лесов с разнообразной флорой монокультурными насаждениями. В Северной Америке смешанные леса, состоящие из пихты Дугласа, кедра, ели и дуба, часто вытесняются посадками одной лишь пихты Дугласа – породой, в особенности пригодной для строительных целей благодаря своему сравнительно небольшому периоду созревания (50 лет). Зеленые заявляют, что подобная практика делает леса уязвимыми для заболеваний и наносит ущерб лесной экосистеме. И в самом деле, восточный Орегон переживает нашествие еловой листовертки из-за того, что некогда росшие здесь сосны ponderosa были заменены более ценными, но менее паразитоустойчивыми породами деревьев.

В том, что частные компании совам предпочитают древесину, нет ничего удивительного. Гораздо большее негодование у американских защитников окружающей среды обычно вызывает Служба лесов и Бюро по управлению государственными и общественными землями, на долю которых в 1989 г. пришлось около 15% всей отечественной лесодобычи. Не требуется никаких особенных усилий и энергии, чтобы продать древесину по ценам, покрывающим затраты на ее производство. В действительности же большое количество лесоматериалов продается по ценам ниже себестоимости. Совы страдают, в накладе и американские налогоплательщики. Хуже всего обстоят дела с тонгассой[1] – холодными дождевыми лесами Аляски. От продажи этой экологически уникальной выстоявшейся древесины правительство выручило лишь 2% от величины затрат на подготовку леса к вырубке.

В докладе, опубликованном в мае 1990 г. группой под руководством сенатора Тима Уирта и Джона Хайнца, выражается протест против продажи леса по ценам ниже стоимости его добычи и доставки, что обошлось в 1989 г. федеральным налогоплательщикам в 365 млн. долларов. Часть денег, вырученных от продажи, пошла на прокладку новых путей доставки леса, и эти затраты часто превышают стоимость транспортируемой древесины. «Если бы Служба лесов была частной фирмой, – говорится в докладе, – стоимость ее

---

1 Названы по имени индейского племени, входящего в группу тлинкитов. – *Ред.*

2 Список крупнейших компаний, публикуемый журналом «Fortune». – *Ред.*

активов позволила бы ей находиться в первой пятерке списка Fortune-500[2], в то время как по величине своего чистого дохода она должна квалифицироваться как банкрот».

Позаботиться и о деревьях, и о древесине

Лесная промышленность некогда выглядела в глазах публики не лучшим образом. Сейчас положение вещей изменилось. Промышленность вынуждена была найти общий язык с защитниками окружающей среды. Некоторые компании стали прислушиваться к требованиям «зеленых». Усовершенствованная технология, предосторожности во время лесозаготовок и транспортировки древесины позволяют ныне извлекать из деревьев пользы больше, а вреда лесам наносить меньше.

Похожие на танки огромные валочно-трелёвочные машины с чем-то вроде гигантских садовых ножниц, установленных впереди, срезают под самое основание деревья, дошедшие до рыночной кондиции, и осторожно их складывают, стремясь не поломать молодые деревца, которые будут продолжать расти. Трелёвочные механизированные погрузчики, применяющиеся для вывоза из леса древесных стволов, оснащены сверхширокими гусеницами или шинами повышенного габарита, чтобы снизить давление на лесную почву и тем самым уменьшить опасность ее повреждения. В некоторых районах Канады вернулись к использованию лошадей для вывоза бревен из леса там, где машины могли бы нанести ущерб.

Согласно технологии, называемой «новое лесоводство», после лесозаготовительных работ должны оставаться отдельные взрослые деревья, мертвые, выбеленные солнцем стволы и обычный лесной подстил. В результате подрастающие деревья оказываются в условиях, мало чем отличающихся от последствий естественных лесных пожаров или бурь: лес может их пережить. И птицам такой лес нравится.

Лесопильные заводы улучшили свою оснастку. Они используют управляемые компьютером пилы, что позволяет получить максимальный выход продукции при разделывании бревен. Отходы сжигаются в топках тепловых электростанций, обеспечивая деревообрабатывающее предприятие электричеством. В бумажной промышленности применение нового оборудования существенно снижает количество ядовитой хлорной извести, необходимой для производства бумажной массы.

И ученые всю свою изобретательность направили на материалы, которые производит деревообрабатывающая промышленность. Компания MacMillan Bloedel Ltd из Канады, начиная с 1983 г., вложила 150 млн. канадских долларов (130 млн. долларов США) в разработку параллам-процесса. С помощью этой современной технологии промышленным способом производится новый вид параллельно-волокнистой древесины. Проклеенные узкие полосы древесины спрессовываются с последующим спеканием в чем-то вроде микроволновой печи. Из дешевого древесного шпона получается материал, на который раньше шли крупные, дорогостоящие деревья. Этот материал производят теперь в Джорджии и Британской Колумбии, а на предприятии, которое открывается в Миннесоте, будет применяться модифицированный параллам-процесс для изготовления высококачественного сырья для таких компаний, как, например, Andersen Windows, у которой старые запасы сосны ponderosa подходят к концу.

Так «зеленые» вынуждают лесную промышленность относиться более ответственно к своим обязанностям. Но обходится это дорогой ценой. Сто тысяч человек, живущих на западном побережье США, зависят от лесопромышленности и могут в скором времени потерять свою работу. Уже потерявшие – ожесточаются. Газеты сообщают о мертвых пятнистых совах, которых находили пригвожденными к указательным столбам. Это, конечно, мерзко,

но многие лесорубы уверены, что работы они лишились именно из-за небольшой птицы с коричневым оперением, о которой мало кто слышал два года назад.

В лесодобывающей и обрабатывающей промышленности говорят, что из-за всех этих событий они утратили уверенность, а ведь в их ремесле уверенность – первейшее дело. «Посадка деревьев есть акт веры», – говорит Линн Микаэлис, главный экономист большой деревообрабатывающей компании Weyerhaeuser, расположенной в штате Вашингтон.

Если тот, кто сажает дерево, сомневается, сможет ли он пустить это дерево в оборот, когда оно вырастет, – его интерес к дорогостоящему разведению лесов ослабевает. Предоставленные сами себе леса растут медленно, более 80 или 90 лет. Сравните это с 50–60 годами при управляемом выращивании леса. Лесные угодья компании Weyerhaeuser, уничтоженные в 1980 г. во время извержения вулкана Сент-Хеленс, теперь покрыты густым ковром высаженных здесь 18,4 млн. деревьев. Некоторые из них уже поднялись на высоту 7,5 м. Неподалеку в качестве «вулканического заповедника» оставлены бесплодные земли, лишенные растительного покрова.

Да, огромное значение имеет реплантация – возобновление лесов при помощи искуственных посадок и возможность заниматься этим с уверенностью в будущем. Странное дело: в США и Канаде – странах, обладающих лесами и, по общему мнению, просвещенных, – реплантации достаточного внимания не уделяется. Особенно в Канаде: тут реплантацию почти полностью игнорируют. Больше четверти лесов, сведенных в 1985–86 гг. в Канаде, так и не было реплантировано. На интенсивные технологии искусственного восстановления лесов Канада тратит менее 3% бюджета своего лесного хозяйства. В Швеции эта цифра составляет 40%.

В сущности, реплантация не всегда удовлетворяет «зеленых». В коммерческой практике реплантация обычно создает территории, засаженные деревьями одного возраста и, как правило, одинаковых пород. Результат этого – малое биологическое разнообразие в таких лесах. Виды, обитающие на мертвых деревьях, молодых деревьях, больших деревьях, на лесосеках, – все это может быть только в лесах с естественной регенерацией, а искусственно разведенные леса заселяют лишь существа, для которых нужны деревья одной породы и возраста. Биологическое разнообразие страдает также и от планомерных порубок старого леса. Не вредит ему лишь вырубка искусственных насаждений: одна фауна, отличающаяся малым разнообразием, замещается другой. Поэтому вздорными представляются заявления некоторых лесопромышленников, что все дело в количестве выращиваемых деревьев.

Нехватка теперь, изобилие потом?

Промышленники любят указывать на то, что теперь в Северной Америке деревьев растет больше, чем когда бы то ни было за последние 30 лет. Это верно, но ведь большинство деревьев сравнительно молоды. Недавно образовавшиеся плантации – это не только меньшее биологическое разнообразие, но также и меньшее количество леса, пригодного для порубочных работ. Хотя сорокалетнее дерево и может показаться достаточно большим, чтобы пустить его под электропилу, на самом деле для обработки оно еще не готово. Чуть-чуть поторопить природу можно, но вот гнать ее стремглав – нельзя.

Итак, невзирая на падение спроса на лес в последнее время на американском домостроительном рынке, все сомневаются, хватит ли запасов американского леса через несколько лет? Линн Микаэлис вспоминает, что лет около двадцати назад, когда он поступил в компанию Weyerhaeuser, поговаривали о возможной нехватке лесоматериалов в 90-е гг. С той поры большинство частных землевладельцев Северной Америки энергично вырубили свои зрелые деревья.

Промышленники ожидали, что Служба лесов с готовностью восполнит дефицит леса из общественных фондов древесины. Эти надежды оказались напрасными. Служба лесов, на сей раз идя навстречу «зеленым», изъяла солидную часть общественных лесных угодий из рыночного обращения. Дариус Адамс, из университета штата Вашингтон, предрекает снижение лесодобычи на общественных землях в северных районах США к концу нынешнего десятилетия более чем на 40%. Леса, принадлежащие частным лицам и компаниям, смогут покрывать дефицит древесины самое большее в течение трехчетырех лет.

Запад США не является исключением, говорит мистер Адамс. На юге страны, в районе, где в начале 60-х гг. возник бум в лесодобывающих и обрабатывающих отраслях промышленности, грядет спад производства из-за недостаточной реплантации за последние 30 с лишним лет. Канада находится в особо тяжелом положении: по всей видимости, наивысший уровень лесодобычи она пережила в 1987 г., а давление со стороны «зеленых» вместе с совершенно недостаточной реплантацией создает весьма мрачные перспективы. С учетом всего этого можно ожидать, что к концу нынешнего десятилетия Северная Америка, вероятно, будет поставлять на мировой рынок намного меньше древесины.

Нехватка древесины в Северной Америке до некоторой степени будет компенсирована лесодобычей в других районах. Плантации сосен radiata в Чили и Новой Зеландии выходят на максимальный уровень своей производительности. Удачное расположение обеих этих стран создает для них преимущества на обширном и продолжающем расти рынке древесины в странах Тихоокеанского бассейна. Япония является крупнейшим в мире импортером лесной продукции. Увеличивается спрос на Тайване, в Таиланде и Южной Корее. Североамериканские промышленники говорят, что древесина таких ценных пород, как пихта, кедр и ель, должна укрепить их рыночные позиции в этих районах, однако рост производственных затрат указывает на то, что их ожидания едва ли оправдаются.

Может ли Советский Союз помочь заполнить образовавшуюся брешь, пока Северная Америка ожидает, когда подрастут ее деревья? Скорее всего нет.

В обширных восточных лесах Советского Союза растет чуть ли не половина мирового фонда хвойных лесов. Но у страны нет ни транспорта, ни лесопильных заводов, чтобы вывозить большую часть своего леса или обрабатывать его по ценам, регулируемым рынком. В Советском Союзе все больше расширяется собственное шумное движение «зеленых». Кроме того, он переживает серьезнейшие политические трудности в связи с затянувшимся конфликтом между центральным правительством и правительством Российской республики: именно в России имеется большое количество промышленного леса. По-видимому, русские будут препятствовать наращиванию объемов производства лесной продукции, пока не смогут получать большие прибыли, отделавшись от союзного правительства.[1]

Разумеется, советские власти недвусмысленно дали понять, что будут препятствовать созданию совместных предприятий при участии западных компаний. В прошлом году орегонская фирма Luisiana Pacific вывезла из Советского Союза лиственницу и сосну на лесопильный завод в Америке для тестирования и пробной обработки. Но такие вещи не слишком-то выгодны западному партнеру: по сути дела, советское правительство требует западные капиталы, технологию и искусство маркетинга в обмен на необработанные бревна, получаемые к тому же с большими сложностями. Наверняка большого увеличения импорта с запада не будет, как не будет и строительства в Сибири лесопильных заводов по западному образцу, пока не станет ясно, чье же правительство контролирует сибирские леса.

[1] Статья написана до распада СССР. – *Ред.*

Как бы то ни было, люди, связанные с лесной индустрией, начинают сомневаться: последует ли за нехваткой древесины в Северной Америке в течение ближайших нескольких лет ее изобилие? При помощи технологий, подобных параллам-процессу, сейчас уже можно производить изделия из древесины в объеме, равном объему заготовительного сырья. Такой же эффект достигается и при изготовлении бумаги из отходов.

Япония при повторной обработке утилизирует до 50% бумажных отходов, США – около 25%, хотя бумажные мельницы компании Weyerhaeuser в штате Вашингтон при производстве бумажной массы извлекают из использованной бумаги 85% своего сырья. Если Америка в обработке вторичного сырья сравняется с Японией, то для производства бумаги ей потребуется гораздо меньше деревьев. А там, глядишь, лет через 20–30 появится на рынке и лес, выросший на обширных плантациях Запада США.

Предвещает ли это изобилие или нет – неясно. Линн Микаэлис убежден, что для экономического развития стран Третьего мира потребуется большое количество леса; в прошлом развивающиеся страны обыкновенно потребляли значительное количество лесоматериалов. Прогнозируют резкое – до 50% – возрастание спроса на лесную продукцию в ближайшие 50 лет. С этим прогнозом не все согласны. Британская комиссия по лесам намеревается опубликовать подборку материалов о перспективах лесного хозяйства, включая доклад Майкла Арнольда, в котором доказывается, что в обозримые сроки цены вряд ли поднимутся. Причина этого – масштабы инвестиций в леса умеренной климатической зоны не только Великобритании и Америки, но также и Канады, Австралии, Франции и Чили.

Новые цели, новые ценности

Если изобилие настанет, то люди, занятые в лесном хозяйстве в конечном счете смогут почувствовать признательность к этим словам, которые сводят их сейчас с ума. Лесная промышленность осознает, что ценность лесов составляет не только древесина, которую из них можно вывезти. Становясь богаче, люди начинают ценить – и оплачивать – отдых и восполнение сил, которые можно получить, находясь в лесу, и то удовлетворение, которое дарует им сознание, что они охраняют природу.

В Канаде заготовка древесины с 20-х гг. увеличилась в пять раз, а рекреационное (в целях отдыха) использование лесов – в сто раз. Исследование под руководством сенаторов Уирта и Хайнца лесного хозяйства США показало, что около двух пятых полезного дохода, приносимого лесом, приходится на долю его рекреационного использования. Эта величина складывается из того, что люди платят сейчас за удовольствие, доставляемое лесом, а частично – из того, что люди готовы заплатить ради сохранения леса.

Исследование Британской комиссии по лесам содержит также доклад экономиста Дэвида Пирса, в котором он указывает на ценность лесов не только в связи с их рекреационными возможностями, но и той пользой, которую они приносят как «накопители углерода».

Растущие деревья связывают двуокись углерода, которая может вызвать глобальное потепление. Следовательно, если сажать больше деревьев, то можно поддерживать в мире сносную температуру. В прошлом году президент Буш опубликовал обширную программу искусственного разведения лесов, объявив ее частью американской кампании по борьбе с глобальным потеплением. Одна из американских систем тепло- и энергоснабжения Virginia Power and Light заявила, что готова оплатить расходы на посадку лесов в Гватемале для компенсации двуокиси углерода, выброшенного из топок новой тепловой электростанции.

Пирс полагает, что доходы от рекреационного использования лесов находятся в диапазоне от 8 долларов на гектар для насаждений в отдаленных

горных до 350 долларов за гектар в год для смешанных лесов в низинных районах. Если добавить сюда стоимость того ущерба, который мог бы быть причинен несвязанной двуокисью углерода, то ценность деревьев значительно возрастает. Правда, Пирс усматривает здесь свои сложности. Углерод лучше всего связывать, высаживая на дешевых землях быстрорастущие породы деревьев с мягкой древесиной. Увеличивать рекреационную отдачу лесов лучше всего, насаждая смешанные леса вокруг городов, где стоимость земли гораздо выше. Повысить ценность лесов как естественного места обитания животных и растений лучше всего, быть может, давая лесам возможность шаг за шагом проходить свой собственный цикл регенерации, а не реплантируя их искусственными методами.

В конечном счете промышленная деятельность в лесах вполне может превратиться в занятие более полезное, чем их сведение. А пока лесоповал продолжается. У лесодобывающей и обрабатывающей промышленности все еще есть доводы в защиту своей деятельности, хотя и весьма осторожные.

Люди, обитающие в домах, желают иметь мебель, читать книги и газеты, и для этого им нужна продукция лесной промышленности. Для некоторых из них средства к существованию зависят от наличия работы по удовлетворению этого спроса. Между лесоповалом, когда не разбирают, что и как рубят, и заготовкой необходимых и достаточных объемов древесины есть большая разница. Одобрение современного Платона лесная промышленность заслужит только в том случае, если оставит в наследие двадцать второму веку неповрежденный растительный покров.

●

С.Л. (Лондон)

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ О ЛЬВЕ РУДКЕВИЧЕ

Порой веселой мая
По лугу вертограда,
Среди цветов гуляя,
Сам-друг идут два лада...
Ей весело, невесте,
«О милый, – молвит другу, –
Не лепо ли нам вместе
В цветах идти по лугу?»
И взор ее он встретил,
И стан ей обнял гибкий.
«О милая! – ответил
Со страстною улыбкой, –
Здесь рай с тобою сущий!
Воистину все лепо!
Но этот сад цветущий
Засеют скоро репой!»
Как быть такой невзгоде! –
Воскликнула невеста, –
Ужели в огороде
Для репы нету места?»
А он: «Моя ты лада!
Есть место репе, точно,
Но сад испортить надо
Затем, что он цветочный!»
Она ж к нему: «Что ж будет
С кустами медвежины,
Где каждым утром будит
Нас рокот соловьиный?»
«Кусты те вырвать надо
Со всеми их корнями,
Индеек здесь, о лада,
Хотят кормить червями!»
Подняв свои ресницы,
Спросила тут невеста:
«Ужель для этой птицы
В курятнике нет места?»
«Как месту-то не быти!
Но соловьев, о лада,
Скорее истребити
За бесполезность надо!»
«А роща, где в тени мы
Скрываемся от жара,
Ее, надеюсь, мимо
Пройдет такая кара?»
«Ее порубят, лада,
На здание такое,
Где б жирные говяда
Кормились на жаркое;
Иль даже выйдет проще,
О жизнь моя, о лада,
И будет в этой роще
Свиней пастися стадо».
«О друг ты мой единый! –
Спросила тут невеста, –
Ужель для той скотины
Иного нету места?»
«Есть много места, лада,
Но наш приют тенистый
Затем изгадить надо,
Что в нем свежо и чисто!»...
«Как ты безнравствен, право! –
В сердцах сказала дева, –
Ступай себе направо,
А я пойду налево!»...

А.К.Толстой. «Баллада с тенденцией», 1871 г.

Сергей МАКСУДОВ (Бруклайн, США)

ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ, ПОТОМУ ЧТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИКОГДА

Мы выросли под властью мифологии. История перекраивалась по предписанным образцам, черное объявлялось белым, а промежуточных цветов и оттенков просто не существовало. Мощному давлению тоталитарной идеологии мы противопоставляли здравый смысл, логику, собственный, пусть ограниченный, опыт. В хрущевские годы эти личные взгляды выплеснулись на поверхность общественной жизни, консолидировались в антисоветскую систему представлений, в антимифологию, антиидеологию. Десятилетия противостояния этих противоположных убеждений привели к разрушению государства. Советская власть рухнула, ее мифы сданы в исторический архив. Но и антимифы, взлелеянные сознанием советской интеллигенции, сегодня заметно поблекли. Мы верили, что советская бюрократия – чудовищный уникальный монстр. Теперь мы видим бюрократию во главе с демократическими лидерами еще менее эффективную, еще более безответственную. Мы утверждали, что колхозная система непроизводительна, а частник творит чудеса, с трех процентов земли дает треть урожая, и мы предвкушали, как, получив землю, он завалит страну продуктами. Оказалось, что крестьянин не хочет брать землю и приусадебные участки дают все меньше продукции. Мы считали, что рынок принесет изобилие, а стоим на краю голода и нищеты, вспоминая брежневские времена как далекий и, увы, покинутый рай. Мы были уверены, что лишь партийная мафия мешает народам страны жить счастливо и свободно, и видим, как возрождается тысячелетняя вражда наций, как феодалы захватывают власть под лозунгами суверенитета, как люди убивают друг друга. Партии больше нет, но по всей стране льется кровь, и саперные лопатки, обрушившиеся на спины демонстрантов у Дома правительства в Тбилиси, кажутся детскими игрушками по сравнению с ракетами, выпускаемыми по этому Дому защитниками грузинской демократии. Сахаров добивался свободы передвижения, и вот Буш с Ельциным ведут переговоры, как помешать выезду советских ученых из страны, чтобы они не использовали свои знания для развития военной промышленности неугодных стран. И так далее, и тому подобное.

Однако антисоветские мифы не спешат умирать. За ними стоит жизнь поколений интеллигенции, вера в правоту своего дела, эмоциональные переживания авторов. Одним из основополагающих представлений этого ряда является убеждение в необычайно большой роли ГУЛАГа в сталинском государстве. В лагерях сидели десятки миллионов людей, и десятки миллионов погибли там. Лагеря играли огромную роль в советской экономике, – так считают миллионы советских людей. Защите этих представлений посвящена статья Бориса Хазанова «Сколько их было?» в № 6 «Страны и мира» за 1991 год.

Автор отмечает, что появившиеся в печати цифры о численности заключенных в сталинские годы (статьи В.Земскова) не согласуются со сложившимися у него и у его круга взглядами. Он приводит некоторые доказательства правильности своих убеждений и напоминает, что не всем авторам и не всем архивным советским документам следует слепо доверять. В общем виде это утверждение совершенно справедливо. Однако дело не в Земскове, вопрос не только в суммарных цифрах центрального архива. К настоящему времени уже немало исследователей познакомились с документами прежде секретных архивов (например, А.Дугин, «Говорят архивы: неизвестные страницы

ГУЛАГа», журн. «Социально-политические науки», 7, 1990; В.Цаплин «Статистика жертв сталинизма», «Вопросы истории», 1988, 4, и др.). Тысячи документов включены в последние годы в научный оборот, накоплены в отделениях общественной организации «Мемориал», опубликованы в печати. Впервые стали доступны результаты переписи населения 1937 г., включая и данные о населении лагерей (см. Экспресс-информация. «История статистики», вып. 3–5, М. 1990). Сейчас стало возможным серьезное изучение проблемы ГУЛАГа. Работа эта только начинается, но можно определенно сказать, что цифры Земскова являются одним из источников, надежность которого предстоит проверить. В то же время эмоциональные восклицания типа «этого не может быть» выпадают из научного рассмотрения.

Не следует думать, что создание мифов сегодня уже завершилось. Напротив, постоянно возникают новые абсурдные утверждения. Так, белорусский археолог Позняк насчитал в местечке Куропаты 510 следов захоронений жертв НКВД. Раскопав восемь из этих могил и обнаружив в них 312 жертв, Позняк утверждает, что в Куропатах уничтожено 250–300 тысяч, а всего в Белоруссии 2–3 миллиона человек. Другой пример: выступая в Челябинске на митинге «Мемориала», Сахаров и Старовойтова говорили о миллионе убитых НКВД, сброшенных в старую шахту. К тому времени в этой шахте было обнаружено 400 трупов, а исследования последних лет увеличили их число до 600.

Данным Земскова Борис Хазанов противопоставляет три группы фактов:

1. Оценки числа заключенных, в том числе и свою собственную оценку, совпадающую с утверждением какого-то очень хорошо осведомленного западного журналиста начала пятидесятых годов.

2. Авторитетные исследования Роберта Конквеста.

3. Экономическую роль лагерей в жизни страны.

Рассмотрим эти аргументы. В статье «Сколько их было?» даны три метода подсчета численности лагерного населения, которыми пользовались заключенные.

Первый: сопоставление «официальных данных переписи населения с количеством голосовавших во время выборов в Верховный Совет. Получалась внушительная разница, не вполне понятная. Даже если учесть, что не голосуют военнослужащие». Не вполне понятно, почему автор думает, что военнослужащие не голосуют. Разница же результатов переписей и списков избирателей вполне объяснима. Данные переписи 1939 г., единственной, которую могли использовать в качестве отправной точки заключенные, пытавшиеся делать свои оценки, была впоследствии искажена присоединением населения западных территорий (численность его так и осталась загадкой) и огромными потерями от войны, о которых не только узникам лагерей в 50-е годы, но и современным советским ученым мало что известно.

Действительно, и в 30-е, и в последующие годы сведения о численности взрослого населения по переписям и по спискам избирателей расходятся. В 1937 г. разница составила 2 миллиона, в 1970 – 8 миллионов, в 1979 – 11 миллионов. О причинах расхождения мне уже доводилось писать на страницах «Страны и мира» (№ 4 за 1984). Дело в том, что из числа избирателей исключались все уклонившиеся от голосования, все не имеющие прописки, большинство голосовавших против. (Заключенные формально в большинстве своем не были лишены права голоса и попадали в голосовавших «за» или вычеркивались из списков.) Только объявив несуществующими всех отсутствующих и неугодных власти могли получить абсурдную цифру 99,9%.

Второй метод – сравнение прогноза второго пятилетнего плана с данными переписи. «...Численность населения страны в 1937 г. составит 180700 тыс. человек... по данным переписи, проведенной два года спустя, в Союзе проживало 170 с половиной миллионов человек – на десять миллионов меньше. Куда они делись?».

Второй пятилетний план предполагал постоянный прирост населения в 3 миллиона человек в год, то есть ожидалось, что сохранится рождаемость середины 20-х гг. Однако потери населения во время коллективизации и ухудшение условий жизни в стране привели к падению рождаемости, и правительству в середине 1936 г. пришлось запретить аборты. Так что ответ на риторический вопрос, куда делись граждане, запланированные вторым пятилетним планом, прост: они не родились.

Третий метод принадлежит самому автору статьи Борису Хазанову. «Зная примерное количество лаготделений, лагпунктов и лагерных подкомандировок, зная среднюю численность населения на одном лагпункте, можно было получить более или менее правдоподобный ответ... Унжлаг (это вполне правдоподобно) был средним по величине лагерем. Умножим 70 тысяч на 53. Итог – 3 млн. 700 тыс. – уже превосходит цифру, приведенную Земсковым».

Погрешность подобного подхода в том, что у автора нет оснований предполагать, что зона, которую он знает на собственном опыте, походит на все остальные в его лагере, а его лагерь типичен для всей страны. Насколько велики ошибки в такого рода подсчетах, становится очевидным, когда мы сравниваем несколько разных оценок. Вот, например, Б.Яковлев в книге «Концентрационные лагеря СССР» (Институт изучения СССР, Мюнхен, 1955) оценивает общее число заключенных в группе лагерей Тайшет-Братск («Озерлаг») в 25–30 тысяч. Сотрудник того же института В.Юшинский пишет: «Мне пришлось с начала 1949 года познакомиться с Тайшетской или Озерной системой лагерей... Для постройки участка железной дороги по всей длине 270 км создали цепь из 64 лагерей...[1] Я лично посетили восемь лагерей Озер-системы и все они были почти одинакового состава. Всего в этих лагерях от Тайшета до Братска находилось 70 тыс. человек». В ту же систему лагерей в то же время попал бывший казачий офицер, сын знаменитого атамана Николай Краснов. Этот наблюдательный и аккуратный человек подсчитал общее число заключенных в лагере (900 человек), приложил к книге воспоминаний расположения бараков и сделал оценку общей численности ГУЛАГа: «По тогдашним вычислениям, только в районе Тайшета, на трассе, проводимой заключенными Озерлага, находилось около миллиона рабов, я не могу ручаться за точность сведений, но лагерники считали, что в спецлагеря попало около 10 миллионов человек по 58 статье».

Разброс свидетельств очевидцев показывает, что Борис Хазанов прав, когда называет подобные вычисления «гаданьем на кофейной гуще». Множество аналогичных материалов использовал Р.Конквест, к авторитету которого Борис Хазанов прибегает в своей статье. Ссылаясь на австрийского физика Вайсберга, который, сидя в харьковской тюрьме, оценил потери области в 5% всего населения, и на Авторханова, который говорил о 4–5% репрессированных на Северном Кавказе, Роберт Конквест считал, что 5% – минимальное число арестованных в 1937–38 гг. Сегодня знаменитый ученый более осторожен в своих оценках. Переиздавая «Большой террор», он выбросил из книги все приложения, в которых давались сведения о потерях населения и числе заключенных. Так что цифры, приводимые Борисом Хазановым со ссылкой на Конквеста, в его книге теперь отсутствуют. Почему Конквест так поступил? Очевидно, он понял, что опубликованные фактические данные опровергают оценки, и предпочел их не повторять.

Реальность сделанных исследователем расчетов проходит настоящую проверку только сегодня. Например, в «Большом терроре» говорится о двух миллионах погибших на Колыме. В книге «Колыма» Конквест провел специальные расчеты и увеличил цифру потерь до трех миллионов. Сегодня из печати известно, что здание НКВД в Магадане превращено в музей общества «Мемориал», где хранятся дела умерших на Колыме (они оставались на хра-

[1] Автор имеет в виду лагерные пункты. Лагерь состоит из сети лагпунктов. – *Прим. редакции.*

нении по месту гибели заключенного). Общее число жертв оказалось равно 180 тысячам, то есть заметно меньше, чем вычисления американского ученого.

Широко используя в своей книге мемуары, Конквест не проявляет большого интереса к реальным документам. Так, секретная инструкция Сталина-Молотова о разгрузке тюрем с 800 тысяч до 400 тысяч (см. «Страна и мир», № 12, 1984) датирована Конквестом 8 мая 1938 г. (см. «Большой террор», стр. 950). Дело, вероятно, в том, что ученый не рассматривал сам этот документ, как и другие материалы «Смоленского архива», а почерпнул сведения о них из исследований других авторов. Конвекст обошел вниманием и единственный имевшийся на Западе солидный советский экономический источник – секретный «Народно-хозяйственный план СССР на 1941 год». Эта книга объемом 746 страниц была захвачена немцами в 1941 г. и размножена в США после войны. Ее ценность заключается в том, что подобные материалы в те годы не появлялись в советской печати и в том, что только в ней освещена деятельность НКВД, ГУЛага как обыкновенных министерств. Роберт Конквест сам не исследовал этот источник, а лишь упомянул одну из работ 1952 г., в которой документ обсуждался.

Рассмотрим этот материал более подробно, поскольку в нем заключен ответ на последний аргумент Бориса Хазанова о роли лагерей в экономике страны перед войной. Надо отметить, что в огромном вкладе лагерной системы в экономику убеждены многие, начиная с А.И.Солженицына. Так, авторы популярной истории Советского Союза «Утопия у власти» А.Некрич и М.Геллер сообщают: «НКВД занимал важнейшее место в экономике Советского Союза... Можно уверенно сказать, что процент принудительного труда, применявшегося в Советском Союзе накануне войны с Германией, был выше 20%».

Согласно «Народно-хозяйственному плану 1941 года», валовая продукция промышленности страны должна была составить 162 млрд. руб., в том числе на долю НКВД приходился 1 миллиард 969 тыс., или 12%. Участие НКВД распределялось неравномерно: добыча угля – 3%, нефти – 0,7%, хромитовых руд – 40%; в металлургической, металлообрабатывающей, станкостроительной, судостроительной, химической промышленности, в сельскохозяйственном и транспортном машиностроении – практически ноль; 0,5–1% в производстве стройматериалов, 100% производства фотоаппаратов и фотопленки (знаменитый завод ФЭД); наконец, в заготовках древесины и дров НКВД давал 12%, а собственно ГУЛаг – 0%.[1]

Не может быть, хочется громко закричать вслед за Борисом Хазановым. Не может быть никогда. Мы знаем, что ГУЛаг заготавливал лес, очень много леса, весь лес, даже больше чем весь! Но нет, секретный документ, оказавшийся на Западе 50 лет назад, беспристрастно сообщает: не весь – меньше 10%. (Правда, на ряде территорий доля НКВД была выше, а в Мурманской, Горьковской, Свердловской, Молотовской областях, Коми АССР, Карело-Финской ССР, Хабаровском и Приморском краях заключенные заготавливали половину, а то и больше леса). В деревообрабатывающей промышленности (пиломатериалы, мебель, шпалы) НКВД давал 10–40% продукции. В целлюлозно-бумажной, текстильной, легкой и пищевой промышленности, в сельскохозяйственном производстве опять почти ничего (за исключением 2% производства кожаной обуви и 3% отлова рыбы). Важную роль играло ведомство Берии в капитальном строительстве: 14,8% всех производимых работ (в том числе ГУЛаг 5,8%). Особенно заметно его участие в ремонте и строительстве железных дорог (ГУЖДС) и автодорог (ГУШОСДОР). С НКВД связано 8–9% всех работ на автотранспорте (перевозки грузов, ремонт машин, поставка автопокрышек) и, наконец, вся добыча золота.

---

1 Лесозаготовительные лагеря входили с систему ГУЛЛП – Главного управления лагерей лесной промышленности, также подчиненного НКВД (МВД). – *Прим. редакции.*

Известные западные экономисты в 50-е гг. использовали эти данные для оценки численности заключенных в СССР. Английский профессор Питер Вайлс подсчитал, что при нормальной производительности труда для выполнения работ по плану НКВД было нужно 871 тыс. человек (без золотодобычи). Наум Ясный, внеся поправки на занятых на добыче золота, на низкую производительность труда, на занятых на внутрилагерных работах, на больных и инвалидов, получил цифру 3,5 миллиона. Тимашев говорил о 2 миллионах заключенных. Эти цифры хорошо согласуются с появившимися в последнее время материалами. Так, перепись 1939 г. учла 3742 тысячи репрессированных: тюрьмы, лагеря, колонии и ссылки. Блестящее подтверждение получила работа голландского юриста Ван дер Берга, который в начале 80-х гг. в солидной монографии подробно описал советскую пенитенциарную систему, сообщив и численность заключенных по годам, и их распределение по срокам наказания и статьям уголовного кодекса. В частности, для периода 1936–1939 гг. численность лагерей и колоний у Ван дер Берга составила 1,58 миллиона человек, что очень близко к сведениям, опубликованным Земсковым. (Отдельной и довольно интересной проблемой является вопрос, почему эти оценки известных западных ученых не привлекли к себе внимания. Не только эмигранты, но и известные советологи предпочитали обычно мифологические утверждения серьезным научным исследованиям. Возможно, они были слишком захвачены азартом политической борьбы, противостоянием империи зла.)

Вернемся, однако, к экономике. Мы видим, что от всего объема валовой продукции доля НКВД составляла меньше одного процента (от продукции промышленности и строительства – 2–3%). В то же время численность ГУЛага достигла почти 10% от всех промышленных и строительных рабочих. Так что подневольный труд, как и следовало ожидать, был малопроизводительным. И хотя Борис Хазанов прав, перечисляя каналы, электростанции, города, железные дороги, в которые был вложен труд заключенных, эти стройки коммунизма в своем большинстве – обычная советская туфта. Беломорско-Балтийский канал оказался малоэффективным и используется в основном для туризма. Большой Туркменский канал был заброшен, после того как деньги, отпущенные на его строительство, полностью разошлись, железная дорога Воркута–Дудинка вышла из строя сразу после завершения строительства, лесозащитные полосы не прижились и так далее, и тому подобное. Архипелаг ГУЛаг поглотил миллионы людей и огромные материальные ресурсы, мало что дав взамен. Важная экономическая роль ГУЛага – миф, созданный руководством НКВД и подхваченный интеллигенцией, эмиграцией, некоторыми советологами.

Роль лагерей в советской системе была не хозяйственная, а социально-политическая. Вытягивая из общества 3–5% взрослого мужского населения, они, во-первых, изолировали наиболее энергичную оппозиционную, потенциально опасную часть общества, во-вторых, запугивали оставшихся на свободе. Остановив этот процесс, Хрущев подписал смертный приговор советскому строю в его традиционном сталинском виде.

*

Замечание из Мериленда

Статья Б.Хазанова, как всегда, хороша, но два замечания не будут, надеюсь, излишними. Во-первых, относясь с полным пиететом к Роберту Конквесту, должен все же сказать, что подсчеты числа заключенных в «Большом терроре» по необходимости основаны на весьма косвенных данных и не стоит ссылаться на них как на источник. Тем более, что он не демограф; отнюдь не считаю, что лишь узкие профес-

сионалы с соответствующими дипломами имеют право исследовать и высказываться, но просто мнение (грубую косвенную оценку) непрофессионала надо принимать с осторожностью, это не экспертная оценка.

Во-вторых, давно указывалось на следующее обстоятельство, мое внимание на которое обратил Стефан Рапавый. Примем грубо численность населения 1930–1950 гг. за 200 миллионов. Мужчин было несколько менее половины. Отбросив детей и стариков, как верно отмечает, кстати сказать, тот же Конквест (стр. 966), в основном забирали мужчин «в цветущем возрасте»; учтем далее, что в лагеря и под расстрел преимущественно шли горожане (лишь в 1960 г. число городских жителей сравнялось с сельским населением). В 1959 г. городских мужчин в возрасте 30–59 лет насчитывалось 15,2 млн. чел., то есть 7,3% от тогдашней численности всего населения («Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года». Сводный том. М., 1959, стр. 50–51). Не осмеливаюсь на собственную оценку, но эта элементарная прикидка помогает установить, так сказать, предельный общий масштаб.

Добавлю, что рассуждая как раз о масштабе, Б.Хазанов сравнивает 2 миллиона «отверженных и забытых» со всем населением и получает «что-то около одного процента» (стр. 104). Сравнивать же 2 миллиона (или другое число) надо с числом мужчин в рабочем возрасте, живших в основном в городах, а тогда получится никак не менее 5, а то и больше, процентов.

Игорь Бирман
(Силвер-Спринг, США)

*

Не вступая в спор по другим вопросам, осмелюсь заметить, что по крайней мере один тезис Сергея Максудова кажется мне полемическим преувеличением. С.Максудов считает лагерную систему чисто политическим инструментом террора, не игравшим сколько-нибудь серьезной роли в экономике СССР. Лагерные стройки, добавляет он, – «обычная советская туфта... Важная экономическая роль ГУЛага – миф, созданный руководством НКВД и подхваченный интеллигенцией, эмиграцией, некоторыми советологами».

У каждого, кто имел счастье или несчастье созерцать собственными глазами масштабы лагерного производства и особенно его результаты, это утверждение может вызвать только улыбку. Называя труд заключенных малоэффективным, мой оппонент оценивает его по меркам другой хозяйственной системы. В рамках советской системы он был, однако, естественным и необходимым средством решения отнюдь не призрачных экономических задач. Я бы не решился назвать туфтой нескончаемые составы с высококачественной древесиной, поставки леса за границу и для нужд отечественной промышленности – угольной, целлюлозной, авиационной, для железных дорог и проч. О том, что добыча золота в стране, которая является крупнейшим в мире поставщиком драгоценного металла, была целиком возложена на МВД, пишет сам Максудов; то же или почти то же можно сказать о других отраслях горнодобывающей промышленности, например, о добыче урановых руд. Города и гавани Заполярья и Дальнего Востока, построенные руками узников, существуют по сей день. Высотное здание Московского университета не обрушилось. Волго-Донской канал, проект которого принадлежит Лейбницу, удалось прорыть только при советской власти усилиями все того же ведомства. Освоение громадных территорий – не выдумка интеллигенции и эмиграции. И уж совсем не миф – построенные заключенными военные заводы, укомплектованные выдающимися инженерами конструкторские бюро за колючей проволокой («шарашки»), целые области «оборонной» промышленности, честь создания которых принадлежит карательным органам.

Бор. Хазанов

Юрий АЙХЕНВАЛЬД (Москва)

ДВЕ ПРАВДЫ ГЕНЕРАЛА ЛУКИНА

Генерал Михаил Федорович Лукин (1892–1970) принадлежал к особой группе биографически маркированных советских генералов: генералов битых и пытанных. Я знаю о четырех таких генералах: генерале армии Горбатове, маршале Мерецкове, маршале Рокоссовском и о генерал-лейтенанте Лукине. Наверняка были и другие.

Эта группа генералов – уникальная примета сталинского времени. Ни в одной другой армии мира полководцы не переживали таких пертурбаций: из-под сапог пыточных дел искусников – снова на белых коней, принимать парады. Даже египетские фараоны обращались со своими полководцами аккуратнее.

Я заглянул в четыре советские энциклопедии со статьями о генерале Лукине; ни в одной не упоминается арестантский эпизод его биографии. Правда, в третьем издании БСЭ есть строки, похожие на грубый шов: «В 1935–37 гг. комендант Москвы. Затем нач. штаба Сибирского военного округа». В 1937 г. с должности коменданта Москвы не так-то просто было переместиться на сибирские просторы: шансов быть расстрелянным по дороге, где-нибудь в подвале Бутырок или Лефортова, было куда больше, чем сделаться даже сибирским зэком. А вероятность, минуя все эти пропасти, стать одним из военных руководителей Сибири, была близка к нулевой. Поэтому можно считать, что Михаила Федоровича Лукина, как и Рокоссовского с Горбатовым, спасло чудо.

Судьба генерала Лукина складывалась парадоксально. Не однажды он попадал в катастрофические обстоятельства – и каждый раз ему при этом везло. Разумеется, такого везенья и врагу не пожелаешь...

О том, что генерал побывал у чекистов, я узнал из книги капитана вермахта Штрик-Штрикфельда «Против Сталина и Гитлера». Автор, прибалтийский немец, человек двух культур, рассказал в числе прочего и о своих встречах с генералом Лукиным, оказавшимся в тот период снова за колючей проволокой, – только уже не сталинской, а гитлеровской. Во время Второй мировой войны генерал попал в плен к немцам. Там он «мужественно держал себя в тяжелых условиях», – как сказано в той же БСЭ.

Генерал Лукин был взят в плен в октябре 1941 г. Он командовал тогда 19-й армией, оборонявшей Вязьму. А до того, во главе 16-й армии, генерал защищал Смоленск. Когда «в дивизиях 16-й армии осталось по две-три сотни людей, у которых уже не было ни гранат, ни патронов», генерал, как вспоминал он потом, дал приказ оставить Смоленск.

И тут его войска попали в кольцо. Усилиями солдат, у которых «уже не было ни гранат, ни патронов», а также с помощью группы генерала Рокоссовского, товарища Лукина по лубянским бедствиям, кольцо вермахта было прорвано. Представленный за отчаянную оборону Смоленска к третьему ордену боевого Красного Знамени (первыми двумя орденами он был награжден еще до ареста), генерал Лукин получил новую армию, которая снова, но теперь уже в битве за Москву, была окружена и почти уничтожена. Если бы Лукин выбрался из окружения под Вязьмой, то, вероятно, получил бы еще одну армию. Эту армию, подобно ударной армии генерала Власова, снова мог бы перемолоть противник. Соответственно полководец получил бы новую армию. В конце концов какая-нибудь из этих армий, постоянно обновляемая, дошла бы до Берлина. Если бы, конечно, генерал не погиб в бою или не был по пути к победе уничтожен сталинскими чекистами.

Ситуация, оборачивавшаяся трагедией – не всегда для генералов, но всегда для их армий, – возникла как по причине бездарности командования, так и из-за огромного превосходства противника. Почти всегда – в технике, почти никогда – в живой силе.

Вот что рассказывал в 1964 г. генерал Лукин на страницах журнала «Огонек» о последнем дне своей армии, окруженной под Вязьмой:

В ночь с 12 на 13 октября артиллерия и дивизион «Катюш» дали последние залпы, и мы предприняли последнюю попытку вырваться из окружения. Двум дивизиям удалось в ту ночь прорваться, но они не удержали флангов, и враг вновь замкнул кольцо. Теперь у меня не оставалось никаких надежд.

Мы сидели на поляне в небольшом лесочке. Моросил дождь пополам со снегом. Изредка раздавались одиночные выстрелы. Видя, что армия агонизирует, враг, потягивась, как сытый кот, выжидал, не предпринимая атак... В армии не оставалось ни горючего, ни продовольствия. На исходе патроны. Никакого маневра на крошечном пятачке, окруженном со всех сторон почти тридцатью танковыми и механизированными дивизиями противника, совершить невозможно.

И все-таки я медлил, прежде чем отдать последний приказ...

Что может быть горше положения военачальника, который лишен возможности руководить подчиненными ему войсками? Я представлял себе голодных, измученных и израненных, почти безоружных солдат, которые лежали в этот момент в обороне, не имея понятия, почему они оказались в таком безвыходном положении. Многие из них, наверное, с горечью вспоминали довоенные лозунги: «Бить врага на его территории, малой кровью, одним ударом». И уж, конечно, во всем винили своего командующего. Может быть, даже подозревали его в предательстве. Ведь совсем еще недавно в войсках читали приказ Сталина, в котором говорилось о том, что расстреляны три генерала: Павлов, Климовских, Григорьев... Изданный в спешке, необдуманный этот приказ послужил источником слухов о предательстве. Во время боев за Смоленск какой-то слабонервный солдат с криком «Генералы нас предали!» бросился ко мне и чуть не проткнул штыком.

Между тем немногим раньше, когда у солдат, оборонявших Смоленск, еще были гранаты и патроны, но стало уже ясно, что против танков, самолетов и артиллерии с таким оружием не пойдешь, – не следовало ли оставить город? Не таилось ли в пристрастии советского генералитета воевать «большой кровью» предательства людского состава армии?

Но принцип тогда был иной: «Любой ценой!» «Ни пяди земли врагу!» Вот так, «пядь за пядью», не отдавали и победили. А после войны выяснилось, что потери противника были вдвое меньше наших, хотя немцы воевали на нескольких фронтах, а мы – только с ними. На XX съезде КПСС даже Хрущев осудил стиль войны «большой кровью».

На поляне под Вязьмой генерал Лукин оказался после разгрома уже второй своей армии. Советские военные историки твердят, что действия этой армии были успешны и ценой своей гибели она задержала наступление противника на Москву. Генерал Лукин потом вспоминал:

– Управлять армией... – произнес, наконец, я, и сам не узнал своего голоса. – Управлять армией и вывести вас из окружения я более не в состоянии. У меня нет к этому средств. Приказываю сжечь машины, взорвать орудия и выходить отдельными группами под руководством командиров частей и соединений.

К концу 13 октября армия стала разбиваться на группы, которые расходились в разные стороны в поисках мест для прорыва.

Еще двадцатипятилетним офицером Лукин воевал с немцами. Судя по тому, что через год после окончания школы прапорщиков (1916 г.) этот крестьянский сын стал поручиком, он был неплохим офицером. После большевистского переворота Лукин продолжал служить в армии, стал кадровым красным командиром, а в 1919 г. вступил в коммунистическую партию. Значит, против Брестского мира не протестовал.

Теперь прежние победители снова его побеждали. Генерал попал к ним в плен без сознания, тяжело раненным. В госпитале ему ампутировали ногу. Об обстоятельствах пленения Лукина Штрик-Штрикфельд пишет:

Генерал Михаил Федорович Лукин, командовавший 19-й армией, был взят в плен, когда его армия при наступлении на Москву была полностью разбита. Он потерял одну ногу... Фельдмаршал Бок приказал оказать раненому русскому генералу всяческую помощь. Лукин был переведен в немецкий госпиталь.

Судя по воспоминаниям самого Лукина в «Огоньке», все это произошло не сразу. Сперва Лукин некоторое время находился в госпитале для военнопленных, где пришлось ему пережить трагическое мгновение: враги не только ампутировали ему ногу, но и сожгли его партийный билет.

Полковник бегло просматривает партбилет и бросает его в печку. С трудом поворачиваю голову и скашиваю глаза. Красная книжечка, кажущаяся в огне еще краснее, коробится, выгибается, потом сразу вспыхивает и сгорает, разбрасывая искры.

Эта трогательная сцена, однако, маловероятна: все генеральские документы немецкий полковник, их обнаруживший, обязан был передать высшему начальству. Немцы, как будет видно ниже, не уничтожили ни партийного билета генерала Качалова, ни прочих его документов.

Итак, я в плену, – продолжал свой рассказ Лукин. – Одной ноги у меня нет, а другая перебита в двух местах. Правая рука раздроблена. Армия, которой я командовал, погибла. Зачем мне жить? И, сделав неимоверное усилие, я левой рукой срываю повязки.

Возможно, так оно и было. Но правда и то, что немецкие врачи не дали генералу истечь кровью, хотя в военнопленных не нуждались: в первые же месяцы войны их набралось больше миллиона, были среди них и генералы. Вообще вели себя немцы не так уж плохо: хотя на вопрос, в каком направлении ушли остальные пять генералов группы Лукина (почему-то генералы решили объединиться, выходя из окружения), Михаил Федорович отвечать отказался и решительно отверг предложение врага сотрудничать, немцы перевели его из госпиталя для военнопленных в немецкий госпиталь. Более того. Когда Лукин, понимавший, что «в госпитале для русских военнопленных нечего было и думать о выздоровлении», потребовал перевести вместе с ним тяжело раненного генерал-майора Прохорова, немцам это условие «пришлось не очень-то по вкусу», но они его выполнили.

Если эпизод с бедным партбилетом, садистски сожженным на медленном огне, отвечает военно-патриотической традиции, то все остальное явно противоречит «образу врага». Видимо, смысл эпизода в том, что нравственный авторитет советского генерала настолько велик, что с ним вынуждены считаться даже гитлеровцы. Однако авторитет авторитетом, но существовал еще и приказ фельдмаршала, о котором читатели «Огонька» не узнали.

Меня и Прохорова перевели в немецкий госпиталь и положили в одну палату, – рассказывает Лукин. – К нам даже прикрепили старушку – жительницу Смоленска, которая не успела эвакуироваться, и эта старушка за нами ухаживала. Ухаживала за нами и санитарка по имени Дровяникова, тоже местная жительница. Однажды Наташа принесла нам из дому отличного наваристого борща, а старушка дала к чаю меду и сухарей, которые раздавали немецким раненым. Когда мы все это ели, в палату вошла медсестра-немка. Она отхлестала по щекам и старушку, и Наташу Дровяникову, и с тех пор мы ни ту, ни другую больше не видели.

Эти пощечины вряд ли спасли Наташу Дровяникову и старушку от срока за пособничество немецко-фашистским захватчикам: ведь работали они не где-нибудь, а в немецком военном госпитале.

В этот госпиталь, как вспоминает Лукин, немцы перевели его через два с лишним месяца после пленения, перевели ради каких-то своих, зловещих планов, о которых Лукину, если верить его воспоминаниям, оставалось только догадываться. Генерал Лукин попал в плен в середине октября 1941 г.

Стало быть, в немецком госпитале он оказался в конце декабря. Протоколы его допросов датированы серединой декабря.

Эти протоколы были обнаружены канадским профессором Д.Поспеловским в архиве штаба немецкой группы армий «Центр». Архив этот оказался за пределами советской зоны оккупации Германии и потому не попал на секретное хранение. Протоколы были опубликованы в аналитическом журнале «Обозрение» парижской газеты «Русская мысль» (№ 1 за 1982 г., с. 23–24). Беседы проходили, видимо, примерно в то же время, когда медсестра-немка побила старушку и Наташу Дровяникову.

Генерал Лукин, тяжело раненный, находится в немецком полевом лазарете. Его уже несколько раз допрашивали, причем с ним велась просто непринужденная беседа. В разговоре от 12.12.1941 г. Лукин сделал следующие заявления, зачитанные ему 14.12.1941 г.

– Что бы ответить на ваш вопрос, почему Красная армия и русский народ – несмотря на ненависть к советской системе – продолжает сопротивление и не собирается прогонять прочь ненавистных властителей, я буду с вами очень откровенен.

Вы говорите об освобождении народов от большевизма и о новом порядке в Европе. В то же время вы считаете русский народ носителем большевистской идеи в противоположность украинцам. Но это совершенно неверно! Большевизм – эта чуждая русскому народу международная еврейская выдумка...

Где же правда? В трагической байке генерала Лукина о родимом, но сожженном врагами партбилете или в этих протокольных строках? А может быть, правда и там, и тут?

Вот ведь нынешний наш радетель за Россию, поэт Владимир Солоухин долго носил при себе два профиля: профиль государя Николая II на перстне и профиль бессмертного Ленина на партбилете; чей же, интересно, профиль был запечатлен в сердце поэта? Сейчас он перечитал Ленина и вроде бы сделал выбор. Но многим советским людям присущ его прежний комплекс: их преданность двойственна, в обе стороны уклончива, природно оппортунистична. Так что уже в самой этой верности таится измена.

Выбирая одно из двух, выбрать сразу два из двух: одно – гласно, другое – про себя, на всякий случай, – не в том ли тайная свобода россиянина при здешних деспотических режимах? Способность совместить несовместимое снимает проблему выбора, а через это – и проблему свободы. Человек оказывается вне дефиниции «свобода – рабство»: он не свободен и не раб, он ушел от границы в себя, в свою обособленность. Бронированный орешек!

Гофмановскому Щелкунчику его не расколоть, а Федору Достоевскому не придумать: тут ведь не совмещение бездны содомской и идеала Мадонны, а сосуществование двух взаимоисключающих идеалов разом, один из которых всегда низвергается, а другой превозносится – смотря по обстоятельствам. Но и низверженный не уничтожается, а остается в памяти и с разрешения обстоятельств дает иногда о себе знать. При этом если лицемерие предполагает цинизм и обман окружающих, то в данном случае предполагается добросовестный самообман, конечный продукт которого – искренность, преданность, светящаяся в глазах.

В основе комплекса, я думаю, простая трусость. Честный лицемер может и проговориться, человеку же двойных убеждений, достигнувшему высот самовнушения и в каждый данный момент искреннему, скрывать нечего. Двойные убеждения – результат сложного процесса сублимации страха. Единственный незыблемый принцип для такой человеческой натуры, в последнем счете, – физическое самосохранение.

Правда, переключение с одних убеждений на другие может происходить иногда с инерциальной задержкой, опасной для жизни. С генералом Лукиным этого не случилось – возможно, потому, что еще свежа была память о лубянских допросах. Полагаю, генерал Лукин был искренен в обоих случаях: и когда рассказывал душераздирающую историю о гибели партбилета, и когда назы-

вал свою большевистскую веру «еврейской выдумкой». Неудивительно, что партбилет генерала Лукина, будто Феникс, воскреснет из пепла, и в непрерывный партстаж генерала войдут и те годы, когда он обличал собственный большевизм.

Надо думать, переход от одной полярной позиции к другой генералу облегчило еще и то обстоятельство, что в его молодости обычными среди офицеров были разговоры о пломбированном вагоне с германским агентом Лениным, как и о евреях, «углубляющих революцию», чтобы спихнуть в эту яму Россию.

После Октябрьского переворота сперва в троцкистско-ленинской, а затем в ленинско-сталинской администрации евреи были на виду – как немцы в армии и государственных органах Российской империи. Так что если в служилой среде империи были широко распространены антинемецкие настроения, то в советское время в той же среде распространились настроения антисемитские. Конечно, они существовали и прежде, но теперь усилились, подогретые конкурентной борьбой: в гитлеровском плену генералу было самое время их оживить.

Вернемся, однако, к стенограмме допроса.

Большевизм мог найти поддержку у народов сегодняшнего Советского Союза только в результате конъюнктуры, сложившейся после мировой войны. Крестьянину пообещали землю, рабочему – участие в промышленных прибылях. И крестьянин, и рабочий были обмануты. Если у крестьянина на сегодня нет никакой собственности и он в лучшем случае (в Сибири) получает 4 кг хлеба на трудодень, если средний рабочий зарабатывает 300–500 рублей в месяц (и ничего не может купить на эти деньги), если в стране царят нужда и террор, жизнь тускла и безрадостна, то понятно, что эти люди должны с благодарностью приветствовать освобождение от большевистского ига. Хорошо живется только высшим советским функционерам (обычные дивизионные и армейские комиссары в их число не входят) и евреям.

Исключение для армейских и дивизионных комиссаров – это комиссары в генеральских чинах – Лукин сделал напрасно. Что же до евреев, то им жилось по-разному. Когда нарком еврей Мехлис приезжал (раз в два-три года) к своему земляку, портному Эстрину, то разговор у них, как рассказывал мне сын портного, протекал в таком ключе:

– Вот видишь, Абрам, как все кругом изменилось, какая жизнь у нас теперь! – говорил нарком, призывая портного оторваться от утюга и иглы и взглянуть в голубые дали пятилеток.

– А что я должен видеть? – отвечал портной. – Ну, ты стал наркомом, а раньше мог бы стать купцом второй гильдии, – тоже – о чем ты говоришь?! – большой человек!

– Ты что, не видишь, Абрам, мы же разрушили старый мир, у нас уже нет купцов, эксплуататоров и угнетенных!

– Я все равно портной, ты – все равно нарком. Я бы и не стал купцом второй гильдии, у меня нет такого образования и такой головы, как у тебя. Раньше евреи шли в купцы, теперь их берут в начальники. Ну, что уж так изменилось? Сукно – да, сукно стало хуже.

Нарком гневался и уезжал к себе в Кремль, а портной портняжил и растил своих сыновей: один погиб на фронте, двое воевали, были ранены, но выжили. По тем временам это и было большое еврейское счастье.

Однако, по Лукину, при большевиках было плохо всем, кроме вождей режима и евреев.

Несмотря на это, – продолжал генерал Лукин, – я не верю ни в организованное, ни в стихийное восстание на русской стороне. Уж очень обескровлен народ. Все, что в течение двух десятилетий поднималось против красных властей, уничтожено, сослано либо умерло. А командующий армией, который, может, подумывает в глубине души об организованном сопротивлении, не может ни шагу сделать в этом направлении. Он окружен комиссарами, шпиками и собственным военным советом. Предположим, он может поговорить с некоторыми товарищами, например, с дивизионными генералами (чаще всего такой возможности нет), что это ему даст? У тех генералов тоже свои шпики, командиры полков и т.д. Так что практически мысль нельзя воплотить в действие.

Поэтому толчок должен прийти исключительно извне, то есть вы должны силой опрокинуть организованную власть, не рассчитывая при этом на какую бы то ни было поддержку со стороны русского руководства или русского народа, как бы сильна ни была его ненависть к большевизму. Но этот народ нельзя больше наказывать.

Вы говорите об освобождении народов. Но мы ничего не слыхали об освобождении Украины или Белоруссии. А это означает, что и России не видать свободы и независимости. Разве можно упрекнуть народ, который борется против неизвестного ему чужестранного государства? Не только в руководящих кругах, но и в народе живет сопротивление иноземному агрессору. Красные господа мне чужие, но захватчик – это враг. Вот и льется кровь...

Тот факт, что Лукин говорил об огромной роли чекистов в армии, подтверждает в своей книге и Штрик-Штрикфельд:

От генерала Лукина мы слышали подробности о внедрении агентов НКВД в армию и о заградительных отрядах, размещенных за линией фронта и безжалостно расстреливавших красноармейцев в случае их отступления... И надо признать, что в результате этих драконовских мер сопротивление Красной Армии заметно усилилось.

Холодок в затылке при мысли, что за самовольное отступление получишь пулю в лоб, сублимировал тошнотный страх в матерное мужество...

В публикации «Огонька» Лукин – правда уже в советской аранжировке – приводит эпизод, способствовавший тому, что убеждения генерала повернулись к миру новой, прежде затененной стороной.

Как только мне стало несколько лучше, к нам в палату явился немецкий офицер. Усмехаясь, он вытащил из кармана бумажник и разложил передо мною документы. Это было удостоверение личности, партийный билет, личные письма и фотография генерала Качалова.

– Знаете? – спросил офицер.

Я пожал плечами.

– Качаловых у нас много. Есть, например, знаменитый артист Качалов.

– Не прикидывайтесь, генерал! – сгоняя с лица улыбку, сказал немец. – Это командующий армией генерал Качалов. Он убит нашими войсками в бронемашине.

Раздражение немца можно понять. На документах, предъявленных Лукину, были фотографии генерала, а не артиста. Но перед лицом истории советский генерал не мог ответить иначе. Отсюда эта фантастика. Однако слова офицера, приводимые дальше, звучат правдиво:

– Теперь у вас генерал Качалов объявлен врагом народа, – продолжал офицер. – Его семья подвергается гонениям. А у нас он бы считался героем, его наверняка наградили бы Железным крестом! Понимаете разницу, генерал?

Я уже понял, к чему он клонит. Я понимаю, что офицер явился неспроста, что весь этот разговор – одно из звеньев подготовки к чему-то важному, чего хотят от меня добиться гитлеровцы.

Офицер встал и направился к двери.

– Советую серьезно подумать о вашей судьбе и о том, что предпринять дальше, – сказал он, стоя на пороге.

– Как ты думаешь, правду это он... о Качалове? – спросил я у Прохорова, когда немец вышел.

– Все может быть, Михаил Федорович! – с горечью откликнулся Прохоров. К этому времени мы уже знали, что генерал Качалов не сдавался в плен, как это было сказано в приказе Сталина, обвинившего генерала в предательстве.

Значит, он убит, и немец говорит правду...

После войны я узнал подробности гибели генерала Качалова. В тот момент, когда к командному пункту 28-й армии прорвались гитлеровские танки, генерал Качалов бросился в бронемашину. Он хотел повести за собой людей, в последний раз попытаться вырваться из окружения. Но тяжелый снаряд попал в броневик, и Качалов был убит.

Между тем адъютант Качалова, прокурор и председатель военного трибунала 28-й армии, после того, как они вышли из окружения, желая выгородить себя, сообщили, что генерал, увидев немецкие танки, сорвал с себя знаки различия и ордена и побежал сдаваться в плен.

Этих, как выяснилось позже, ни на чем не основанных и ложных показаний оказалось достаточно для того, чтобы обвинить Качалова в предательстве и репрессировать его семью.

Легко представить, что известие о казни генералов Сталиным, собственный лубянский опыт, память о бесчисленных большевистских художествах продиктовали генералу Лукину такие показания:

– Не можете ли вы создать русское антиправительство?

– Этот шаг, – отвечает допрашивающий, – был бы ошибкой. Ведь вы сами сказали, что людей, которые могли бы взять на себя руководство, не осталось. Русский народ будет рассматривать сформированное нами правительство как послушный инструмент иностранного господства.

– В этих рассуждениях есть логика. Создание вашего нового восточного министерства мы тоже интерпретировали в этом смысле, и все же тут дело обстоит иначе. Если вы сформируете русское правительство, вы тем самым вызовете к жизни новую идею, которая будет работать сама на себя. Народ окажется перед лицом необычной ситуации:

1. есть, значит, все-таки русское правительство, которое против Сталина, а Россия все же жива;
2. борьба направлена *только* против ненавистной большевистской системы;
3. русские встали на сторону так называемого врага, – значит, перейти к ним – не измена родине, а только отход от системы. Тут возникают новые надежды!

Даже видные русские руководители наверняка задумаются над этим; может, даже те, кто еще может что-то сделать. Ведь не все руководящие деятели – заклятые приверженцы коммунизма, но сегодня они не видят другого выхода.

Похоже, бывший поручик русской армии, переживший превращение войны империалистической в войну гражданскую, готов двинуться по ленинскому пути: гражданскую войну он решил превратить в войну отечественную – и тоже с помощью немцев.

Но что же это за «противники большевизма» в верхах? Лукин ответил так:

Есть два человека, настолько популярных и сильных, что они могли бы вызвать изменение обстоятельств: Буденный и Тимошенко. Буденный – человек из народа, но он считает себя очень «культурным» – очень обаятельный человек. Да и вряд ли он забыл 1938 год, когда сам он был в немилости у Сталина. Если бы вам удалось, например, привлечь этих людей, можно было бы избежать напрасного кровопролития. Но эти люди должны знать, что Россия останется; они не удовлетворятся постом командира района или чего-нибудь в этом роде. Вот, видимо, поэтому и нужно русское правительство. Ни Буденный, ни Тимошенко не являются в глубине души фанатическими приверженцами коммунистического принципа. Правда, благодаря большевизму они многого достигли, но если дать им возможность, они выступят за другую Россию. Эта Россия не должна быть полностью похожа на старую. Так, мы думаем, она обойдется без Украины, Белоруссии и прибалтийских стран, но она должна остаться Россией, которая будет идти рука об руку с Германией.

Генерал Лукин отчасти предвосхитил идеи нынешних наших прогрессистов. Однако не прогрессисты заталкивали в состав Союза тех, кого генерал Лукин готов отпустить на волю. Это генерал Лукин – в числе прочих – загонял народы в имперскую клетку. Боюсь, что нынешние «государственники», собиратели земли нерусской, так же не поймут широкий жест генерала, как не поняли бы его современники.

Что же касается лиц, которых Лукин назвал в качестве возможных лидеров, то с одним из них, маршалом Тимошенко, Лукин встречался в тяжелые дни обороны Смоленска, и, возможно, соображения Лукина о настроениях маршала основывались на тогдашних разговорах. Относительно Буденного не решусь делать даже предположений. Может быть, лишь у будущих историков появится для этого хоть какой-то материал.

14 декабря 1941 г. генерал Лукин высказал свое мнение представителям Третьего рейха о главной (главной и сегодня) проблеме России: кому должна принадлежать земля?

Группа войск Центр.

Генерал-лейтенант Лукин о земельном вопросе.

– Для русского крестьянина сегодня самый важный вопрос – это вопрос о владении землей. Крестьянин пошел в революцию, чтобы стать землевладельцем. Советское правительство украло у него эту землю, поэтому крестьянин ненавидит систему. В лазарете у меня была возможность немного заняться немецким крестьянским вопросом. Немецкий закон о наследствен-

ных крестьянских дворах очень привлекателен, потому что он препятствует образованию крупных земельных владений из крестьянских дворов, оказавшихся в нужде. Дайте русскому крестьянину землю – и он ваш.

На собственной земле крестьянин будет работать совсем иначе, чем в колхозе. Там он ведь только самый минимум делает. И о собственном скоте он по-другому заботиться будет, сам станет терпеть нужду, лишь бы прокормить скотину.

Однако я хотел обратить внимание вот на что: если вы прямо сегодня скажете русскому крестьянину, что он, как это следует из закона о наследственных крестьянских дворах, не может продать свою землю, то есть что он не распоряжается ею целиком и полностью, он сразу же начнет относиться к предоставленному ему владению с недоверием. Слишком много и слишком часто его обманывали, и потому он в основе своей недоверчив. А уж бумажкам он и вовсе не верит. И если ему сказать, что земля не отчуждается, он и вовсе усмотрит какую-нибудь советскую штучку. «Если она и в самом деле принадлежит мне, то почему же я не могу продать мою собственную землю?» Поэтому и действовать надо очень осторожно. Крестьянин будет рад-радешенек, что получил землю, никому в голову не придет ее продавать.

Полвека прошло с тех пор, как слова эти были сказаны пленным генералом, а звучат они так, словно только что произнесены на Верховном Совете – ну, скажем, депутатом Черниченко.

Вот парадокс истории российской! Свои разумные и добрые предложения Лукину пришлось подавать не устроителям, а разорителям России, которые, понятно, отправили эти советы в архив. Радетели же отечества, вожди и их ведомые, за такие рассуждения отправили бы генерала в тюрьму.

Прав ли был генерал Лукин, предлагая врагам патриотические советы, от которых отказывались друзья? Как вообще определить момент, когда советский патриотизм переходит в измену родине?

Только когда крестьянин, – продолжал Лукин, – снова привыкнет чувствовать себя собственником, года через два-три, можно выпустить указ соответственно правилам рейха. Хотя сейчас нехватка машин и скота, но если крестьянин будет обрабатывать собственную землю, сельское хозяйство расцветет в самом скором времени, урожаи повысятся. Это однажды уже было показано – в период нэпа.

Ныне в Советском Союзе тогдашние рассуждения Лукина – газетная банальность. Но не значит ли это, что прозорливость, основанная на знании народной жизни, постоянно таит в себе измену сегодняшнему социалистическому отечеству?

В феврале сорок второго года нас привезли в Берлин, – вспоминает генерал на страницах «Огонька». – Внутри лагеря военнопленных был расположен другой лагерь – для русских... Паек наш состоял из двухсот граммов нечищенной картошки, литра супа из брюквы и двухсот пятидесяти граммов эрзац-хлеба. Русские узники лагеря называли свой паек «смертельным». Все военнопленные других государств снабжались значительно лучше. Им полагались маргарин, картофельный суп и даже кое-какие мучные изделия. Представитель швейцарского Красного Креста, который как-то посетил наш лагерь, на мой вопрос, почему нам не оказывают никакой помощи, ответил, что Советский Союз отказался подписать Гаагскую конвенцию, и поэтому Международный Красный Крест ничего для нас сделать не сможет.

– Видимо, ваша страна собиралась воевать без военнопленных, – не без издевки добавил он.

Хотя в рабочих лагерях, «шталагах», наших пленных кормили лучше, чем в транзитных лагерях, который, видимо, описал Лукин, горечь советских «пленяг» понятна: люди ощущали себя заброшенными.

Лукин, по-видимому, был в несколько лучшем положении, чем остальные. Если верить Штрик-Штрикфельду, Лукин и с ним, и с другими офицерами вермахта встречался в атмосфере вполне доверительной.

Мы с ним часто беседовали, – вспоминает Штрикфельд в своей книге. – Он говорил, что... немцы могли бы завоевать дружбу всего населения Советского Союза... Он был готов, невзирая на свою инвалидность, стать во главе пусть роты, пусть армии для борьбы за свободу. Но... драться он стал бы только по приказу русского национального правительства, которое... должно служить лишь интересам русского народа... Немцы не должны беспокоиться: население

оккупированных областей выберет, безусловно, лишь такое правительство, которое будет национально-русским и в то же время непримиримо антисоветским.

Политических результатов эти идеи не дали. Когда группа русских эмигрантов сформировала подразделения Русской национальной народной армии на Смоленщине, Гитлер это начинание ликвидировал.

И все же Русская освободительная армия возникла. Как отнесся к ней генерал Лукин?

В «Огоньке» Лукин рассказал об этом.

В один из январских дней 1943 г. ко мне явился генерал-предатель Власов. Его сопровождал фашистский майор, который перевел меня и Прохорова в немецкий госпиталь в Смоленске.

Власов был в длинном черном штатском пальто, которое делало его еще выше и сутулее, чем на заседании Военного совета наркомата обороны в сорок первом, когда я видел его в последний раз. Он встретил меня стоя.

Власов предложил Лукину «Воззвание к русскому народу».

– Прошу вас, прочитайте, господин генерал!

В воззвании партия и вся советская власть объявлялись враждебными народу нашей страны, а далее говорилось о том, что в скором времени будет сформирована Русская Освободительная Армия (РОА), которая пойдет освобождать Россию.

...– Вот что, Власов, сказал я громко, так, чтобы меня слышали в соседней комнате, в которой, как я знал, собрались мои товарищи по плену, генералы и старшие офицеры Советской Армии. – Вот что, Власов... Меня теперь уже не интересует вопрос, каким способом ты получил партийный билет и для чего ты его носил. В моих глазах ты просто изменник и предатель, и та шайка отщепенцев, которую ты наберешь под свое бесславное знамя, тоже будет не армией, а сборищем предателей...

И далее в том же роде на целую журнальную страницу. Власовский генерал Малышкин, бывший начальник штаба 19-й армии, которой командовал Лукин под Вязьмой, тоже приходил к Лукину – и тоже получил должную отповедь.

Но вот как излагает тот же эпизод – беседу Лукина и Власова – Штрик-Штрикфельд; кстати, самую встречу он относит не к началу 1943 г., а к концу лета 1942-го.

...В результате плена и наблюдения над политикой нацистов Лукин стал крайне недоверчив... Он спросил Власова:

– Вы... признаны офицально Гитлером? И даны ли вам гарантии, что Гитлер признает и будет соблюдать исторические границы России?

Власову пришлось ответить отрицательно.

– Вот видите! – сказал Лукин. – Без таких гарантий я не могу сотрудничать с вами... Я не верю, Власов, что немцы изменят свою политику. А отсюда... всякое сотрудничество с немцами будет служить на пользу Германии, а не нашей родине.

В противовес этому Власов подчеркивал, что не может пассивно наблюдать за ходом событий... Ему в этой запутанной обстановке приходится бороться на два фронта – против Сталина и против другого угнетателя.

Видно было, насколько Власову хотелось убедить этого ценного человека, и отказ Лукина был для него тяжелым ударом...

Лукин сказал:

– Я калека. Вы, Власов, еще не сломлены. Если вы решились на борьбу на два фронта за свободу нашего народа, то я желаю вам успеха, хотя сам в него не верю.

– А если немецким офицерам, которые нам помогают, все же удастся добиться изменения политики, Михаил Федорович?

– Тогда, Андрей Андреевич, мы, пожалуй, могли бы договориться...

Лукину стало ясно, что если Первую мировую войну Ленину удалось превратить в войну гражданскую, то Вторую мировую войну в гражданскую превратить не удастся: немцы стали не те...

Отмечу, что сама манера обращения Лукина к Власову (только по фамилии) совпадает в воспоминаниях и самого Лукина, и Штрик-Штрикфельда. Оно и понятно: от обращения «господин» наш генерал отвык, слово «товарищ» явно неуместно, а «гражданин» в личном обращении не употребляется. Замечу, что в 1964 г. генералу Лукину, видимо, очень хотелось позабыть себя самого двадцатилетней давности. Это усилие добавило жару его воображаемым инвективам против Власова. Судя по декабрьскому протоколу, общение Лукина с нацистами шло на других нотах.

Я прошу вас рассматривать мои признания как высказывания русского, который хочет уберечь свой народ от худшей доли, потому что любит его.

Я прошу о соблюдении тайны, потому что у меня есть семья.

Нацисты сохранили тайну: рекламировать позицию генерала Лукина было не в их интересах.

В 1964 г., когда воспоминания появились в «Огоньке», генерал был уже дома, с семьей. Положение обязывало. А изменить долю народа он все равно не мог.

И тут возникает – уже как проблема – соотношение понятий «любви к народу» и «российского патриотизма». Ведь был же Константин Леонтьев патриотом Державы, для сияния коей народ – что для огня поленья. Государственнический патриотизм и патриотизм-народолюбие, патриотизм демократический у нас друг друга почему-то исключают. Пусть не теоретически, нет, – но *практически*. Это противоречие и не стирается, и не стареет.

Наши историки и публицисты все с большим любопытством вглядываются в запретную и поныне картину: генерал Власов и его армия. «В годы войны мундир фашистской армии носило около миллиона бывших советских людей», – такова рекламная шапка очерка в «Аргументах и фактах». Сам очерк называется «Под личиной идейных борцов», так что этот миллион сразу же этически дискредитируется. А в статье А.Кваши в «Неделе» «Сколько заплатили за победу» говорится, что «на стороне гитлеровцев действовало более миллиона бывших советских военнослужащих, а общая численность антисоветских формирований, включая невоеннослужащих, была еще больше».

Не слишком ли много изменников для войны, которая называлась «отечественной»? В странах, участвовавших не в «отечественной», а просто во Второй мировой войне, такого количества перебежчиков не было.

Этот исторический факт нуждается в исследовании еще больше, чем даже такой интригующий социально-психологический феномен, как поведение наших битых и пытаных генералов, не просто кричавших перед расстрелом, как Иона Якир: «Да здравствует Сталин!», но и отстаивавших сталинскую империю все предвоенные, военные и послевоенные годы. А это срок долгий, достаточный, чтобы и эти генералы, и их коллеги, тоже хорошо информированные, успели подумать, что же именно они защищали, защищают и собираются защищать. Говорят, что генералы чувствуют себя патриотами. Но что такое «патриотизм» в советский период? Были ли русскими патриотами Рокоссовский с Горбатовым или они были патриотами только советскими?

А если они были и русскими, и советскими патриотами, то как оценить патриотизм генерала Власова, собиравшегося бороться и против Сталина, и против Гитлера? Считать это маской? Но почему тогда не считать маскировкой патриотические речи Сталина, сознательно уничтожившего миллионы русских и нерусских, Сталина, чье правление принесло России не меньше вреда, чем гитлеровское нашествие? Неужели Сталина следует считать патриотом только потому, что все мы кричали: «За Родину! За Сталина!» Право, было бы оскорбительным для нашего народа, если бы это возглашение оказалось исчерпывающей патриотической формулой военных лет!

По нашу сторону фронта тоже были люди, сражавшиеся за родину без Сталина, просто за родину; для этих людей Сталин был бедой, пока, к сожалению, неустранимой.

Нацисты не хотели использовать эту ненависть, чтобы превратить свое победоносное нашествие в гражданскую войну. Такая помощь им была не нужна. Так же, как, скажем, Сталину не нужна была Варшава, освобожденная самими поляками. И Гитлеру, планировавшему уничтожение миллионов славян, и Сталину нужны были завоеванные контингенты, потенциальные рабы. Отсюда недоверие нацистов к Власову, отмеченное в «огоньковских» воспоминаниях Лукина: генералы и офицеры РОА долгое время не могли добиться от немцев права носить оружие.

Лукин объясняет это (разумеется, для читателей «Огонька») тем, что даже гитлеровцы не могли доверять таким подонкам, как Власов и его генералы. Между тем нацистские верхи догадывались, что у генерала Власова и его окружения есть свои национальные цели. Это стало совершенно ясно, когда по инициативе Власова осенью 1944 г. был создан Комитет Освобождения народов России. Нацистам пришлось пойти на уступки: превратив сперва бревно в соломинку, утопающие теперь за эту соломинку хватались.

Генерал Лукин не пошел с Власовым; оставался ли он в своем гордом одиночестве русским патриотом? Профессор Д.Поспеловский, ссылаясь на Штрикфельда, пишет в примечаниях к его книге, что «Лукин был одним из тех советских военнопленных, кто отклонял сотрудничество с Власовым, оставаясь в то же время врагом Сталина». Это многозначительное замечание свидетельствует, что оппозиция наших народов советской власти не ограничивалась «лишь» тем миллионом военнопленных, которые вступили в РОА и другие национальные части при германских вооруженных силах.

Но эта же ситуация показывает и другое. Так складывалась русская история, что русский патриотизм таил в себе постоянную опасность государственной измены и гражданской войны. Именно эту особенность нашей любви к отечеству и воспел Булат Окуджава:

Я все равно паду на той,
На той, единственной, гражданской...

Феномен генерала Лукина – особый патриотизм, в основе которого лежит непримиримое противоречие. Противоречие между патриотизмом державным (он восторжествует в генерале после возвращения домой) и патриотизмом-народолюбием, победившим тогда, когда растаяло генеральское звание и искалеченный человек оказался наедине с историей России и собственной судьбой. Такой двойственный патриотизм не собирает душу воедино, а работает на разрыв. Тут, однако, приходит на помощь вторая составляющая феномена Лукина: спасительное двуличие. Двуличие – по смыслу слова – это не лицемерие, это не две личины, а два лица. Лукин не был лживым человеком, он был человеком о двух правдах, как монета бывает о двух сторонах или дракон о двух головах. Спросите, какая настоящая? Он ответит: обе.

Ни Лукин, ни Власов, ни Рокоссовский не мечтали, вероятно, о демократической России. Полагаю, что Лукин с Власовым хотели построить новую Россию на базе того же диктаторского режима, что и Сталин с Гитлером, но в стороне от них.

У сталинской России не было другого выхода, кроме победы. Но что принесла победа над нацизмом русским патриотам-демократам, вернувшимся в домашнее рабство? Сталинизму эти люди были столь же чужды, как и национал-патриоты, собиравшиеся осчастливить народ посредством третьего – не гитлеровского и не сталинского – варианта диктатуры.

Патриотизм – чувство сильное, но не обязательно цельное. Казалось бы, русский патриот должен прежде всего любить своих, русских. Но тут все не так просто. Русский эмигрант, христианин, участник Сопротивления легче находил общий язык с французом Де Голлем, чем с организаторами русской национальной народной армии, тоже русскими эмигрантами и христианами.

Русский человек ищет в другом русском те черты, которые считает достоинствами. Но один ценит в русском характере силу, смелость, способность быть

бодрым и немудрящим солдатом Империи, каким был Василий Теркин, пока не попал в ад; другой ценит мечтательность, тихость душевную, доброту. Так в противовес «своим» возникают «чужие русские», которых п а т р е о т ы[1] называют евреями, полукровками, масонами, квартеронами, подонками и проч. за то, что эти русские считают «русскость» не достоинством, а просто особенностью.

Таким образом, комплекс «русскости» противоречив до полной непримиримости. Может быть, он порожден стремлением к единству и миру. Однако стремлением нетерпеливым и нетерпимым. Спокойно воспринять тот факт, что полноценным русским был и Писарев, «отрицавший» Пушкина, и Белинский, его превозносивший, – адепт воинствующей, воспаленной «русскости» не может. Эта не просто напряженность, эта *воспаленность* принципа толкает людей на поиски «русского сознания», «русской идеи», «русского характера» как чего-то цельного, единого и единственного. Именно в этом поиске «единого и единственного» – истоки гражданской войны в области мысли, раздирающие страну сейчас. Эта гражданская война обеднила и обезличила нашу мысль.

Бердяев и Столыпин, Никита Хрущев и Андрей Сахаров – люди типично русские. Но где же тут общий национальный характер? Русский «национальный характер» или «национальный дух» настолько многообразен, настолько иной раз кажется взаимоисключающим в разных своих проявлениях, что искать тут общий знаменатель уровня постфольклорной культуры – все равно, что искать философский камень. Занятие, конечно, почтенное, но – для средневековых алхимиков. Национализм, слишком агрессивно рвущийся к внутренней цельности, опасен, ибо на этом пути он перестает отличать добро от зла.

Пока в силе самый угрожающий род патриотизма: патриотическая любовь к танкам, парадам, победам и воинским подвигам. К доброте же и разуму – лишь постольку, поскольку доброта и разум эту красоту признают.

Судьба генерала Лукина весьма поучительна. На родину он вернулся отнюдь не генерал-лейтенантом, а подозреваемым лицом. Тут рассказу Лукина в «Огоньке» вполне можно верить.

Освобожденных из плена высших офицеров везут в Москву. Настроение поначалу у всех приподнятое.

Но уже в полете, – вспоминает Лукин, – радость наша постепенно сменилась беспокойством: летчики и сопровождавшие нас люди в военной форме держались хмуро и замкнуто, в разговоры не вступали, а на расспросы не отвечали. Беспокойство наше усилилось еще больше, когда после долгого перелета ЛИ-2 приземлился на Центральном аэродроме. На взлетном поле и возле аэровокзала – ни души. Трапы никто и не думает подавать. Двери закрыты. Мы поняли, что ничего хорошего нас не ждет. В самолете установилась гнетущая тишина.

Еще бы! Люди почувствовали, что друзья встречают их по-вражески. Страшна эта вывернутость, выморочность отношений между советскими служилыми людьми, вырабатывающая у них защитную реакцию о двух головах... Генерала Лукина посадили в легковую машину и куда-то повезли.

Промелькнул Белорусский вокзал. На Лесную не свернули. Значит, не в Бутырки... Площадь Дзержинского. Лубянка? Нет, поворот к Старой площади. «Нас везут в ЦК?» – неуверенно спросил я у своего спутника. Он усмехнулся: «Туда еще рано... Время покажет!» «Неужели в Лефортовскую тюрьму?» – вырвалось у меня. «Нет. Пока едем в Люберцы».

В Люберцах под охраной мы провели 5 месяцев, в течение которых нас что ни день вызывали на допросы. Мы носили офицерскую форму без погон, питались в офицерской столовой. Но часовой под грибком и ежедневная поверка напоминали: Москва, наши родные и близкие еще далеки...

---

[1] Такое написание предложено Бодуэном де Куртене, замечательным русским лингвистом, в его редакции «Толкового словаря» Даля. Приметы «патреотов» по де Куртене (в отличие от «патриотов») – историческая малограмотность, черносотенство, любовь к насилию, а также убеждение, что русский квас – самый лучший напиток в мире. Теперь они добавляют: «Не в пример кока-коле»!

Одновременно с «фильтрацией» содержавшихся в Люберцах высших офицеров, в одной из московских тюрем допрашивали – другими, очевидно, методами – Андрея Власова и его генералов, в том числе генерала Малышкина, о котором с презрением вспоминал Лукин.

Если бы, однако, Власов, тот же Малышкин или любой другой руководитель РОА рассказали правду о Лукине – чистую, так сказать, протокольную правду, – то не сносить бы Лукину головы. За меньшее нашим пленным давали сроки. Позиция же Лукина была бы оценена как измена.

Нет сомнений, что у власовских генералов о Лукине спрашивали и, как водится, с чекистским припевом, что сам он во всем сознался и вас заложил. Последнее наверняка было правдой: о Власове и его подчиненных у Лукина спрашивали, и Лукин просто не мог не поливать этих изменников грязью, если хотел спасти себе жизнь.

Но ни Малышкин, ни Власов, ни генералы из его окружения, читая протоколы допросов Лукина, не поддались чувству мести. Когда все они были еще у немцев, то распространяться о позиции Лукина было невыгодно. А вот почему они не сказали об этой позиции теперь, на чекистских пыточных допросах?

Как бы ни относиться к генералу Власову и его окружению, но то, что никто из них не продал генерала Лукина, – факт, свидетельствующий, что в условиях жестокого следствия они вели себя как смелые и честные люди.

Через семь месяцев госпроверки Лукина освободили и восстановили в звании. Освободили по-чекистски подло.

В комнате, в которую меня ввели, сидели трое. Мне предложили сесть и с минуту рассматривали меня. Потом один сказал: «Ну, что ж... Собирайтесь. Едем!» Видимо, я изменился в лице.

– Что с вами, генерал? Идите собирайтесь. Только никому не говорите, куда едете.

– Да ведь я и сам не знаю!

– Вы едете домой!

На этом мытарства мои кончились. Скоро я обнимал жену и родных. И не было конца нашей радости...

Что же сталось с генералом Лукиным после того, как кончилась эта странная история, когда «друзья» держали его на мушке, а «враги» выгораживали?

Пока вождь был жив, Лукин, конечно, не мог чувствовать себя спокойно. В начале шестидесятых он осмелел – напечатал воспоминания в «Огоньке». Почему-то он был уверен, что концы теперь глубоко в воде. Он получил новые ордена: к трем прежним прибавилось еще пять. Маршал Жуков, маршал Малиновский, писатель Константин Симонов, даже сам Михаил Шолохов – все они высоко оценили генерала Лукина и как военачальника, и как человека.

Несомненно, генерал Лукин в нужных случаях произносил ритуальные фразы. А прежние мысли?

Видимо, теперь устами генерала Лукина заговорили обе его правды. С одной стороны, деревня ограблена, народ замордован, с другой – мы победили.

Генерал-лейтенант Лукин умер в 1970 г. и похоронен на почетном Новодевичьем кладбище. В ретроспективе новочеркасских беспорядков и в перспективе новых народных волнений феномен Лукина, патриотический комплекс генерала из народа, заставляет о многом задуматься. Конечно, если судить по последним выступлениям наших генералов, надежды на совесть и здравый смысл невелики. В большинстве своем эти люди – как бронебойные пушки, их единственная забота – не промахнуться.

Ясно, однако, что какая бы из двух концепций – тоталитарно-советская или тоталитарно-антисоветская – ни восторжествовала в военно-патриотических душах, существует только одна, историческим опытом проверенная правда: чем ближе российские порядки к упорядоченной и скучной европейской демократии, тем меньше людей погибнет в России.●

Евгений БАРАБАНОВ (Москва)

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ: НЕВРОЗ СВОЕОБРАЗИЯ

В порядке онтологическом сказано было: метафизика производит психологию; в порядке психологическом, напротив: психология определяет наши метафизические построения. В порядке же символическом скажем, как сказали уже: метафизическое выражается в психологическом, психологическое выражает метафизику.

П.А.Флоренский

Еще совсем недавно русская философия была изгнанницей на своей родине. Книги многих русских мыслителей находились под запретом; их изымали на обысках, их читали тайно, либо – по особым разрешениям – в спецхранах редких библиотек.

Сегодня положение разительно изменилось: нет журнала, который бы не напечатал чего-нибудь из Бердяева или Розанова, Вл.Соловьева или Булгакова. Вчера еще запрещенные книги теперь лежат на прилавках или рассылаются подписчикам. Об их авторах говорят и пишут как о «классиках». На них ссылаются как на бесспорные авторитеты. И, в соответствии с русской традицией, конечно же, без устали подчеркивают «самобытность» русской философии.

Эта претенциозная, ко многому обязывающая характеристика, безусловно, – преувеличение. Но не только. Выпячивание «самобытности» – всегда симптом, к тому же весьма тревожный. О нем-то и пойдет речь.

I

Если не терять из виду более широкий горизонт – горизонт мировой культуры – легко заметить: русская философия, в отличие, скажем, от философии индийской или китайской, не выдвинула собственных основополагающих идей, независимых от греко-римского, византийского или новоевропейского философского наследия. Она не создала, как это было в Индии, оригинальной формы логики, независимой от развития логики в Европе; она не выработала тех действительно самобытных концепций в области теории знания, онтологии, космологии, этики, которые мы находим в Упанишадах, системах ньяя или джайнизма в Индии либо в китайском даосизме и конфуцианстве.

Русская философия, включая сюда и предфилософский период X–XVII вв., следует общей линии развития европейской философии от Средних веков до новейшего времени: она также, хотя и не в полной мере, была приобщена к наследию Платона, Аристотеля и неоплатонизма; она также, хотя и с некоторым отставанием, верна хронологической последовательности европейской философии Нового времени: Просвещение, идеализм, позитивизм, неокантианство, прагматизм, феноменология; ее вообще невозможно представить без рецепции Спинозы, Канта, Шеллинга, Фихте, Гегеля, Шопенгауэра, Фейербаха, Маркса, Конта, Милля, Спенсера, Джемса, Ницше, Бергсона, Гуссерля и множества других европейских философов.

Однако при всем этом вполне справедливо говорить о *своеобразии* русской философии как в период ее непосредственной зависимости от византийского наследия, так и в период зависимости от философии новоевропейской.

В русской философии есть свое поле проблем, свой угол зрения, собственный стиль философствования, свой образ философа, свое толкование места философии в жизни.

Безусловно, своеобразными, например, являются застрявшие *между* философией, идеологией и литературой русский мессианизм, русский нигилизм, русский космизм, религиозный, социальный и эстетический утопизм.

Сама эта идеологизированность философии, которую интересовали не столько отвлеченные теоретические вопросы, сколько практические проблемы переустройства мира и человека, или стихийное растворение философии в литературе – в литературе художественной, в литературной критике, в публицистике, в поэзии, в проповеди, в культурологической эссеистике, – яркая черта ее своеобразия. На этой особенности русского литературного мышления как мышления философского настаивали прежде всего сами русские мыслители – В.С.Соловьев, В.В.Розанов, Н.Н.Страхов, Н.А.Бердяев, Л.Шестов, А.Ф.Лосев. С предельной отчетливостью этот тезис в начале века сформулировал А.С.Глинка (Волжский), литературный критик, много писавший на религиозно-философские темы: «Небогатая оригинальными философскими системами, русская литература тем не менее очень богата философией, своеобразной, яркой и сочной. Русская художественная литература – вот истинная русская философия, самобытная, блестящая философия в красках слова, сияющая радугой мысли, облеченная в плоть и кровь живых образов художественного творчества. Всегда отзывчивая к настоящему, преходящему, временному, русская художественная литература в то же время всегда была сильна мыслью о вечном, непреходящем; почти всегда в глубине ее шла неустанная работа над самыми важными, неумирающими и значительными проблемами человеческого духа; с проклятыми вопросами она почти никогда не расставалась. И какой роскошью линий и красок, какой дивной прелестью образов и картин развертывалась эта работа в художественно-философских, бессистемных системах русских писателей, в их, казалось бы, таких далеких от философии повестях, романах и стихотворениях. За последнее время многие стали понимать, что истинную русскую философию следует искать больше всего именно здесь. Пушкин и Лермонтов, Гоголь и Салтыков, Тургенев и Гончаров, Толстой и Достоевский, Успенский, Короленко, Чехов – все это подлинная наша философия, философия в красках и образах живого, дышащего слова» (*Волжский*. Из мира литературных исканий. Спб., 1906, с. 300–301).

К такому же расширительному толкованию философии относятся и более поздние попытки придать древнерусской книжности или иконописи статус философского дискурса. В этих попытках легко различим все тот же романтический, не прошедший строгой философской рефлексии постулат, которому следовал еще Белинский: «Философ говорит силлогизмами, поэт – образами и картинами, а говорят они одно и то же». Наивная вера в то, что «говорят они одно и то же» – и это «одно и то же» составляет философию, – привела к размыванию границ между собственно философской рефлексией и литературой, к отождествлению «философского содержания», скажем, романа или поэтического произведения (по отношению к которым говорится об их «философской глубине», «философском проникновении» или «философском обобщении») с философской работой как таковой.

Возник даже образ двух антагонистических типов философии: философии академической и, по удачному определению Розанова, «философии сектантской». Первая ветвь – философия университетских кафедр, зависимая от западных образцов, обладающая особым языком и категориальным аппаратом; вторая, тесно связанная с литературой, – темные, бродящие философские искания, которые, не имея часто даже плана, пытают «природу вещей», действительность, историю, тайны бытия, запутанность человеческой мысли. «В обоих формах своих, – поясняет Розанов, – «философия» наша движется без всякого взаимодействия; они почти не знают друг друга, явно друг друга игнорируя» (*В.Розанов*. Природа и история. СПб., 1900, с. 161–162).

Именно ко второй ветви относится и особенно популярная в последние годы *русская религиозная философия* – своеобразное соединение элементов немецкой идеалистической философии (обычно восходящих к Шеллингу),

православного догматического богословия, апологетики и романтического утопизма. Эта религиозная философия, задуманная в кружках любомудров и славянофилов, выдвинула задачу построения синтетической системы целостного знания, в котором были бы гармонизированы работа разума, церковная вера и органическая полнота жизни.

Однако самой важной и определяющей чертой своеобразия внеакадемической русской философии несомненно является ее центральная тема – она же предмет, проблематика и конститутивный принцип всех типов философского дискурса – *тема России*, традиционно понимаемая как фундаментальный вопрос об исторической, религиозной, культурной, социальной, метафизической, экзистенциальной идентичности.

Этой же центральной темой определяется и главная оппозиция, которой подчинены историософия, гносеология, антропология, аксиология, этика, история философии: *оппозиция Россия – Запад*, оппозиция, которая, несмотря на все усилия ее рационального осмысления, составляет неустранимый невротический конфликт, лежащий в основе культурного самосознания, – конфликт между побуждением и вытеснением, между действительностью и фантазиями, между желанием укрыться в прошлом и безудержными футурологическими проектами глобального переустройства жизни, между навязчивыми самоупреками в несамостоятельности или умственной отсталости и притязаниями осчастливить мир сверхценными идеями.

О психологической ауре, сопутствующей этой оппозиции, в свое время проницательно заметил Г.Шпет в своих «Очерках по истории русской философии»: «Ближайшее соприкосновение наше с западною мыслью возбуждает в нашем сознании чувство таинственности в существовании и назначении России. Рефлексивная аристократия по понятным основаниям берет на себя долг разрешения этой проблемы и через это «Россия» становится законною проблемою русской философской рефлексии... Моралистические обвивы, которыми так изобильна русская философия, связывают – соединяют и стесняют – ее движение, но сплетаются вокруг той же основной загадки-проблемы.

Славянофильские проблемы в этом смысле – единственно оригинальные проблемы русской философии, как бы ни решались они – формально-отрицательно и контрадикторно – оппозиционной интеллигенцией. Нет истории, которая так заботилась бы о завтрашнем дне, как русская. Поэтому *русская философия – утопична* насквозь, даже – как ни противоречиво это – в своем романтическом настроении. Россия – не просто в будущем, но в будущем вселенском. Задачи ее всемирные, и она сама для себя – мировая задача. Тут и специфическая национальная психология: самоедство, ответственность перед призраком будущих поколений, иллюзионизм, неумение и нелюбовь жить в настоящем, суетливое беспокойство о вечном, мечта о покое и счастье, непременно всеобщем, а отсюда – самовлюбленность, безответственность перед культурою, кичливое унижение учителей и разнузданно-добродушная уверенность в превосходной широте, размахе, полноте, доброте «души» и «сердца» русского человека, в приятной невоспитанности воображающего, что дисциплина ума и поведения есть узость, «сухость» и «односторонность».» (*Г.Г.Шпет*. Очерк развития русской философии. Соч., М., 1989, с. 52–53.)

II

Соотнесение Г.Шпетом центральной темы русской философии с психологией русского культурно-исторического сознания вполне соответствует вынесенному в эпиграф тезису Флоренского: «В порядке онтологическом сказано было бы: метафизика производит психологию; в порядке психологическом, напротив: психология определяет наши метафизические построения. В порядке же символическом скажем, как сказали уже: метафизическое выражается

в психологическом, психологическое выражает метафизику» (*П.А.Флоренский.* У водоразделов мысли. М., 1990, с. 34).

В самом деле, если психология определяется метафизикой, а метафизика – психологией, как это, согласно Флоренскому, и происходит с религиозной философией, опирающейся на церковное православие, то, очевидно, таким же образом должны соотноситься между собой психология и метафизика, взятые в более широком культурологическом контексте.

Рассматривать всю сложность этого контекста в пределах краткой статьи, разумеется, невозможно. Здесь неизбежны схематизм и жесткие контуры. Однако, поскольку речь идет о «порядке символическом» – об идеях, мировоззрениях, доктринах, метафизических установках, ценностных нормах или предпочтениях, то есть о том, что уже само по себе обязывало русскую мысль занимать определенную позицию по отношению к традиции и традициям, то методологически оправдано и нам опираться на типологию, которую, кстати сказать, отстаивала сама же русская философия, защищавшая собственное национальное или партийно-родовое своеобразие. Действительно, какими личностными, порой предельно субъективными, ни представлялись бы нам высказывания тех или иных русских мыслителей, все-таки русская философия, вместе с русской литературой и символическим языком «духовного опыта народа и церкви», прежде всего ориентировалась не на феноменологический анализ конкретного «здесь-бытия», но на подавляющую силу господствующих архетипов, схем, мифов, парадигм. И в этой ориентации – ключ к прояснению не только *содержания* своеобразия русской философии, но и того, что в порядке психологическом можно назвать *неврозом своеобразия.*

Традиции русского культурного самосознания типологически следуют гностической парадигме, восходящей к Маркиону[1]. Для Маркиона, который представлял один из дуалистических типов религиозно-мифологического жизнепонимания, история и мир не просто делились на Царство Света и Царство Тьмы, но подчинялись стадиальному, следовавшему друг за другом владычеству двух Богов: первый – Бог Ветхого Завета, Демиург, создавший материальный мир, и его Законодатель, жестоко карающий за нарушение своих законов; другой – Бог Нового Завета, неведомая древнему миру Высшая, Непознаваемая, Всеблагая Сущность. В соответствии с этими двумя эпохальными заветами у Маркиона и два образа Спасителя: один – земной мессия не сбывшихся ветхозаветных пророчеств, другой – Христос Нового Завета, своим царством благодати отменивший власть неумолимых космических законов. Согласно Маркиону, только явление Христа открыло людям истинное знание Высшего Божества и научило их стремиться к нему как к конечной цели. Однако пребывание человека в его неизреченном свете невозможно без строжайшего аскетизма: поскольку материя есть враждебное Богу злое начало, то и все сопряженное с ней отделяет человека от истинного познания и созерцания.

Разделение единой христианской церкви на восточную и западную средневековой Русью было осмыслено по сходной схеме: западное христианство, символизируемое первым, но «ветхим» Римом, предстало в образе пагубной ереси, заблуждения, греха, тьмы, тогда как византийское, а затем русское православие, символизируемое Новым – и *последним* – Римом, было провозглашено царством истины, света и благочестия.

«В Древней Руси идея особого положения русского народа в мире как народа, удостоенного православной веры, развивается уже в первый же век по принятии христианства. Тогда сложилось мнение, что даровав русской земле православие, Господь будет требовать за это от русского народа

[1] Церковный реформатор II века, автор не дошедших до нас «Антитез»; был осужден церковью как еретик.

больше, чем от других, и будет строже наказывать его за грехи. В своем составленном около 1037 года «Слове о законе и благодати» митрополит Иларион, первый русский, ставший главой русской православной церкви, утверждает равноправие Руси с Византией, претендовавшей на мировое господство и мировое руководство. Он говорит: «Сбысться о нас языцех реченное: открыет Господь мишцу свою святую пред всеми языки и узрят все концы земле спасение, еже от Бога нашего». Летописец, составлявший в том же веке первую историю русского народа, развил эту же мысль об избрании Руси Богом для особой христианской миссии в мире. В своем прологименоне к русской истории он описывает посещение Руси апостолом Андреем и пишет, что остановившись на горах берегов Днепра, апостол предсказал большое будущее христианству в России: «На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий и воздвигнет Бог много церквей». Несколько дальше, под годом 1093, рассказывая о нашествии азиатских кочевников-половцев на русскую землю, летописец объясняет все несчастья русской земли именно тем, что русские, будучи избраны Богом для принятия православия и будучи им особо любимы, тем не менее часто грешат, и поэтому Господь их особо строго наказывает. «Ибо кого так любит Бог, как нас возлюбил? Кого так почтил он, как нас прославил и превознес? Никого! Потому ведь и сильнее разгневался на нас, что больше всех почтены были, зная волю владычную, и, презрев ее, как подобает, больше других наказаны».» (*С.Зеньковский.* Русское старообрядчество. Мюнхен. 1970, с. 28–29.)

Идея, что Русь поставлена Богом выше других государств, что центр мировой истории переместился в Россию, легла и в основу историософского мессианизма Московского царства. Третий Рим – Москва толкуется древнерусской книжностью как царство, в котором «православная вера почитается и прославляется больше, чем где-либо на земле», как особое место, где «воссияла благодать Святого Духа», Богоизбранное русское царство, превзошедшее всех благочестием, будет последним царством в истории: с концом Руси придет конец всему миру.[1] В народном «Стихе о Голубиной Книге» это воззрение обретает архетипическую форму в мифологии о женской природе России: «Наш царь над царями царь, Светла Русь земля – всем землям мать»[2].

Естественно: противостояние России и Запада (при всей традиции культурных, дипломатических и торговых взаимосвязей) столетиями мыслилось как универсальное, чуть ли не космическое противостояние двух духовных миров, как антитеза начала и конца, будущего и прошлого, истины и заблуждения, благодати и закона, Христа и Антихриста. Не случайно в

[1] Формула мессианской конструкции «Москва – Третий Рим» – не только достояние русского средневековья; она получила широкое хождение и в идейных спорах XIX–XX вв. Несомненно, глобальное значение этой формулы определяется тем, что тут «не просто выражение идеи, а провозглашение законов восприятия исторических событий, истории. Это рефлексия второго порядка. Сами формулы, в том числе и «Москва – Третий Рим», могут встречаться в текстах достаточно редко, но это не отменяет универсального значения законов, ими определяемых» (Ф.К.Бадаланова-Покровская, М.Б.Плюханова. Средневековые исторические формулы. Труды по знакомым системам. XXIII. Тарту. 1989, с. 80 и след.).

[2] Представления о женской природе земли («родная земля», «земля-мать», «Мать-Сыра-Земля») – сквозные как для фольклора, так и для древнерусских церковных поучений: «У каждого человека три матери: мать родная и две великих матери: Мать – сыра земля и Мать Богородица» (ср. апокрифические «Беседы трех Святителей» и «Свиток Иерусалимский» с духовным стихом «О пьянице» («Василий Великий»). Понимание земли как женского организма (грудь – «сионские горы», пуп – «пуп земной», vulva – «ад кромешный») нашло отражение в одной из русских «заветных сказок» А.Н.Афанасьева. В мифо-поэтическом сознании «Мать-Сыра-Земля» является устойчивым образом женского плодородия (жидкая, «сырая» субстанция). Ср. известное место в «Бесах» Ф.М.Достоевского:: «А по-моему... Бог и природа есть все одно... А тем временем и шепни мне, из церкви выходя, одна наша старица, на покаянии у нас жила за пророчество: «Богородица что есть, как мнишь?» – «Великая мать, отвечаю, упование рода человеческого». – «Так, говорит, Богородица – великая мать сыра земля есть, и великая в том для человека заключается радость.».» (Подробнее см. Б.А.Успенский. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. В сб.: Структура текста-81. М., 1981, с. 49–53).

своей борьбе с Западом русские полемисты приравнивают «латинство» (то есть римско-католическую церковь) к *язычеству*.[1]

Со времен Петра I знаки плюс и минус резко поменялись местами: западная наука, культура и техника были истолкованы отечественными реформаторами как *свет*, способный просветить тьму русского ума и жизни. Однако раскол культурного общества XIX в. на «славянофилов» и «западников» обнаружил, что традиции средневекового противостояния не умерли. С предельной категоричностью их сформулировал в середине XIX века Константин Аксаков: «Подражание Западу – гибельно для нас. Подражание введено самим правительством, то есть Петром, и от правительства мы вправе ожидать возвращения на русскую дорогу... Запад разрушается, обличается ложь Запада, ясно, к какой болезни приводит его избранная им дорога. Я радуюсь обличию лжи. Ужели и теперь Россия захочет сохранять свои связи с Западом. Нет, – все связи нашей публики с Западом должны быть прерваны... Русским надо отделиться от Европы Западной... *верная порука тишины и спокойствия есть наша народность*. У нас другой путь, наша Русь – святая Русь... *Отделиться от Запада Европы – вот чего нам надо*» (Цит. по кн. *Н.И.Цимбаев*. Славянофильство. М., 1981, с. 162, 155–156).

Описание Иваном Аксаковым того, что произошло с Россией в эпоху петровских реформ, напоминает злоключения героини в романе «Жюстина» маркиза де Сада. «Русская земля, – пишет Аксаков, – подверглась внезапно страшному внешнему и внутреннему насилованию. Рукой палача совлекался с русского человека образ русский и напяливалось подобие общеевропейца. Кровью поливались, спешно, без критики, на веру, выписанные из-за границы семена цивилизации. Все, что только носило на себе печать народности, было предано осмеянию, поруганию, гонению; одежда, обычай, нравы, самый язык – все было искажено, изуродовано, изувечено. Народность, как ртуть в градуснике на морозе, сжалась, сбежала сверху вниз, в нижний слой народный; правильность кровообращения в общем организме приостановилась, его духовная цельность нарушена. Простой народ притаился, замкнулся в себе, и над ним, ближе к источнику власти, сложилось общество: вольные и невольные отступники его духа. Русский человек из взрослого, из полноправного, у себя же дома попал в малолетки, в опеку, в школьники и слуги иноземных всяких, даже духовных дел мастеров. Умственное рабство перед европеизмом и собственная народная безличность провозглашены руководящим началом развития» (*И.С.Аксаков*. Речь о А.С.Пушкине. В кн. *К.С.Аксаков, И.С.Аксаков*. Литературная критика. М., 1981, с. 265).

Аксаковский образ России-женщины, насилуемой чужеземцами (Западом), как уже говорилось выше, – устойчивый мифологический образ русского народного сознания («мать-земля», «дева-пустыня») и русской литературы. Уже в самом русском языке слово «чужой» семантически связано с «иным» миром: это пришелец извне, «чужак» или враг, но также и шаман, колдун, носитель особого знания, представитель «иного», потустороннего мира (не случайно слово «враг» является синонимом черта); но в обоих случаях – это всегда сила, нарушающая установленный порядок, меняющая мир, вносящая

[1] Эта тема появляется уже в «Слове святаго Феодосья игумена Печеръскаго монастыря о вере крестьянской и о латыньской», написанном, как полагают, в 1069 г. (См. И.П.Еремин. Из истории древнерусской публицистики XI века. – «Труды отдела древнерусской литературы», 1935, т. 2, с. 21–38; о последующей полемике см.: А.Попов. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.), М., 1985). Тема эта развивается и «умозрением в красках», например, церковными изображениями Страшного Суда. Вот один из примеров: «На нашем изображении уже отразилось разделение церкви на Восточную и Западную; потому римское царство, которое ангел показывает Даниилу, названо Антихристовым; оно стоит вместе с вавилонским, мидийским и персидским – представителями древнего язычества. Ляхи, как католики, также не умели познать Христа, по понятиям нашего подлинника. Сюда же причислена и Литва, вероятно, как народ еще языческий» (Ф.И.Буслаев. Изображение Страшного Суда по русским подлинникам. – Сочинения Ф.И.Буслаева. Т. 2. Сочинения по археологии и истории искусства. Спб., 1990, с. 147).

в мир иные ценности. Отсюда – психологическое недоверие, страх, вражда и, одновременно, опасливое уважение не только к инородности, но и к новому знанию, умению, творчеству.[1]

Именно таковым и представляется иностранец фольклорным сознанием, а вслед за ним – русской литературой. По отношению к женскому началу России он выступает «соблазнителем» или «погубителем-Антихристом (таковы, например, фольклорные образы Петра I и Наполеона), «колдуном» («Страшная месть» Гоголя), демонической силой наваждения; все его преобразования – только насилие, поругание, духовная порча.

III

Эти родовые, архетипические мотивы русской мифологии не исчезли, но, напротив, усилились при тотальном возвращении к гностической парадигме Маркиона в эпоху построения социализма в отдельно взятой стране.

Как и в старину, мир оказался бескомпромиссно разделенным на Царство Необходимости и Царство Свободы, на «Ветхий завет» капитализма и пришедший ему на смену «Новый завет» социализма, на дряхлый Рим мессианских пророчеств, а затем пагубных ересей, реакционного отступничества и оппортунизма – и Новый Рим самого верного, самого передового учения.

Новый мир предстал как воплощение утопических сновидений[2], осуществление литературных грез и пророческих проектов, как приблизившееся эсхатологическое царство: обновленная земля и обновленное небо, новый Эдем, новый рай на земле. Здесь родилось новое Слово, здесь пребывали ум, честь и совесть нашей эпохи. Здесь, в лоне самой справедливой справедливости и самой экономной экономики, в атмосфере всеобщего счастья и всенародного ликования собирались сказочные урожаи, совершались бессмертные подвиги, ставились невиданные рекорды. Творец новой жизни – новый райский человек, закаленный в боях на фронтах труда, – героически побеждал стихии природы и с каждым днем отодвигал границы невозможного. Этот рай воспевали поэты, о нем слагались кантаты, снимались фильмы, писались научные труды. Художники отражали его величие в монументальных картинах, фресках, скульптурах. Неумолкавшие репродукторы славили его на площадях и в коммунальных квартирах: «Сегодня – лучше, чем вчера, завтра – лучше, чем сегодня!»

Единственное, что мешало воплощению «будущего всего прогрессивного человечества» в остальных странах, – это окружавшие его со всех сторон реакционные силы отживающего «капиталистического прошлого», демоны злобы, тьмы, разложения. И хотя границы нового Эдема оставались на замке и прочно охранялись самой доблестной в мире армией, коварные агенты мирового империализма все же ухитрялись проникнуть в его священные пределы, чтобы навредить, ослабить, растлить, внести смуту, заразить неверием, безыдейностью, безродным космополитизмом, раболепием и низко-

---

1 Подробнее об этом см.: Ю.М.Лотман, Б.А.Успенский. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («Свое» и «чужое» в истории русской культуры. – Труды по знаковым системам. XV. Тарту, 1982, с. 110–121.

2 «Большинство европейских утопий строилось как путешествие или неожиданное посещение неведомой страны, которая не обозначена на географической карте... Но в русской литературе чаще всего описывается будущее, которое герой видит во сне... Для многих русских авторов сон был способом путешествия во времени из настоящего в будущее. На этом приеме строятся рассказ Сумарокова «Сон счастливое будущее», знаменитое описание сна из повести Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (глава «Спасская Полесть»), «Сон» Улыбышева, четвертый сон Веры Павловны из романа «Что делать?», «Сон смешного человека» Достоевского и др.»(В.П.Шестаков. Эволюция русской литературной утопии. В кн.: Русская литературная утопия. М., 1986, с. 13–14).

поклонством перед Западом, наконец, привить извращенные вкусы к его гнилой, упадочной культуре.

Враг, словно древний змей-искуситель, вещал лживыми радиоголосами, вторгался опасными влияниями и мог быть совсем рядом. Только общая бдительность, суровый аскетизм и непримиримая беспощадность могли уберечь рай от дьявольских происков.

Неудивительно, что именно внутри этой архаической мифологии сознание разочарованных в райской жизни людей рождало зеркальное отражение мессианской идеологии – мифологию с противоположным знаком, где черное и белое, «отсталое» и «передовое» менялись местами. Советский рай представился чудовищным обманом, а жизнь – бесконечным адом.

Настоящий же рай был «там», на Западе. Там, по ту сторону границы, все было изначально настоящим: настоящее счастье, настоящее процветание, настоящая культура, настоящая справедливость. Там текли реки из молока и меда; там и только там жизнь человека обретала высший смысл и безусловную ценность... Это мифологически радикализованное «западничество», ставшее идеологической подпорой для эмигрантского исхода, – не только одно из ярких проявлений инфантилизма сознания; это также симптом, знак, отсылающий к более глубоким слоям неразрешимого конфликта между неопреодолимой внутренней зависимостью и стремлением к свободе. Отсюда – фантазии о «западном рае»: мазохистская потребность в идеальном целом, к которому человек мог себя причислить, стать его частицей и обрести свое отображение в другом.

Знаменательно: крушение советской мифологии, происшедшее в последние годы, не разрушило основ самой структуры мифологизирующего сознания советского человека. Сегодня он значительно лучше, порой из первых рук, осведомлен о реальной жизни в европейских странах, о ее многомерной неоднозначности, о ее сложных проблемах, о том, что нет никакого единого «Запада», а есть различные, весьма не похожие друг на друга страны Центральной и Западной Европы и американского континента. Однако это не ставит под сомнение само существование топографически закрепленного рая. Гностически ориентированное мировосприятие по-прежнему живет представлениями о каких-то особых привилегированных пространствах. И все причастное этому сакрально-мифологическому пространству обретает черты священной, культово-фетишистской значительности.

Другим привилегированным пространством стало прошлое русской национальной культуры – утопический миф о ренессансном цветении духа в идеально-счастливом «когда-то». Этот миф, порожденный травмой социально-исторического разрыва с прошлым, как и все утопии времени, живет пафосом противостояния действительности. Таким мифом жили славянофилы XIX века, пытавшиеся воскресить идеальный мир допетровской Руси или общинной жизни русского народа. Таким же мифом жила эмиграция внешняя и внутренняя. И не только жила, – она породила собственную историософию, собственную топологию утерянного рая.

Разрушение репрезентативной картины мира в годы «перестройки» вызвало острый кризис идентичности, активизировав фундаменталистские и неотрадиционалистские тенденции. Подобно тому как в эпоху романтизма и славянофилов возрождали уходящий мир средневековья, так же сектантски реанимируются сегодня мифы о совершенстве существовавшей когда-то в прошлом самобытности русской культуры и духовности, о чистоте первоначальных источников и нерастраченной силе древних обетований. И здесь столкновение сознания исторического и традиционалистского обычно заканчивается победой последнего: традиция заменяет историю, мировоззрение – науку, идеология – рефлексию.

Само «возрождение» национального своеобразия русской культуры и русской философии происходит в русле все той же гностической парадигмы про-

тивостояния духовной «русской идеи» погибающему от бездуховности Западу. Только история на этот раз зеркально перевернута: истинный мир находится позади настоящего. Философия при этом понимается прежде всего как основополагающий элемент в кругу духовных задач самобытного *национального* развития, опирающегося на русское православие. Традиция русской религиозной философии при этом толкуется идеологически: как достаточная и необходимая альтернатива всей западной философии. Она же, говоря словами Вильгельма Гёрдта, составляет содержание не только «*русского* в русской философии», но и «*философского* в русской философии» (*W.Goerdt.* Russische Philosophie. Freiburg/München. 1984, S. 42–44).

IV

Легко заметить: образ Запада, порожденный гностической парадигмой двоемирия, – *амбивалентен*. Таков он даже у передовых бойцов славянофильства: Запад – это и «страна святых чудес» (А.С.Хомяков), и «враг, полтораста лет старающийся увлечь Россию на путь гибели» (К.И.Аксаков).

Также и в истории русской культуры, вплоть до сегодняшнего дня: Запад – это враждебные нам «они», иные, чужие, чуждые; их мир – мир распада, кризисов, разложения, дегенерации, упадка, мир эгоистического индивидуализма, хищничества, бездуховности, бесчеловечности, разврата, мир насилия, произвола, случайности, хаоса.

С другой стороны, Запад – это «они, повернувшиеся к нам», «они», которые все понимают, слышат, откликаются, просвещают, спасают, указывают верный путь, защищают духовные ценности, культуру, традиции, человека; это мир права, закона, суверенности, порядка.

Образ Запада постоянно вызывает противоречивые чувства: страх, враждебность, ненависть (ксенофобия) и тут же – уважение, влюбленность, восхищение (эротически окрашенный невроз перенесения). «Европа – это ведь страшная и святая жизнь, Европа!» – восклицает Достоевский. Однако самое мучительное состоит в том, что образ этот закрепляет низкую самооценку, поддерживает травматическое чувство собственной виновности, униженности, бессилия, неполноценности. «В тех немногих попытках заняться судьбами русской философии, – писал А.С.Глинка (Волжский), – которые встречаются в нашей литературе, постоянно проступают с большей или меньшей определенностью нотки вопроса-упрека, всегда чувствуется конфузливая несмелость, робость перед громадной тенью стыдящей нас европейской философии, стремление прицепиться к ней какими-нибудь более крепкими нитями» (*Волжский.* Из мира литературных исканий, с. 299).

Говоря о Западе, русская философия навязчиво вспоминает о «младенчестве», «детскости», «ученичестве», «безродности», «сиротстве» русского образованного человека; корит за такое самосознание, либо оправдывает и превозносит в качестве особой добродетели «смирения», – и все-таки вновь и вновь к нему возвращается. «У нас публика, – признается Н.Н.Страхов, – как бы хорошо она образована ни была, находится вечно в положении *полуобразованного человека*, то есть под вечным страхом провиниться против образования и с мучительным желанием показаться вполне образованным. Европа от нас далека; мы никогда не можем вполне освоиться с нею; ее авторитет, сияющий нам издали и в тумане, заставляет даже зрелых умом людей чувствовать себя школьниками, отнимает у нас смелость *свое суждение иметь*. Понятно поэтому, что твердости мыслей, самостоятельности и свободы суждений у нашей публики еще в сто раз меньше, чем у всякой другой... Но большею частию мы, конечно, оказываемся непонятливыми и тупыми. Массу публики нельзя считать за толпу проницательных и даровитых учеников, да точно так же и массу пишущих. Поэтому получается самый плачевный результат: мы учимся, не понимая хорошенько того, чему нас учат, и благо-

говеем по привычке, по рутине, не зная, за что и перед кем... Серьезно говоря, вовсе нельзя сказать, чтобы понимание европейской жизни у нас углублялось и уяснялось с течением времени. Внутренние волнения Европы для большинства публики недоступны в их истинном смысле. Жестокие уроки, переживаемые просвещенным миром, остаются для нас бесплодными. Мы закоренели в нашем давнишнем ученичестве, и нас удерживает в нем наша лень и неспособность» (Н.Страхов. Критические статьи (1861–1894), т. 2. Киев. 1902, с. 57–58, 72–73).

Уже сама эта невротическая амбивалентность *образа* Запада, закрепленная болезненными самоупреками, обнаруживает его мифологическую природу. Это – миф, вышедший из лона коллективного бессознательного, где царствуют инстинкты, вытесненные из сознания травмы, архетипы. Миф о «мужском» авторитарном могуществе – запретно-страшном и запретно-сладком одновременно.

Естественно, для русского сознания Запад постоянно находится в поле *цензуры*, стремящейся не допустить в сознание запретных влечений. Именно поэтому он неустанно «разоблачается», причем разоблачается во всей двусмысленности этого слова: и как запретный вожделенный эротический объект, и как опасный соблазн, иллюзия, ложь, вызванные страхом совращения и боязнью возможной беременности[1].

Нужда в неустанных разоблачениях такого рода, в том числе и в разоблачениях разоблачений обусловлена еще и тем, что при всей своей архетипической устойчивости образ Запада постоянно *редактируется* воображением. Однако и редакции воображения, и ненасытная потребность в разоблачениях – манифестации все той же неустранимой амбивалентности.

Эта амбивалентность – противоположные, разом враждебные и нежные чувства по отношению к одному и тому же объекту – безусловно имеет самое непосредственное отношение к тому *своеобразию* русской мысли, которая обречена продуцировать и репродуцировать философию как форму узаконенного невроза.

V

Аксиома психоанализа: невротик застревает в своем прошлом. Неустранимое прошлое русской философии – ее центрированность на квазифилософской проблеме-загадке: Россия.

Даже беглого перечисления хотя бы некоторых названий известных трудов русских мыслителей последних столетий будет достаточно, чтоб убедиться, сколь устойчива эта тема в традиции отечественного философствования: «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» И.В.Киреевского, «Мнение русских об иностранцах» А.С.Хомякова, «Русские ночи» В.Ф.Одоевского, «Россия и Германия» и «Россия и революция» Ф.И.Тютчева, «Россия и Европа» и «Московский панславизм и русский европеизм» А.И.Герцена, «Россия и Европа» Н.Я.Данилевского, «Восток, Россия и славянство» К.Н.Леонтьева, «Борьба с Западом» Н.Н.Страхова, «Кризис западной философии», «Национальный вопрос в России», «Русская идея», «Россия и Вселенская церковь» Вл.С.Соловьева, «Душа России», «Судьба России», «Русская идея» Н.А.Бердяева, «О русской идее» В.И.Иванова, «Русская трагедия» С.Н.Булгакова, «Великая Россия» П.Б.Струве, «Возле русской идеи», «Война 14-го года и русское возрождение» В.В.Розанова, «Судьба России» Г.И.Чулкова, «Восток, Запад и русская идея» Л.П.Карсавина, «Русские мыслители и Европа» В.В.Зеньковского, «О России» И.А.Ильина, серия статей

[1] Здесь уместно вспомнить тезу Флоренского, которой неосознанно следовала наша идеологическая цензура и система глушения радиопередач: «Слово мы сопоставляем с семенем, словесность с полом, говорение с мужским половым началом, а слушание – с женским, действие на личность – с процессом оплодотворения» (П.А.Флоренский. Ук. соч., с. 271).

Г.П.Федотова, послуживших заглавием для его посмертных сборников («Лицо России», «Россия, Европа и мы», «Тяжба о России», «Защита России»), «Задачи России» В.В.Вейдле, «Пути России» П.Д.Кончаловского, «Воссоздание Св.Руси» А.В.Карташова, «Вечное в русской философии» Б.П.Вышеславцева – не говоря о многих тематических сборниках и бесчисленных статьях в журналах и газетах.

Разумеется, проблема-загадка России оставалась главной темой и множества других работ русских мыслителей, выходивших под другими заглавиями. Уже сама рецепция западной философии с неуклонным постоянством возвращает русскую мысль к этой проблеме. Вспомним опиравшихся на Шеллинга московских любомудров, предшественников Чаадаева и славянофилов. Мысль Веневитинова о создании самостоятельной *русской философии*, высказанная им еще в 1823 г., его убеждение, что и без подражания Западу «Россия найдет свое основание, свой залог самобытности и своей нравственности свободы в философии», у В.Ф.Одоевского сразу же обретает черты историософского мессианизма: западная культура, по его убеждению, клонится к закату; она изжилась, извратилась. Западная мысль дезинтегрирована. Оторвавшись от «всесоединяющей силы ума», она разбилась на ряд специальных дисциплин, и постижение «целого» оказалось невозможным. «Осмелимся же выговорить слово, которое, может быть, теперь многим покажется странным, а через несколько времени слишком простым: Запад гибнет».

И как в свое время христианство спасло дряхлеющий античный мир, влив в него новые жизненные соки, так и спасение Запада будет осуществленно молодым народом, доселе еще не выступавшем на культурно-исторической сцене. Этот народ – разумеется – народ русский, народ, «непричастный преступлениям старой Европы». Речь идет не только о спасении «тела» Запада, но прежде всего о спасении его *души*. Русский народ стоит на рубеже *прошедшего мира* и *мира будущего*; он «всеобъемлюще многосторонен» и наделен даром «всеобнимаемости», он молод, свеж, витален и не заражен тем, из-за чего гибнет Запад. Ему-то и принадлежит вселенское будущее. Не случайно Одоевский даже написал утопию («4338 год»), где от лица пекинского студента, попавшего «в центр русского полушария и всемирного просвещения» рассказывает о русских, которые в отличие от «одичавших американцев» (которые «за недостатком других спекуляций продают свои города с публичного торгу») победили даже враждебный свой климат, пробудили Китай от мертвого застоя, уничтожив следы его древних ребяческих наук, и, заменив его фетишизм истинною верой, ввели его в общее семейство образованных народов. «Ужас подумать, – признается герой утопии Одоевского, – что не более двухсот лет, как воздухоплавание у нас вошло во всеобщее употребление, и что лишь победы русских над нами научили нас сему искусству! А всему виною была эта закоснелость, в которой наши поэты еще и теперь находят что-то поэтическое. Конечно, мы, китайцы, ныне ударились в противоположную крайность – в безотчетное подражание иноземцам. Все у нас на русский манер: и платье, и обычаи, и литература. Одного у нас нет – русской сметливости, но ее приобретем со временем. Да, мой друг, мы отстали, очень отстали от наших знаменитых соседей; будем же спешить учиться, пока мы молоды и есть еще время» (*В.Ф.Одоевский*. 4338 год. В кн. Русская литературная утопия, с. 107).

В рассуждениях Одоевского легко различимы родовые темы как одновременной ему, так и всей последующей философской мысли, начиная со славянофилов вплоть до «скифства» и «евразийства»: упор на историософии и философии культуры, навязчивое противопоставление себя Западу, ревниво-пристрастная, подглядывающая, придирчивая критика «упадка» западной цивилизации, ее «бездуховности», рационализма, формализма, юридизма; вера в особое всемирно-историческое призвание русского народа,

способного разрешить мучительный конфликт между действительностью и притязаниями, – вера в его всечеловечность, вселенскость, космичность его заданий; неоспоримая убежденность в сотериологической, спасительной миссии России; претензия на обладание будущим; утопизм, бессознательно эксплуатирующий новоевропейские идеи прогресса и при этом их отрицающий во имя мифа о самобытном рае.

Диагноз Чаадаева на первый взгляд кажется противоположным: «Странная у нас страсть приравнивать себя к остальному свету. Что у нас общего с Европой? Паровая машина и только» (*П.Я.Чаадаев.* Полное собрание сочинений и избранные письма. т. 2, М. 1991, с. 108). В «Философских письмах» Чаадаев определяет Россию как tabula rasa – страну, оставшуюся за пределами истории мирового Духа, равно чуждую цивилизациям Запада и Востока и не имеющую никакой собственной оригинальной культуры. «Мы же, явившись на свет как незаконнорожденные дети, без наследства, без связи с людьми, предшественниками нашими на земле, не храним в сердцах ничего из поучений, оставленных еще до нашего появления... Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня. Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда», «мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и будущего, среди плоского застоя», не воспринимая «традиционных идей человеческого рода», «ни традиций Востока, ни традиций Запада» (там же, т. 1, с. 323–326).

Чаадаев предельно заостряет вопрос: какой смысл имеет существование целого народа, если История (а история понималась им, в соответствии с западной традицией, как история всеобщего духа, Просвещения и торжества Разума) прошла мимо него?

Ответ московского философа, сформулированный позже в «Апологии сумасшедшего», как и ответ Одоевского, славянофилов, Достоевского, Вл.Соловьева и всей последующей русской религиозной философии хорошо известен: если Западу принадлежит прошлое и настоящее, то будущее принадлежит России. «Прошлое уже нам неподвластно, но будущее зависит от нас» (там же, с. 535). Но чтобы овладеть этим будущим, чтобы «разрешить все вопросы, возбуждающие споры в Европе», Россия должна отказаться от непреложной необходимости следовать тем принципам, которые привели Запад к пропасти.

В основе этих принципов русская мысль увидела то, что сегодня иногда называется «объективной реальностью»: *готовность повиноваться указаниям разума*, логическая принудительность которых есть специфический вид насилия, господства и подавления. (В этом пункте русская мысль отчасти предвосхищает проблематику «Диалектики просвещения» Т.Адорно и М.Хоркхаймера.)

Эту претензию европейской философии на универсализм логически организованного мышления, наделившего Запад техникой господства над человеком и природой, и не принимает русская философия. Западная философия отождествляется русской мыслью с рационализмом, сущность которого, по словам Вл.Соловьева, «состоит в признании, что разум человеческий не только самозаконен, но что он дает законы и всему существующему в области практической и общественной. Этот принцип выражается в требовании, чтобы вся жизнь, все общественные и политические отношения были устроены и управляемы исключительно на основаниях, выработанных личным человеческим разумом помимо всякого предания и всякой непосредственной веры, – требование, проникавшее собою все так называемое просвещение XVIII века, и послужившее руководящей идеей первой французской революции» (*В.С.Соловьев.* Чтения о богочеловечестве. – Соч., т. III. Спб. 1911, с. 162).

Сходным образом думали и предшественники Соловьева – И.Б.Киреевский, А.С.Хомяков или Ю.Ф.Самарин, который был убежден, что «между Гегелевою философиею и коммунизмом Франции существует самая тесная, самая законная связь» (*Ю.Ф.Самарин.* Сочинения. т. 12, М. 1911, с. 432). Эту же позицию отстаивала и неославянофильская религиозная философия начала XX века. Предельной остротой и последовательностью здесь отличаются высказывания В.Ф.Эрна, для которого «безумие Ницше» было символом судьбы новоевропейской философии, совращенной «патологическом эросом» рационализма и «отвлеченно-мужской техникой» философии Канта: «Хаос, к которому приводит философия Канта, есть абсолютная тьма, ибо тут, вместо мощи, – предельная *немощь бытия*, погашение жизни в мертвящей атмосфере систематического меонизма. Этот хаос пустой, не имеющий никакой силы, ничего не рождающий, наоборот – все убивающий... Принципиально и до конца хаотизируя жизнь, рационализм необходимо обессмысливает и то *цветение* жизни, которое мы называем культурой... Тот, кто действительно проникается рационализмом, тот уже не способен не только участвовать творчески в великом культурном делании человечества, но даже и *понимать* то, что уже сделано, что делается и что должно делаться в будущем» (*В.Ф.Эрн.* Борьба за Логос. М., 1911, с. 341, 348). Несколькими годами позже, в статье «От Канта к Круппу», Эрн выставил философию Канта ответственной за немецкий милитаризм в Первой мировой войне. Поэтому «внешней правде» разума, логики, научного знания и правовых норм русский философский дискурс настойчиво противопоставляет «внутреннюю правду», сохраненную в недрах православной церковности, в глубинах народной жизни, в крестьянском общинном социализме, либо – собственную, запечатленную героической жертвенностью правду русской интеллигенции или, наконец, правду пролетариата.

Обладание этой исконной «внутренней правдой» и давало привилегии русской философии для придирчивой проверки «внешней правды» Запада и частичного принятия такой «правды». Принятия для построения проекта некоего «цельного знания» или всеобъемлющего «высшего синтеза», призванных охватить мир в его целом на путях «соборности» или в системах «всеединства». В противовес «отвлеченному» мышлению западного мира, возникшего будто бы в результате отвлечения римской церкви от православия, протестантизма – от церковного предания, разума – от веры, русская философия выдвинула требование возвращения к «органическим началам» как онтологическому корню всякого философствования. При этом само «органическое» – православие, древнерусская образованность, народность, традиция, национальная почва и т.д. – не обосновывается, но лишь раскрывается разумом. Раскрывается как сокровенный интимный опыт, изнутри преобладающий и вразумляющий философский разум сверхличным Смыслом. Таким образом, «органическое», которое трактуется одновременно и натуралистически, и метафизически, и идеологически, предстает в русском религиозно-философском сознании как бытийственное сверхразумное и жизнетворческое лоно, возвращающее блудному (то есть «автономному») разуму целостность и целомудрие. Отсюда – и упования на вселенскую миссию русского любомудрия, способного, по словам И.Киреевского, «подчинить раздвоенную образованность Запада цельному сознанию верующего разума».

VI

Однако самое изощренное проектирование таких систем не снимало скрытого конфликта. Напротив, лишь углубляло его. Ведь и русское православие, и русская народность, в которых русская мысль пыталась растворить себя (вспомним тезисы-требования К.Аксакова: «Вера православная – единственное главное начало и основание»; «согласие жизни с верою»; «поглощение

лица в народе»[1]), вовсе не были теми безусловными универсальными началами, за которые их выдавала русская философия.

Это были *региональные мифы* о материнском лоне – инфантильные мечты о спасительном возвратном погружении в сакрально-органическое родовое целое, избавляющее от страха вынужденной самостоятельности и мучительного травматического комплекса того, что Чаадаев назвал «незаконнорожденностью», Хомяков «детскостью», Страхов «ученичеством», а Шпет – «сиротством». Именно эти *мифы* и *фантазии* об органическом рае, апеллирующие к бессознательному, противостояли просвещенному разуму, требовавшему от философии совершеннолетия. Отсюда непреодоленная натуралистичность русской религиозной метафизики. Это – всегда «физика», не преодоленная философским «мета»: спиритуализированная физика церковного культа, православия, народности, теософии, софиологии, историософии.

В этом смысле общий хор рассуждений в философии православного культа и в философии народной почвы с неизбежностью совпадают. «Нам не нужно искать каких-нибудь новых, еще не бывалых на свете начал, – настаивал Н.Страхов в предисловии к первому тому своей книги «Борьба с Западом», – нам следует только проникнуться тем духом, который искони живет в нашем народе и содержит всю тайну роста, силы и развития нашей земли... Эту бессознательную жизнь, эту духовную силу, исполненную такого смирения и такого могущества, нам следует привести себе к сознанию и ею одушевить наше просвещение» (*Н.Н.Страхов*. Борьба с Западом в нашей литературе. Спб., 1882, с. X-XI).

Страхов, убежденный в том, что «влияние Европы постоянно отрывает нас от нашей почвы», лишая русскую мысль «духовной самобытности», фактически повторяет – хотя и в смягченном виде – основополагающий тезис Хомякова: «Люди, оторванные от жизни народной и, следовательно, от истинного просвещения, лишенные всякого прошедшего, бедные наукою, не признающие тех великих духовных начал, которые скрывает в себе жизнь России и которые время и история должны вызвать наружу, не имеют разумных прав на самохвальство и гордость перед тем миром, из которого почерпали они свою умственную жизнь, хоть неполную, хоть и скудную» (*А.С.Хомяков*. Мнение русских об иностранцах. т. 1, М. 1900, с. 44).

Убеждение, что истинное просвещение скрывается в «бессознательном» народной жизни, наделенной особым онтологическим статусом, объединяло не только славянофилов, Достоевского, почвенников и неославянофильскую религиозно-философскую мысль начала XX века. Сходным образом думали и основоположники народничества. Для тех и других русская народная жизнь, обещающая особый исторический путь развития, являлась пограничной чертой, отменяющей претензии Запада на «всеобщность» его способа мышления перед лицом недоступной этому мышлению «онтологической самобытности» русского бытия.

Основу же своей самобытности русская религиозная философия нашла в православии. Православием обосновывались и мистическое народничество, и мистический символизм русской истории и культуры, и мессианские претензии на обладание вселенским будущим. Посредством православия пытались объединить потребности духовного самосовершенствования и социального переустройства, творчества и охранительного консерватизма, веру в незыблемость и одновременно безграничную податливость косной природы.

Была ли это философия? «Человек, стремящийся к мировоззрению, основанному на философии, должен иметь смелость полагаться на собственный разум», – писал Макс Шелер (M.Scheler. Philosophical Perspectives. Boston.

[1] Важно помнить, что русские для К.Аксакова – «народ христианский не только по исповеданию, но и по жизни своей». Ср. аналогичные утверждения Тютчева: «Русский народ – христианин не только в силу своих православных убеждений, но еще благодаря чему-то более задушевному, чем убеждения» (Ф.И.Тютчев. Полное собрание сочинений. Спб., 1913, с. 295).

1958, p. 1). Русская религиозная философия заняла противоположную позицию: она передоверила свой разум авторитету ею же самой сконструированного православия (либо – «Вселенской Церкви» как у Вл.Соловьева), в служанку которого она превратилась. В этом своем качестве она не только апологетически пересказывала догматы или вольно фантазировала на темы о том, что Бог задумал о России, но и дала блестящие толкования многих элементов церковного наследия – от «философии культа» до «философии имени». Но напрасно искать в ней, помимо этой «символической феноменологии», интереса к центру церковной веры – к евангельской керигме, к образу, личности, делу и слову Иисуса из Назарета, к теологам Нового Завета или теологам раннехристианских общин. Православие, христианство, религия, вера, церковь, догматика, культ для этого способа мышления синонимы, не нуждающиеся в критическом различении.

Не возникает здесь и самого важного вопроса: в какой мере традиция православия соответствует заветам евангельской вести, библейскому богословию, собственной сущности христианского в истории и жизни церкви.

Православие – исторически сложное образование. До сегодняшнего дня в нем сохранился мощный пласт полуязыческой «народной религии», которая всегда имела мало общего с проблемами древних догматических споров или утонченной византийской теологической литературой. Другой пласт – иерархический институт, культ и обряд; рядом – наслоения различных традиций: от канонического права или старчества до повседневной церковной «икономии». И внутри всех этих напластований – субъективность веры, имеющей необычайно широкий диапазон приемлемого. Однако русская религиозная философия всегда говорит о православии как о чем-то едином. И хотя при более тщательном анализе нетрудно заметить, что единство это идеологически сконструировано, а не является результатом критического различия безусловного от авторитарного, русская религиозно-философская мысль, не претендовавшая на место философии религии, и не скрывала никогда своей идеологической ангажированности.

И в начале XIX века, и столетие спустя русская религиозная философия, настаивавшая на своей укорененности в «живой почве православия», в действительности следовала средневековой парадигме религиозного сознания и в этом смысле не только ретеологизировала философию, но и вернулась к средневековой проблематике. «Русская философия должна быть продолжением философии святоотеческой», – настаивал И.Киреевский. «Оправданием веры отцов» называл свою теократическую утопию Вл.Соловьев, а Н.Бердяев последовательно обосновывал древние хилиастические чаяния и средневековую веру в «Третий завет Святого Духа». Такими же «средневековыми» оставались и антропология русской религиозной философии и, конечно же, ее историософия, культурология, эстетика, и, наконец, реабилитация архаического магического сознания и теургического действа.

Но наследие русской религиозной философии не сводится только к продолжению русско-византийской богословской традиции. Еще в начале XIX века эта философия пережила сильное влияние Шеллинга, Баадера, Жозефа де Местра, романтиков. Круг их идей, их возвращение к мифу и мистике, их поиск «всеобщего» были восприняты в России как возможность «слияния философии с религией» (выражение Чаадаева). Позже, уже опираясь на славянофильскую традицию, Л.Карсавин так интерпретировал успех Шеллинга в России: «Еретическая, то есть разлагающая себя мысль Запада подошла, и преимущественно в протестантизме как ереси в известном смысле предельной, к самоуничтожению. Но именно благодаря этому она в романтизме и главным образом в шеллингианстве прикоснулась к истинным истокам бытия. Романтизм и шеллингианство были неудавшейся попыткой Запада вернуться в Православие, ему неведомое, но до некоторой степени им предугадываемое. Естественно, что одновременно (и не случайно одновременно)

возрождавшееся православное самосознание русских людей сочувственно откликалось на обращение Запада к Истине и осваивало восполнявшие русский ее аспект западные аспекты»[1].

Толкование Карсавина, возвращающее нас к основной теме этих заметок, приоткрывает еще один слой в проблеме-загадке России: православие выступает в русской религиозной философии не только как антитеза Просвещению и Разуму, но и как спасительная сила по отношению к «заблудившемуся и разлагающемуся» без него Западу. Конечно, это не более чем мессианская мифология. Но ведь Шеллинг, вернувший русской философии право на миф, вряд ли предполагал, что тем самым дает этой философии право отменять историю. Однако отменив историю, миф, если и не удовлетворял потребности в знании, прекрасно насыщал потребность соучастия в ценностях. Ведь миф, говоря словами К.Леви-Стросса, направлен «не на изображение действительности, а на раскрытие неудовлетворительности ее построения»[2]. Для сиротского сознания, пережившего травму принудительного Просвещения или интеллигентского отщепенства, миф был счастливым случаем вернуть разрушенный симбиоз ребенка и матери. Эту роль он выполняет и сегодня – в безнадежных реставрационных работах по соединению православия с философией.

Попытки философии закрепить различные манифестации «внутренней правды» (впоследствие обоснованной посредством интуитивистской гносеологии) привели к неизбежной *идеологизации* философии. В русской традиции философия отождествилась с мировоззрением – с системой готовых ответов на трудные вопросы ума и жизни. Такими идеологиями стали славянофильство и почвенничество, народничество, «панславизм» или «русский социализм», наконец, неославянофильство русской религиозной философии начала XX века, включая сюда и более позднее евразийство. Как всякая идеология, русская философия не анализирует данного, но строит идеал: некое ожидаемое, силой которого пытается «преобразить» данное.

Идеологическому характеру русской философии соответствовала и форма дискурса: чаще всего публицистика, эссе, письма, заметки, рецензии, фельетоны, полемические журнальные и газетные статьи. Эта антиакадемическая, антисистематическая форма, где решающими аргументами были метафора, меткое словцо, ирония, сатира или гротеск, мало способствовала выработке собственного философского языка. Не случайно многие будто бы философские понятия в традиции русской мысли не идут дальше идеологических ярлыков, речевых трафаретов или кружковых паролей, позволяющих безошибочно отличать «своих» от «чужих».

С другой стороны, именно публицистическая потребность в сильных доводах – потребность направления, кружка, той или иной партии – нередко заставляла обращаться к критической аргументации западной мысли, заимствовать ее; так, русские противники католицизма пользовались аргументами протестантов, а противники протестантизма – арсеналом католической мысли; западный романтический консерватизм и реакция эпохи Реставрации

---

[1] Л.П.Карсавин. Предисловие. В кн.: А.С.Хомяков. О Церкви. Берлин, 1926, с. 12. Сходное толкование западной философии как христианской ереси находим у С.Булгакова: «История философии может быть показана и истолкована как религиозная ересиология. Философская характеристика ереси в истории христианского богословия состоит именно в том, что сложное, многомотивное, антиномическое для разума учение упрощается, приспосабливается к постижению разума, рационализируется и тем самым извращается» (С.Н.Булгаков. Трагедия философии. «Вестник РСХД». 1971, № 101–102, с. 92).

[2] К.Леви-Стросс. Деяния Асдивала. В кн.: Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985, с. 55; ср. высказывание Т.Грановского о славянофилах: «Люди, недовольные настоящим, часто обращаются к прошедшему и пересоздают его сообразно с своими надеждами и требованиями. В прошедшем ищут они формы для будущего. Такого рода антикварные построения общественных отношений едва ли когда имели успех, но они немало содействовали порче истории как науки» (Т.Н.Грановский. Сочинения. М., 1892, т. 2, с. 48).

на идеи Просвещения были использованы славянофилами; западный социализм, который подверг резкой критике все формы рационально-нормативного права раннего либерализма, стал важным аргументом в пользу «истинной прогрессивности» «демократического панславизма» Бакунина и «русского социализма» Герцена и т.д.

В своей критике западного рационализма и либерализма не только славянофилы, Герцен или народники шли по пути, пройденному западными критиками. Тем же путем шел и Вл.Соловьев, который, по словам наиболее компетентного его исследователя Е.Трубецкого, «в своей борьбе против рассудочных течений западноевропейской мысли является прямым продолжателем определенных направлений западноевропейской философии – немецкой мистики и Шеллинга» (Е.Н.Трубецкой. Миросозерцание Вл.С.Соловьева. М. т. 1, с. 58).

Использование идей западной философии против нее самой, конечно, не было только тактикой. В борьбе с европейской философией как формой рационального насилия, русская мысль стремилась создать собственную модель мышления, способную иерархически примирить западную философию с православием, европейское Просвещение с региональными традициями, западные социальные идеи с идеализированным общинным коллективизмом.

Однако в попытке придать собственным моделям мышления универсальный характер русская философия с неизбежностью упиралась в *утопизм*: противопоставленные Западу тотальные образы земного воплощенного абсолюта, мессианские проекты коллективного Добра, гностический и романтический эзотеризм софиологии, невротические фантазии вокруг «общего дела» по воскрешению мертвых отцов, профетическая проповедь творчества из несотворенной свободы, теургические или магические толкования задач искусства – все эти модификации «русской идеи» так и не вышли за рамки региональной культуры.

Почему не вышли? Проще всего, следуя Н.Я.Данилевскому, обвинить в этом Европу: «Европа не признает нас своими», в ее отношении к нам «господствует один и тот же дух неприязни, принимающей, смотря по обстоятельствам, форму недоверчивости, злорадства, ненависти или презрения»; «все самобытно русское и славянское кажется ей достойным презрения, и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации...»[1] Человек, знакомый с действительным положением вещей, вряд ли воспользуется этими фантастическими аргументами.

Вот почему куда плодотворнее «в порядке психологическом», говоря словами Флоренского, обратиться к самим обвинениям и обидам. И здесь легко заметить, что Запад – только символ, образ, шифр Другого; по отношению к этому символическому Другому и обретают силу скрытые травмы: травма осквернения матери-Родины «западническими» реформами Петра I, травма разрушенного Просвещением родового симбиоза между матерью (народом, церковью, православием) и ребенком (образованным обществом, интеллигенцией), травма сиротства, отщепенства, изгойства, бессильного одиночества вне родовой жизни (вспомним горькое признание Чаадаева: «Мы чужие самим себе»). Отсюда и классические неврозы: садистское отрицание бытия другого в стремлении овладеть им, мазохистский поиск уничижительного отображения себя в другом, нарциссическая самодостаточность, нетерпимость и чувство превосходства, восполненные безудержным фантазированием. Отсюда же и особый статус литературы и олитературенной

[1] Н.Я.Данилевский. Россия и Европа. М., 1991, с. 50–53; ср. у А.Хомякова: «Мнение Запада о России выражается в громадном успехе всех тех книг, которых единственное содержание есть ругательство над Россиею, а единственное достоинство – явно высказанная ненависть к ней... Русскому человеку, жаждущему человеческого сочувствия, хотелось бы увериться в сочувствии западных народов к нам; тебе больно встречать вражду там, где ты желал бы встретить чувство братской любви» (А.С.Хомяков. Соч., т. 1, с. 32).

философии – аутоэротическое компенсирование нехватки связей с материнским телом и Другим... Воистину: «в порядке же символическом скажем, как сказали уже: метафизическое выражается в психологическом, психологическое выражает метафизику»...

Конечно, было бы крайней нелепостью редуцировать богатство русской философии к неврозам, подавленным влечениям, замещениям, вытеснениям или компенсациям. Ни метафизика, ни идеология, ни культура не сводятся к психологии и психоанализу. Но как и у философии, у психологии есть выход в *пространство знания и понимания*. И вне этого пространства вряд ли возможна какая-либо серьезная герменевтика всякой, в том числе и русской философии.

Особенно важно об этом вспомнить сегодня, когда в ситуации острого кризиса идентичности, в мучительных попытках соединить разорванные нити забытых традиций идеологические и утопические парадигмы русского философского мышления обретают вторую жизнь. Опять «русская идея»! Опять «особый путь», опять «самобытность», опять учительство вместо ученической парты. Опять «внутренняя правда», опять особые, исключительные детерминации и «свои» закономерности, внутренне-данные в откровении и невыразимые ни в каких категориях. Опять идеологическая установка на ожидаемое, где мир слов отрывается от мира вещей и провозглашается сущностным слоем реальности и где это ожидаемое, некритически приравненное к действительному, служит формой мотивации и оправдания поступков, – возвращает нас к магическому сознанию.

Как будто прожитые десятилетия ничего не значат, как будто в нашем опыте нет ничего, кроме опыта разрывов, унижения, бессилия и беспамятства. Идеологическое «сверх-Я» вновь творит мир по законам садо-мазохистского мессианизма. А утопический ретроспективизм – утопия возрождения будто бы райского прошлого – снова погружает сознание в темные мифы коллективно-бессознательного. «Религиозная философия само по себе есть мифотворчество», – писал когда-то Бердяев. И правда: вместе с распространением православного фундаментализма сопуствующее ему утопическое мифотворчество опять – в который раз! – возвращает философию к застарелому *неврозу своеобразия*. Симптомы его все те же; ксенофобия, страх и нетерпимость по отношению к инакомыслию, тавтология, проективизм, сверхценные идеи, бред национального величия, бред преследования, подозрительность к возможностям переоценок, упрямая уверенность в обладании ответами на все вопросы, религиозный обскурантизм.

Безусловно, все это – постоянный результат процесса вытеснения. Но вытеснения – чего?

Ответом на этот вопрос и должен стать будущий – философски отрефлексированный – психоанализ русской философии: трезвое постоянство в кропотливой работе по переводу незнаемого на язык знания.●

Юрий БУЙДА (Москва)

АЛХИМИЯ САМОЗВАНСТВА

А мой покой бесовское мечтанье
Тревожило, и враг меня мутил.
Мне снилося, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось –
И, падая стремглав, я пробуждался...
И три раза мне снился тот же сон.
Не чудно ли?

А.Пушкин

В широком смысле всякий человек, пытающийся выйти за границы царства сложившихся форм, будь то Иисус Христос, Наполеон или Пикассо, может быть назван самозванцем или даже преступником, поскольку в стремлении к свободной самореализации он преступает грань общедозволенного. В более узком смысле – именно самозванство является главной чертой, отличающей человека Нового времени от человека Средневековья. Если же говорить о самозванцах в смысле конкретно-историческом, то ни один из них – ни, скажем, Лже-Смердис, ни Лже-Нерон – не оставил в истории своего народа такого глубокого и даже рокового следа, какой в истории России оставил Лжедмитрий Первый, явление которого явно выходит за рамки исторического курьеза. Более того, с начала XVII века и до наших дней, как показали и события августа 1991 года, проблема самозванства занимает в духовном пространстве России столь значительное место, что никак ее не обойти при анализе всякого существенного проявления русской ментальности. Это понимали Сумароков и Озеров, Гоголь и Хомяков, Островский и Мусоргский. Недаром и столь чуткий к русскому Пушкин обращался к этой теме трижды («Борис Годунов», «История пугачевского бунта» и «Капитанская дочка»), и всякий раз это были прорывы на пути национального самопознания.

В «Грамоте утвержденной об избрании на Российский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова-Юрьевых» говорится, что при появлении Лжедмитрия «великое Российское царство по злой его вражеской прелести, яко море всколебася, и неистовые глаголы, яко свирепые волны, восшумеша и некротимо и ненаправляемо аще кормчии мудри беша, но ярость моря сих повреди и суетну мудрость их сотвори...» Эта впечатляющая картина дополняет Повесть 1606 года, сравнивающую Самозванца с византийскими императорами-христианогонителями и называющую его «зломысленным волком суровым и немилостивым».

«Плач о пленении и конечном разорении превысокаго и пресветлейшаго Московского государства» (одно название чего стоит) рисует Отрепьева – ни много ни мало – в роли «предтечи богоборного антихриста, сына тьмы, сродника погибели», а «Повесть о некоей брани, належащей на благочестивую Россию», прямо называет Лжедмитрия «змием», то есть Раавом, раннебиблейским чудовищем, называвшимся также Хаосом, Левиафаном, Драконом и, наконец, Диаволом (в синодальном переводе Раав замещен «гордыней»). Бедствия, вызванные деяниями Самозванца, в «Повести о рожении воеводы Ми-

хаила Васильевича Шуйского Скопина» по своим масштабам и последствиям сравниваются с переселением вавилонским и бедствиями «при Махковее». Многочисленные свидетели, русские и иностранные, живописуют картины поистине вселенской катастрофы на землях «Третьего Рима», «избранного Израиля».

Разумеется, писатели XVII века, используя традиционные риторические формулы, говорили о вещах вполне конкретных: о польско-шведской интервенции, гражданской войне, о жертвах, разорении и крови. Но при этом метафизический ужас у современников вызывали не только и даже не столько иноверцы, Шуйский и Годунов, казаки, члены «семибоярщины» или «тушинцы», – но главным образом Лжедмитрий Первый, Самозванец, «расстрига» Юшка (Гришка) Яковлев Отрепьев, ставший в глазах русских людей мистическим символом Смуты.

Понадобилось напряжение всех физических и духовных сил России, чтобы преодолеть самоубийственную Смуту и одолеть Самозванца. Смуту преодолели, но вот Самозванца и самозванство, идеи, которые составили химию и алхимию этого явления, – берусь это утверждать, – одолеть не удалось. Более того, именно эти идеи и определили развитие российского общества и государства по меньшей мере на три века вперед. Но для того, чтобы уяснить смысл перелома, названного Смутой, или Самозванством, необходимо отступить от этой эпохи вглубь на шесть веков.

В 1015 году по приказу Святополка Первого Окаянного были убиты его младшие братья князья Борис Ростовский, Глеб Муромский и Святослав Древлянский. Впоследствии Борис и Глеб были канонизированы и стали едва ли не самыми почитаемыми и прославленными святыми православной церкви.

С житейской, точнее, нерелигиозной точки зрения, для того, чтобы оказаться сопричисленными лику святых, братья не сделали ничего, если не считать деяние явно избыточное и потому малоправдоподобное: доверие к Святополку и смиренное вручение душ своих Господу – в виду ножа палача, когда ничего другого делать уже не оставалось.

По свидетельству автора «Сказания и страдания и похвалы святым мученикам Борису и Глебу», Борис предчувствовал, что Святополк «о мирской суете печется и убийство мое замышляет. Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником пред Господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». И в послании апостола сказано: «Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец». И еще: «В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх». Вскоре, как и следовало ожидать, его агиографические предчувствия сбываются: Борис был захвачен врасплох в шатре на берегу Альты и убит, не забыв на прощание поблагодарить Господа «за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям Твоим» (похоже, он-таки пожалел о том, что не поддался на уговоры своих дружинников, призывавших его опередить Святополка и захватить киевский престол).

Не прошло много времени, как наемные убийцы «с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках» решили участь и Глеба Муромского, напоследок воскликнувшего в сердцах: «Это не убийство, но живодерство!» Глебов повар Торчин «взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного» (сам себя Глеб аттестовал в предсмертной речи «несозревшим колосом, соком беззлобия налитым, лозой, еще не выросшей, но плод имеющей». Какие великолепные фантастические плоды вызрели в поэтических сновидениях северного христолюбца!).

Убив своего старшего брата, князь Владимир Красное Солнышко, Креститель, Святой взял в жены его беременную вдову, разрешившуюся Святополком, – так Окаянному не понадобилось далеко ходить за примером, как по-

ступить с братьями, которые были «законными» сыновьями Владимира и могли с большим правом претендовать на великокняжеский престол. Такое убийство для того времени не было чем-то из ряда вон выходящим, хотя за него и полагалось наказание, меланхолическая формула которого бережно донесена до нас позднейшим Судебником: «...В торгу его возити и тело его клещами рвати и по тому посадити на него собаку, куря и ужа и кота, и то все вместе собравши с ним в воде затопить». К великому князю киевскому это, разумеется, не относилось.

Гораздо острее реагировало русское христианство, исходившее из того, что Святополк покусился на отношения, смысл которых о.Александр Мень сформулировал следующим образом: «Блудные дети земли призываются в дом отчий, чтобы там обрести потерянное сыновство». Метафизический взгляд существенно дополнял и усиливал вину Святослава, который, кроме всего прочего, как сюзерен, согласно воззрениям эпохи, выступал и в роли «отца» Бориса и Глеба. Тем страшнее была кара, постигшая преступника. Мало того, что в 1019 году Святополк был наголову разбит Ярославом (Мудрым) на берегах все той же Альты, – принял он еще и «отмщение от Господа» в виде тяжелейшего психического заболевания: «И обуяло его безумие, и так ослабели суставы его, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестью. Он же говорит: «Бежим, ведь гонятся за нами!» И послали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих по следам его. А он, лежа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Анонимный автор Сказания, живописуя этот исполненный истерического драматизма эпизод, явно колеблется между удовлетворением и ужасом.

Подвиг Бориса и Глеба может быть по достоинству оценен только религиозным сознанием. Своим смирением, непротивлением злу и мученической смертью они выявили дьявольскую сущность Святополка, «прояснили» его для христианского мира и таким образом сосредоточили внимание христиан на проблеме противления злу. Отказавшись играть по правилам Сатаны, встав выше плотского деяния в плотском мире, захваченном Дьяволом, они тем самым не позволили дискредитировать взаимоотношения Отца и Сына, упрочив их – на качественно новом уровне – в Духе, что дало повод Н.Федорову в «Философии общего дела» говорить о русских как о народе, поспешившем «тотчас по принятии христианства канонизировать братскую и сыновнюю любовь в лице Бориса и Глеба».

Вместе с тем, противопоставив «доброму» бездействию (безволию) – «злое» действие (волю) и принеся себя в жертву принципу нерассуждающего подчинения власти («отцу»), они возбудили настороженное, если не однозначно отрицательное, отношение к личности свободной и деятельной, активной, то есть к личности вообще, как таковой. Неудивительно поэтому, что Ярослав Мудрый так настойчиво требовал от Константинополя канонизации Бориса и Глеба, словно предчувствуя перспективность «борисо-глебовской» духовно-поведенческой модели для России.

Граничившая с враждебной иноверческой Степью Русь развивалась под сильным влиянием византийского опыта, глубинно родственного западноевропейскому (о чем нередко забывают). Консервация и даже прерывание этих тенденций, выявление в византийском опыте «восточной» доминанты и повышенная восприимчивость именно к ней приходится на период Ига. В последнее время не без раздражения подчеркивается, что отношения Руси и Орды не были чем-то особенным, отличающим нас от Европы, – всего-то навсего банальные отношения вассала и сюзерена. По форме отчасти так, а по сути – не учитывается главное: «вассал» был христианином, а «сюзерен» – иноверцем. Поэтому движение против Ига можно, пусть с известной долей осторожности, сравнить с испанской Реконкистой. Именно в условиях иноверческого Ига русские земледельцы стали крестьянами, то есть христианами, сплотившимися вокруг Церкви в монолит, не поддававшийся иноконфессио-

нальным искушениям: отпасть от Церкви или хотя бы вступить с нею в конфликт в условиях того времени было равнозначно полному разрыву с государством, общиной, то есть разрыву всех кровных, духовных и социальных связей, отказу от покровительства и защиты общины перед лицом врага. Так закладывались основы загадочной русской соборности. В тех же условиях немыслима была и церковная самостоятельность, автономия по отношению к власти светской, к государству. Такая самостоятельность даже на уровне попытки была бы воспринята «общественным сознанием» эпохи как покушение на национальную целостность, жизнеспасительную сплоченность. В алхимическом котле Ига родился уникальный симбиоз – «богоизбранное супружество» – Государства и Церкви, когда выражение «русская церковь» означало «православная церковь», а «православное царство» – «российское царство». Идеологизация государства развивалась в том же русле, в тех же берегах, что и огосударствление церкви. Авторитет такой церкви мог быть только авторитетом духовным, «внутренним».

Ничего подобного не было и не могло быть ни в Англии, ни в Германии, ни во Франции с ее «христианнейшими» королями и внешне независимой католической (а не французской!) церковью, владевшей душами людей, в то время как корона владела их телами. Это двоецентрие (которого на Руси не было), как заметил Г.Федотов, послужило фундаментом европейской свободы личности. «Религиозный дух западного мира с самого зарождения европейского общества в эпоху раннего средневековья с огромной энергией вложился в дело внешнего строительства жизни», тогда как в России «великая духовная энергия, почерпаемая из безмерной сокровищницы православной веры, шла едва ли не целиком вглубь, почти не определяя эмпирическую периферию жизни... она не определила собою общественно-правового уклада русской жизни, не воспитала веры в какие-либо освященные ею принципы гражданских и государственных отношений» (С.Франк).

Созданное к началу XVII века национальное государство скреплялось силой Веры и силой Силы, но не адекватной национальному государству секуляризованной государственностью, культурой, основывающейся на признании автономной ценности земной жизни, высвобожденной энергией самочинной личности. Поэтому можно сказать, что государство держалось самим собою, и сил на это требовалось с каждым годом все больше.

На этом фоне подвиг Бориса и Глеба обретает новое измерение, представая актом сознательного антиперсонализма, отказом от любого деяния, подрывающего главный ресурс государства – Дух Общности перед лицом Врага (Орды, Запада). Наверное, здесь следует искать объяснение русской ксенофобии с ее оборотной стороной – так называемым преклонением перед Западом. Здесь же и корни чрезмерного уважения к традиции, перерастающего в консерватизм, когда бездействие ассоциируется с устойчивостью, прочностью, жизнеспособностью.

Понятно, что в условиях, когда превыше всех свобод ставилась свобода внутренняя, духовная, всякое внешнее проявление личности допускалось лишь с санкции Власти (Государства-Церкви). И само собой разумеется, что это затрудняло или делало невозможной самореализацию человека, который ко всему тому был поставлен в крепостную зависимость от Власти, то есть лишен возможности распоряжаться собою, душой и телом, по своему усмотрению. Это касалось не только крестьян, но и бояр, называвших себя перед лицом царя его «холопами».

Несанкционированное явление Лжедмитрия Первого было вызовом, покушением на «борисо-глебовскую» духовно-поведенческую модель, которую, с известными оговорками, можно назвать основным идеологическим догматом досмутной России. Свободный акт воли Григория Отрепьева вполне обнимается идеей, высказанной Поджо Браччолини в диалогах 1400 года: «Великие действия возможны только когда воля отдельного человека ломает законы большинства». Иллюстрацией может служить характеристика Самозванца,

которую со слов казаков приводит в своем сочинении Авраамий Палицын: «Что солнышку нашему годно, и он творит».

Мятежника, легко преступающего закон большинства, вольного мятежника ренессансного типа увидел в Самозванце автор «Бориса Годунова». За свою самочинность Родиону Раскольникову пришлось заплатить кровью невинной жертвы. Самозванец Хлестаков свободен, как сумасшедший, как марионетка в руках Господа (см. Г.Клейст, «О театре марионеток»). И все это – русский человек последних трехсот лет.

Переиначив Пико делла Мирандолу, Лжедмитрий мог бы заявить: «Я поставил *себя* в центр мира». Это был сигнал о неизбежном грядущем расколе, расслоении и атомизации того монолита, который звался русским народом. Произошло рождение личности, и процесс этот, начавшийся именно с явления Самозванца, а не с реформ Петра, – процесс этот, то разгораясь, то пригасая, продолжается и доныне – в борьбе-примирении «борисоглебства» и «самозванства».

Смута – результат и форма грандиозного кризиса религиозного миросозерцания, начавшегося, пожалуй, в условиях кризиса царской власти при Иване Грозном, кризиса религиозной царистской идеологии. Ощущая обессиливание государства, опирающегося лишь на самое себя, Грозный в конце концов склонился от идеи сословно-представительной монархии к идее восточного деспотизма (первыми эту тенденцию отметили историки Я.Лурье и Д.Алыщиц), то есть вернулся к неисчерпаемому, как ему казалось, источнику все того же Духа Общности, хотя внутренний ресурс соборности, неадекватной национальному государству, уже иссяк. Кризис был неминуем. Вся громче звучала критика «внешнего благочестия» Москвы. В последние годы правления Грозного в запустение и упадок пришли едва ли не 90% дворов на основных российских территориях. Противоречивая политика Годунова с попытками усиления центральной власти и одновременным неуклюжим поворотом к Западу с еще большей силой выявила неэффективность самодержавной власти и деградацию царизма как нравственного идеала: в непричастность Бориса к убийству в Угличе не столько не верили, сколько *не хотели* верить. Приписывание Годунову злодейства есть результат моральной самодискредитации царской власти.

Изнурительные войны, чудовищные истязания и казни людей и целых городов в царствование Ивана Грозного вызвали перенапряжение душевных сил России, «воспаление» ее духа. Волшба, чернокнижие, кликушество, юродство (послания монахам Кирилло-Белозерского монастыря Грозный подписывал красноречивым псевдонимом Парфений Уродливый), судебные процессы о колдунах и ведьмах, о которых и прежде изредка сообщалось, в XVI–XVII веках стали характернейшей приметой русской духовной жизни. Широкое хождение получили «отреченные книги»: Остролог, Рафли, различные Громовники и Разумники, Волховники и Чаровники, Сносудцы и Альманахи, против которых еще недавно возвышал свой голос Максим Грек, усмотревший во всем этом – в соответствии с чисто средневековой точкой зрения – попытку безнравственной онтологизации зла и освобождения личности от ответственности. Но великий московский пожар 1547 года, по всеобщему убеждению, был вызван чародейством Глинских, поплатившихся за это жизнью. Злоумышленной волшбой объяснялась смерть царицы Анастасии в 1560 году. По обвинению в колдовстве пытали и казнили видных бояр и воевод, как, например, князя Воротынского. В 1570 году Грозный, к неудовольствию русских, приблизил к себе голландского медика Бомелия – «немчина лютаго волхва». В 1584 году по приказу царя в Москву были свезены десятки чародеек, предсказания которых докладывались государю ежедневно. Верил в

волшбу и Годунов, да и Василий Шуйский был «к волхвованию прилежаше». В «Сказании о царстве государя и великого князя Федора Иоанновича» (и не только там) рассказывается о колдовстве Лжедмитрия Первого, жена которого Марина Мнишек вдобавок умела оборачиваться сорокой. Да и чего еще ждать от человека, который, как утверждали, перед воцарением тридцать лет сидел в тюрьме, где «заростил» на груди алмазный крест, чтобы больше походить на царевича Дмитрия, а кроме того, был недобрым колдуном, хотевшим соорудить «крыльица дьявольские», чтобы улететь... Русь бредила и визионерствовала: числом видений Смута, пожалуй, превосходит любой другой период русской истории.

Смысл обращения к магии, которой доверяли и с пылом предавались цари и крестьяне, проясняет, как мне кажется, Эудженио Гарен в работе «Магия и астрология в культуре Возрождения». «Дистанция между средневековым и Новым временем, – пишет он, – это дистанция между замкнутым, неисторичным, вневременным, неподвижным, не имеющим возможностей, завершенным универсумом и универсумом бесконечным, открытым, исполненным возможностей». Ключевое слово здесь – «возможности». И магия есть активное использование этих возможностей влияния субъекта на весь комплекс взаимоотношений человека, мира, истории и Бога. По определению Джордано Бруно, маг – это мудрец, умеющий действовать. И с этой точки зрения магия предстает, во-первых, действием более рациональным, нежели наука, во-вторых, героическим актом созданной Богом свободной личности, творящей себя, мир, историю и даже Бога (в мире, который – в отличие от античного Космоса – был сотворенным). Дух Ренессанса самочинно проник и в русское коллективное сознание. Проник в облике Самозванца.

Существенным признаком человека Нового времени в представлении ренессансных мыслителей, как отмечает тот же Гарен, является его власть над собственной природой как результат именно того, что он не имеет природы. Отсутствие же собственной природы, бытие в качестве средоточия полной свободы приводит к тому, что весь мир форм подвластен человеку настолько, что он может его превзойти, либо перерождаясь в демона, либо восходя к божественной, сверхразумной сущности. Ясно, что напряженное средневековое русское сознание, пусть и не сразу, восприняло в феномене Самозванца именно его демоническую составляющую, а отсутствие у него собственной природы было осмыслено не в плоскости философской мифологии, но в категориях мистической морали, причем отсутствие собственной природы выявлялось и понималось, так сказать, буквально.

Для существ, не имевших собственной природы, в русском языке было слово «навь, навье» – мертвые, души усопших, духи. Грамматический средний род как бы подчеркивал чуждость этих существ подлинно человеческому. Григорий Отрепьев был из монахов, а по слову Иоанна Лествичника – «всяк чернец прежде смерти умрет». Удаляясь в монастырь, человек как бы умирает для мира внешнего, мира живых, чтобы неустанно, через аскезу и молитвенное восхождение к Богу, предстательствовать пред небом за живых, вынужденных прозябать в греховной юдоли земной. «Сродник погибели» Лжедмитрий настойчиво, из сочинения в сочинение, сравнивается с Юлианом Отступником, который до восшествия на престол византийских императоров «бысть мних». И вот этот живой мертвец (а тогдашнее сознание воспринимало эту формулу гораздо более непосредственно, чем наше) является в мир, садится на трон московских государей и – «хватает живых». Да еще при содействии католиков – Врага, проникшего в сердце Третьего Рима. Льстец, лжец, лицедей возвластвовал над народом, одна из живейших традиций которого – исступленное стремление к правде. Но к правде полной и окончательной, конечной, то есть неподвижной, мертвой. Такое мышление не могло не вызвать

из небытия Лжедмитрия. Признание этой логики было бы равнозначно признанию того факта, что «ад – это мы». Самозванец – это мы. То есть это мы породили Льстеца, Дьявола; сила самоубийства таится в глубинах нашего Духа; виновны – мы, всяк и каждый. Вот с этим русские христиане примириться не только не хотели, но и не могли, и поэтому вся сила духа, вся его чудовищная совокупная мощь была направлена на «очуждение» Самозванца.

К ритуальным обвинениями в родстве с Сатанаилом и в колдовстве добавились более конкретные и реальные «вины»: привод на Русь иноземцев, женитьба на католичке, а впоследствии и тайный переход в «латинскую» веру, демонстративное небрежение национальными обычаями и традициями: свадьбу устроил накануне пятницы, во время заутрени пошел в баню, в постный день ест скоромное и т.д.; ношение иноземного платья и брадобритие – «скобление рыла» (последнее обстоятельство не столь уж невинно, в послании Максима Грека Ивану Грозному утверждается следующая идеологема: «Ус же и брада предобрейша умышлена быша премудрейшим хитрецом Богом, не точию к раззнанию женскаго пола и мужскаго, но еще и честновидному благолепию лиц наших», – а это уже нешуточно), а также гомосексуализм, о чем свидетельствует Исаак Масса и от чего тщетно потом пытался отмыться лжедмитриев партнер «Иван дукс» – князь Хворостинин, и, наконец, покушение на девственность Ксении Годуновой: «...А дщерь (Годунова) повеле в живых оставить, дабы ему лепоты ее насладитися, еже и бысть». Не-русский. Не-христианин. Не-человек. Не-мы. Чужой.

Но была и иная точка зрения, принадлежавшая умствующим современникам Смуты. В своем «Временнике» дьяк Иван Тимофеев заявил однозначно: «Не чуждеи земли нашей разорители, но мы сами ее потребители». Его поддержал один из наиболее блестящих писателей и священнослужителей эпохи келарь Троицы Авраамий Палицын, усмотревший, кроме того, причину Смуты в харизматических добродетелях народа (позже Н.Бердяев назвал их «овечьими») – во «всего мира бессловесном молчании», тем самым поставив под сомнение главный идеологический догмат досмутной России – «борисоглебство». Я бы воздержался от иронии по поводу этих якобы риторических формул, в бездонной глубине которых были почерпнуты силы для искупительной жертвы 1612 года. И потом, в то время как самоосвобождение от вины за Смуту и самозванство обрекло народ на движение по кругу, на повторение пройденного, формула Тимофеева–Палицына выявляла в русском универсуме потаенные возможности, делала его бесконечным и открытым будущему.

Символичен, безотносительно к его достоверности, акт, поставивший точку в земной биографии Самозванца: его тело сожгли, а прахом выстрелили из пушки в сторону *Запада*. Типично русский пример идеологической баллистики. Отблеск этого выстрела осветил дорогу Никону и Аввакуму, Петру и Пугачеву, Сталину и Горбачеву...

Уже в годы Смуты, помимо двух Лжедмитриев, возник «сын» царя Федора Петр (Илейка Горчаков), и с тех пор самозванство стало навязчивым кошмаром русских самодержцев, вынужденных железом и кровью решать давнюю проблему московских государей – проблему легитимности царской власти, имеющую давнюю и сложную подоплеку. Именно нерешенностью этой проблемы объясняется и болезненная реакция Москвы на непризнание царских полномочий, величание царей великими князьями и т.д., и эксплуатация устойчивых идеологем вроде «шапки Мономаха» и «Третьего Рима».

Но это была проблема и для их поданных. Во взаимоотношениях с государством, пусть и через посредников, русский человек имел дело не с людьми, избранными для исполнения власти, и даже не с человеком, чья власть хоть и священна, но получена *из рук*, пусть и Божьих, – он имел дело непосредственно с Богом, «царь бо Божий образ есть одушевлен» (Максим Грек).

Царь Алексей Михайлович, прозванный Тишайшим, бия по щекам бояр, осмелившихся ему перечить, при этом приговаривал: «Ты с кем споришь? С Богом споришь!» Значение этого факта выходит далеко за рамки анекдота.

Русский человек был проглочен Левиафаном и с большим правом, чем любой из Людовиков, но и с безмерной горечью, мог бы заявить: «Государство – это я». Увы, с таким же успехом мог бы назвать себя китом Иона, оказавшийся в китовом чреве.

Власть, как Бог, полагающая себе законы и потому стоящая над законами, то есть беззаконная («Что солнышку нашему годно, и он творит»), всегда рискует спровоцировать беззаконие, и русская история являет массу примеров, когда ответом на тотальный террор (и «поглощение» личности) сверху был выраставший из апатии народа тотальный же террор снизу, тот самый слепой и беспощадный бунт, о котором писал Пушкин, размышляя о деяниях самозванца Пугачева. Что ж, фамильярная близость к Богу предполагает возможность кощунства. Кроме того, самозванство есть способ легитимации мятежа, снимающий с его участников ответственность за кощунство. В этой тьме до неразличимости близки Дмитрий и Лжедмитрий, Петр Третий и Пугачев – царь и «царь», бог и «бог». Можно и без кавычек, которых все равно не признавала русская душа...

Весной 1606 года из Углича в Москву были перенесены мощи убиенного царевича Дмитрия. Его канонизацией Василий Шуйский хотел подорвать основу самозванства и предотвратить дальнейшее распространение этой заразы.

В конце марта 1924 года, спустя два месяца после смерти Ленина, когда телу его угрожала порча, было принято решение поместить его в мавзолей.

В похоронах Ленина участвовали тысячи людей – капля в море многомиллионной России, раскинувшейся от Балтики до Тихого океана. Со всех концов страны шли и ехали люди, и не только затем, чтобы проститься с «вождем», но и, видимо, удостовериться: Ленин мертв. Это было выгодно и власти, даже если власть и не отдавала себе в этом отчета: кто мог бы гарантировать, что где-нибудь в неспокойных районах крестьянской России не появится самозванец – Лже-Ленин?

Сталин и его окружение создавали государство досмутного типа. Натравливание классов и социальных слоев и групп друг на друга вовсе не противоречило основной цели – ликвидации самой возможности проявления самочинной личности. Государство вступило с партией в «богоизбранное супружество», как ранее оно сожительствовало с Церковью. В таком симбиозе большевистская партия волей-неволей должна была взять на себя сугубо религиозные функции. Эта власть могла существовать только при опоре на достаточно глубокий внутренний ресурс, каком вновь стал Дух Общности («единство» стало навязчивой идеей большевиков вплоть до Горбачева), и этот ресурс действительно обеспечивал большевикам жизнеспособность. Однако, будучи властью наднациональной и надзаконной (то есть беззаконной), они всегда опасались ответного террора снизу. Недаром главной целью осадного положения, введенного в Москве в 1941 году, была борьба с возможными контрреволюционными, антибольшевистскими, антисоветскими выступлениями, – и это спустя всего четыре года после принятия Конституции!

Мавзолей, безотносительно к действительным замыслам, был великолепной и эффективной выдумкой, позволившей вовлечь в действо со смертью в главной роли – миллионы статистов. Ведь всякий, кто приходил посмотреть на Ленина, как бы снова убивал его. Все были связаны круговой порукой, соучастием в преступлении.

Продолжением «мавзолейного действа» стали тысячи бронзовых и каменных изображений мертвеца, о котором поэт сказал, что он «живее всех живых». Надо перевернуть мир с ног на голову, сбить границы между живым

и мертвым, между правдой и ложью, чтобы манипулировать общественным сознанием, манипулировать загипнотизированными людьми, уже неспособными отличить черное от белого. Навье – мертвецы – перенаселили духовное пространство России. Мертвые по-прежнему хватают живых.

Рождение личности в России сопровождалось ужасными мучениями, и новорожденный оказался очень уж схож с новопреставившимся, чтобы привлечь на свою сторону сердце народа, перед которым поэтому, по глубокой мысли С.Франка, по-прежнему стоит задача «создать для себя формы общежития, основанные на духовной свободе и самодеятельности». Оставляя мертвому то мертвое, что без сомнения, есть в наших душах, мы покидаем подмостки, – на сцене остается все более мертвый Мертвец. Все живое от него, что вошло в химию наших душ, мы унесли с собою...

Когда мы говорим о рынке как образе жизни, об атомизации общества как непременном условии освобождения личности, может сложиться впечатление, что наступает полная и окончательная победа «самозванства» над «борисо-глебством». Это, конечно, не так, хотя сейчас и выглядит именно так. Недаром развал и разрыв всех и всяческих связей уже побуждает современников сравнивать переживаемую эпоху со Смутой.

Осознанное стремление к построению так называемого правового государства плодотворно лишь в том случае, если, перефразируя философа, великая духовная энергия «борисоглебства» определит собою эмпирическую периферию, общественно-правовой уклад нашей жизни, связывая между собою самочинные личности, новых «самозванцев», в качественно новое общество. И сделают это – такова парадоксальная логика реальности – именно «самозванцы», которых рынок в условиях правового государства заставит вспомнить истину, сформулированную одним немецким евреем следующим образом: «Свобода есть осознанная необходимость».

И может быть, тогда и завершится Предыстория России, и поднимется занавес...

●

НОВАЯ КНИГА

ВЕСТИ ИЗ СССР ПРАВА ЧЕЛОВЕКА **USSR NEWS BRIEF** HUMAN RIGHTS

Издательство «Страна и мир» до декабря 1991 г. выпускало информационный бюллетень «Вести из СССР. Права человека». Бюллетень этот выходил с конца 1978 г. дважды в месяц, а с 1990 г. – один раз в месяц. В 1992 г. в связи с изменением политической ситуации в стране издание бюллетеня прекращено.

Он ставил своей целью оперативно сообщать точную и подробную информацию о правозащитном движении в нашей стране, о национальных и религиозных движениях, о политических преследованиях, арестах и судах, о положении политзаключенных, освещал деятельность неформальных объединений, политической оппозиции, ситуацию в республиках.

Бюллетень принципиально воздерживался от комментариев и оценок. Его целью было – представить фактический материал, необходимый как для современников – участников событий, так и для историков. За 13 лет своего существования бюллетень приобрел репутацию наиболее систематического, точного и объективного информационного издания в области прав человека и политической оппозиции в Советском Союзе.

В связи с десятилетием бюллетеня, ранние выпуски которого давно уже стали библиографической редкостью, издательство «Страна и мир» в 1989 г. предприняло факсимильное переиздание всех выпусков бюллетеня и именных указателей к нему за 1978–1988 г. Издание было осуществлено в 4-х томах, общим объемом 1938 стр.

В настоящее время издательство выпустило 5-й, завершающий том (1989–1991 гг.) объемом 575 стр. Цена всех 5-ти томов – 100 н.м., цена одного последнего, 5-го тома – 25 н.м. Пересылка авиапочтой за дополнительную плату.●

Благодатное время надежд!
Да! прошедшим и ты уже стало!
К удовольствию диких невежд,
Ты обетов своих не сдержало.
Но шумя и куда-то спеша
И как будто оковы сбивая,
Русь! была ты тогда хороша!
(Разуметь надо: Русь городская.)
Как невольник, покинув тюрьму,
Разгибается, вольно вздыхает
И, не веря себе самому,
Богатырскую мощь ощущает,
Ты казалась сильна, молода,
К Правде, к Свету, к Свободе
стремилась,
В прегрешениях тяжких тогда,
Как блудница, ты громко винилась,
И казалось нам в первые дни:
Повториться не могут они...

Приводя наше прошлое в ясность,
Проклиная бесправье, безгласность,
Произвол и господство бича,
Далеко мы зашли сгоряча!
Между тем как народ неразвитый
Ел кору и молчал как убитый,
Мы сердечно болели о нем,
Мы взывали: «Даруйте свободу
Угнетенному нами народу,
Мы прошедшее сами клянем!
Посмотрите на нас: мы обжоры,
Мы ходячие трупы, гробы,
Казнокрады, народные воры,
Угнетатели, трусы, рабы!»
Походя на толпу сумасшедших,
На самих себя вьющих бичи,
Сознаваться в недугах прошедших
Были мы до того горячи,
Что превысили всякую меру...
Крылось что-то неладное тут,
Но не вдруг потеряли мы веру...

Дело двинулось волею власти...
И тогда-то во всей наготе
Обнаружились личные страсти
И послышались речи – не те:
«Это яд, уж давно отравлявший
Наше общество, силу забрал!» –
Восклицал, словно с неба упавший,
Суясь всюду, сморчок генерал
(Как цветы, что в ночи
распускаются,
Эти люди в чинах повышаются
В строгой тайне – и в жизни потом
С непонятным апломбом являются
В роковом ореоле своем).
Если б только такие людишки
Порицали реформу... увы!
...Радикалы вчерашние тоже
Восклицали: «Что будет?.. о Боже!..»
Уступать не хотели земли...

Та вражда к молодым поколеньям
Здесь начальные корни взяла,
Что впоследствии диким явленьем
В нашу жизнь так глубоко вошла.
Учрежденным тогда комитетам
Потерявшие ум старики
Посылали, сердясь не по летам,
Брань такую: «Мальчишки!
щенки!..»
Не щадя даже сына родного,
Уничтожить иной был готов
За усмешку, за резкое слово
Безбородых, безусых бойцов;
Их ошибки встречались шипеньем,
Их несчастье – скаканьем и пеньем:
«Ну! теперь-то припрут молодцов!
Лезут на стену, корчат Катонов,
Посевают идеи Прудонов,
А пугни – присмиреет любой,
Станет петь превосходство
неволи...»

Правда, правда! народ молодой
Брал подчас непосильные роли.
Но молчать бы вам лучше, глупцы,
Да решеньем вопроса заняться:
Таковы ли бывают отцы,
От которых герои родятся?..

Н.А.Некрасов, «Недавнее время» (1871 г.)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

О денонсации Договора об образовании СССР

Руководствуясь Декларацией о государственном суверенитете РСФСР и в соответствии с пунктом 15 статьи 109 Конституции (Основного Закона) РСФСР, Верховный Совет РСФСР п о с т а н о в л я е т :

Денонсировать Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик, утвержденный I Съездом Советов СССР 30 декабря 1922 года в городе Москве.

Председатель
Верховного Совета РСФСР Р.И.ХАСБУЛАТОВ

Москва, Дом Советов РСФСР
12 декабря 1991 года
№ 2015-I